

Министерство образования и науки
ФГАОУ ВПО «Белгородский государственный национальный
исследовательский университет»

Институт управления

**ИНТЕЛЛЕКТУАЛЬНАЯ
МАРГИНАЛИЗАЦИЯ МОЛОДЕЖИ
КАК ФЕНОМЕН ОБЩЕСТВА ПОТРЕБЛЕНИЯ
XXI ВЕКА**

Материалы Всероссийской
научно-практической конференции

г. Белгород, 26-30 мая 2014 г.

Белгород 2014

УДК 374.3:37.03
ББК 60.56
И 73

Печатается по решению
редакционно-издательского совета Института управления

Редакционная коллегия:

Шаповалова И.С. – доктор социологических наук, доцент (отв. ред.)
Шавырина И.В. – кандидат социологических наук, доцент
Куликова О.В. – кандидат психологических наук, доцент
Шмигирилова Л.Н. – кандидат социологических наук, доцент

И 73

Интеллектуальная маргинализация молодежи как феномен общества потребления XXI века : материалы Всерос. науч.-практ. конф. (Белгород, 26-30 мая, 2014 г.) / отв. ред. д. социол. н., проф. И.С. Шаповалова. – Белгород : ИД «Белгород» НИУ «БелГУ», 2014. – 168 с.

ISBN 978-5-9571-0960-0

В сборнике материалов Всероссийской научно-практической конференции представлены результаты исследований ученых по вопросам интеллектуальной маргинализация как социокультурного феномена современного общества, роли высшей школы в противодействии интеллектуальной маргинализации молодежи, экономики знаний и интеллектуального труда, масс-медиа пространства и его роли в процессах интеллектуализации и маргинализации общества.

Материалы сборника представляют интерес для руководителей органов управления регионами и муниципальными образованиями, коммерческих и некоммерческих структур, образовательных учреждений, преподавателей, аспирантов, магистрантов и студентов высших учебных заведений.

УДК 374.3:37.03
ББК 60.56

Сборник подготовлен при поддержке РГНФ в рамках выполнения проекта «Интеллектуальная маргинализация России: причины, процесс, механизмы противодействия в контексте глобального инновационного развития», проект №12-33-01417.

ISBN 978-5-9571-0960-0

© Белгородский государственный национальный
исследовательский университет, 2014

Интеллектуальная маргинализация как социокультурный феномен современного общества

ИНТЕЛЛЕКТУАЛЬНАЯ МАРГИНАЛИЗАЦИЯ МОЛОДЕЖИ КАК ПРОБЛЕМА ВНЕДРЕНИЯ КОНВЕРГЕНТНЫХ ТЕХНОЛОГИЙ

Н.Е. Амадова,

*ассистент кафедры социологии и организации работы с молодежью,
НИУ «БелГУ»*

Современная Россия, проходя свой путь создания рыночных механизмов экономического развития, оказалась перед системными вызовами, порожденными как мировыми тенденциями, так и внутренними барьерами: 1) усиление глобальной конкуренции, охватывающей не только традиционные рынки товаров, капиталов, технологий и рабочей силы, но и системы национального управления, поддержки инноваций, развития человеческого потенциала; 2) ожидаемая новая волна технологических изменений, усиливающая роль инноваций в социально-экономическом развитии и снижающая влияние многих традиционных факторов роста; 3) возрастание роли человеческого капитала как основного фактора экономического развития; 4) исчерпание потенциала экспортно-сырьевой модели экономики [1].

Достойным ответом на указанные вызовы может стать только перевод экономики страны на инновационный путь развития, который невозможен без формирования национальной инновационной системы (НИС), способной интегрироваться в международную инновационную среду. Основой для формирования НИС является взаимодействие науки и реального сектора экономики при квалифицированной поддержке властей и гражданского общества. Неслучайно в Стратегии инновационного развития РФ на период до 2020 года отмечается, что «обеспечение эффективной реализации поставленных задач перехода страны на инновационный путь развития требует формирования и развития механизмов многостороннего взаимодействия между органами государственной власти, бизнесом, научными и образовательными организациями, организациями гражданского общества» [2].

Однако, несмотря на осознание необходимости и определенную активизацию мер по поддержке интеллектуального уровня государства в экономико-политическом и социальном аспектах, «до сих пор продолжается отток «интеллектуального капитала» в зарубежные страны, оплата труда научных работников остается низкой, институциональные структуры интеллектуальной деятельности бесконечно модернизируются в поисках оптимальной формы. Данные процессы приводят Россию к состоянию интеллектуальной маргинализации, проявляющейся, в первую очередь, в потере лидирующих геополитических позиций в сфере технико-технологического и, как следствие, гуманитарного развития» [3: 203].

Придерживаясь в целом точки зрения предыдущих авторов, здесь под

интеллектуальной маргинализацией современной России мы понимаем утрату лидирующих позиций в таких сферах как: образование и наука; система национального управления; развитие и реализация человеческого потенциала. Что касается качественного и количественного состава маргинальных групп, то интерес к социологическим исследованиям здесь может быть связан как с масштабностью процесса трансформации общества и, как следствие, появлением новых групп, так и с необходимостью переосмысления статуса групп, ранее существующих.

Молодежь в любые, даже самые устойчивые, периоды развития общества находится в маргинальном положении. Переход из мира детства в мир взрослых людей всегда сопровождается противоречивой и болезненной заменой одних социальных ролей другими. Этот процесс наполнен разного уровня сложностями и противоречиями «отцов и детей», спровоцированными межпокаленческими разногласиями. Стремление молодого человека адаптироваться, идентифицировав себя с той или иной общественной группой, приводит его к необходимости социального, профессионального и личностного самоопределения, в ходе которого происходит болезненный процесс замены одних, привычных для него, ценностей и норм поведения на другие. Ясно, что в переломные периоды общественного развития процесс маргинализации молодежи протекает куда более интенсивно и от этого еще более болезненно. Как следствие переломных процессов и усиления на их фоне неустойчивости российского общества значительно возросла численность и многообразие групп маргинализирующейся молодежи. А в связи с затянувшейся нестабильностью и неопределенностью социального положения эти группы остаются одним из основных источников разного рода социальных рисков и напряжений в стране.

Говоря о маргинализации современной российской молодежи, следует заметить, что тенденция интеллектуального «балансирования» связана, прежде всего, с подменой аксиологических смыслов образовательного процесса. Традиционной целью образования в социалистической России было создание гармоничной целостной личности, нравственной и высокоморальной. К сожалению реалии таковы, что основные критерии образованности современного молодого человека сместились в сторону конкурентоспособности, успешности и эффективности. Именно эти качества культивируются родителями, учителями, преподавателями вузов, средствами массовой информации, вытесняя, определенным образом, все другие. Несмотря на то, что конкурентоспособность и эффективность являются скорее экономическими категориями, именно на них, в конечном счете, ориентируется деятельность современных высших учебных заведений.

Иначе говоря, аксиологическая сторона современного российского образования представляет собой серьезную проблему. Из терминальной ценности образование превратилось в ценность инструментальную, поскольку сегодняшняя высшая школа делает упор скорее на экономическую целесообразность обучения, нежели на воспитание духовно богатой целостной личности. Профорientационная работа вузов в современной массовой школе напоминает искаженный вариант хэджантинга, когда борьба ведется буквально

за каждого платежеспособного абитуриента. При этом наличие способностей или уровень базовой подготовки последнего уже мало кого интересует.

Так, постепенно образование превратилось в «один из сегментов сферы услуг», где в условиях рыночной экономики предусматривается определенная логика поведения потребителя и поставщика услуг. В частности, одним из критериев удовлетворенности потребителя является уровень комфорта. Действительно, современные вузы представляют все больше возможностей комфортного обучения. Удлинение перемен, сокращение аудиторных часов, увеличение возможностей пересдачи экзаменов, снижение уровня требований со стороны преподавателей, ослабление исполнительской дисциплины и прочее. Современный вуз является для студента лишь формой продолжения детства. И здесь трудно не согласиться с Т.А. Хагуровым, который справедливо напоминает о том, что истинный образовательный процесс дискомфортен, поскольку в нем всегда присутствует элемент долженствования. «Интерес и радость познания становятся возможны, когда выполнено требование долженствования, когда обучаемый подчинил себе свою лень, ригидность, несобранность и т.п.» [4].

Определенную надежду на выход из создавшейся ситуации вселяют данные Центра стратегических исследований и разработок Сибирского федерального университета, полученные в ходе масштабного Делфи-опроса. По этим данным в ближайшие 20 лет произойдут значительные изменения миссии и функций высшей школы России. В частности, эксперты ожидают, что к 2030 году ведущими будут следующие ее функции: 1) проведение фундаментальных научных исследований как основы технологий завтрашнего дня – «форпост науки»; 2) создание технических и технологических инноваций – «инноватор»; 3) подготовка кадров для высокотехнологичных секторов экономики по заказу предприятий – «школа кадров будущего»; 4) «апгрейд» профессионального и личностного потенциала людей всех возрастов – дополнительное профессиональное образование, переподготовка, повышение квалификации, личностное развитие, рестарт жизненного пути – «школа взрослых».

Россия будет включена в глобальные процессы социально-экономического развития и сопутствующие социокультурные изменения. Будет происходить сокращение вклада сценарной линии «сырьевое будущее», возрастет вклад сценарных линий «догоняющая модернизация», «локальное лидерство», «когнитивное общество». Именно эти изменения, по прогнозам специалистов Центра, будут задавать социально-экономический контекст для развития высшей школы [5: 44-45].

Таким образом, всеми признанное несовершенство идеи и миссии высшей школы современной России, остро назревшая потребность в изменении социально-экономического контекста их развития определяют очередную особенность современной интеллектуальной маргинализации молодежи.

Следующей составляющей интеллектуальной маргинализации является возрастающая потребность в междисциплинарном образовании. Реалии таковы, что получив соответствующее образование, заниматься профессиональной деятельностью исключительно в данной области становится все сложнее. Уже

сейчас многие специалисты вынуждены получать второе высшее образование. Особенно часто это происходит в экономике, юриспруденции, управлении и других отраслях. Далее, в связи со становлением и развитием инновационного общества эта тенденция будет только усиливаться и напрямую касаться междисциплинарности в естественных науках.

По поводу междисциплинарности М.В. Ковальчук, в частности, замечает: «Сама логика развития науки привела нас от узкой специализации к междисциплинарности, затем наддисциплинарности, а теперь фактически к необходимости объединения наук. Но не к простому геометрическому сложению результатов, а к синергетическому эффекту, взаимопроникновению» [6: 19]. Достойным ответом на назревшие потребности можно считать создание нового научно-технологического уклада, базирующегося на конвергенции так называемых НБИК-технологий (Н – нано, Б – био, И – информационные, К – когнитивные).

Внедрение НБИК-технологий с их возможностями интеллектуального прорыва, вызовет глубокие перемены в социально-экономическом, политическом и культурном укладах жизни общества. А значит, те страны, которые смогут быстро и эффективно перевести систему образования и организацию научных исследований на новые междисциплинарные рельсы, будут занимать лидирующие позиции в глобальном мире XXI века.

Однако обеспечить указанный прорыв могут только специалисты принципиально иного уровня, подготовленные на междисциплинарной основе и способные разбираться в разных науках. А значит, и готовить таких специалистов следует по-иному. Реализация такой потребности автоматически ведет к изменению организации процесса образования и повышению ответственности за качество подготовки специалиста. Реалии наших дней требуют создания многоуровневой системы подготовки молодых кадров по направлениям и профилям конвергентных наук, выстроенной по принципу междисциплинарности. В частности, она может содержать уровни: школьник, абитуриент, студент, бакалавр, магистр, аспирант, докторант. При этом важно, чтобы подготовкой занимались ведущие вузы страны в лучших традициях отечественного образования, а в образовательном процессе принимали участие известные ученые, сами занимающиеся конвергентными исследованиями. Только в таких условиях можно минимизировать издержки интеллектуальной маргинализации молодежи и воспитать ценных сотрудников, способных к осуществлению инновационных прорывов.

Первый опыт подготовки таких специалистов в России стартовал в 2005 году на базе физического факультета МГУ им. М.В. Ломоносова и РНЦ «Курчатовский институт». В настоящее время он используется несколькими вузами страны, в числе которых НИУ «БелГУ» занимает достойное место.

Конвергентные технологии в отличие от других наук и технологий имеют целый ряд особенностей, на рассмотрении которых имеет смысл остановиться более подробно.

Первая особенность связана с самой организацией исследований. Сюда можно отнести переходы: от привычных исследований по направлению «сверху

вниз» (в сторону уменьшения размеров создаваемых предметов) к направлению «снизу вверх» (в сторону их увеличения); от узко специальных методов исследования – к междисциплинарным. Кроме того, поскольку основные свойства материалов зависят от их размеров, то полученные результаты не всегда объяснимы положениями фундаментальных наук. Неслучайно В.Г. Горохов в этой связи замечает, что «технонаука – новая сфера научно-технической деятельности, которая отличается новым способом мышления и практики – это важный шаг вперед на пути превращения науки главным образом из аппарата познания и хранилища знаний в творческую преобразующую деятельность, позволяющую человеку не только повторять природу, но и создавать объекты, явления и процессы, не имеющие естественных аналогов» [7: 40].

Другая особенность вытекает из того, что в процессе использования конвергентных технологий узкопрофессиональная (в привычном смысле) направленность деятельности исследователя заменяется деятельностью специалиста высокого уровня образованности в разных областях: естественно-математической, технической, гуманитарной. Это приводит к высокой затратности технологических процессов и получению конечного продукта, в котором (по сравнению с любым другим продуктом) резко возрастает удельный вес интеллектуального труда. Иначе говоря, проведенные исследования и технологическая разработка конечного продукта составляют значительную его часть.

Особенностью указанных технологий следует считать и их способность вывести знания о человеке на качественно новый уровень: от биологии и психологии к социокультурным характеристикам человеческого существования; к появлению новых возможностей вмешательства в личную жизнь людей и обострению проблем, связанных с нарушением личной свободы человека; к опасности еще большего социального расслоения; к возникновению феноменов «секуляризованной вечности», «практического бессмертия» и т.п.

Следующая особенность заключается в широкой социальной направленности конвергентных технологий. Дело в том, что создаваемая на основе этих технологий продукция с новыми свойствами может быть востребована в медицине, строительстве, легкой промышленности, сельском хозяйстве и других народно-хозяйственных областях. Разумеется, выпускаемая продукция будет применима и для специального использования, но в целом она изначально нацелена на широкий потребительский рынок, что предполагает обратную связь, и, как следствие, быструю отдачу вложенных средств. Именно эта особенность существенно отличает конвергентные проекты, например, от атомного или космического проектов, которые по первоначальному замыслу были ориентированы на потребности военно-промышленного комплекса.

К особенности, наконец, следует отнести и тот общественный резонанс, который сопровождает зарождение и бурное развитие конвергентных технологий, если еще учесть, что протекает он на фоне полного отсутствия реалистичных представлений общества как о грядущих перспективах, так и возможных рисках и негативных последствиях внедрения и развития соответствующих технологических процессов. Сегодня в научно-популярной

литературе наблюдается довольно жесткая поляризация взглядов сторонников и противников. Сторонники зачастую выдвигают завышенные ожидания от конвергентных технологий, а противники, наоборот, привлекают общественное внимание к угрозам и рискам, связанным с их использованием. Рассуждая о нанотехнологиях как национальной идеи, Генрих Эрлих справедливо замечает: «Они оказались тем стержнем, вокруг которого удобно структурируются все программы – научные, технологические, образовательные, социальные» [8: 37].

Разумеется, можно выделить и целый ряд других особенностей использования конвергентных технологий, но даже из того, что уже сказано, вытекает настоятельная потребность в формировании осторожного и грамотного общественного отношения к этому процессу. Неслучайно внедрение НБИК-технологий, например, не может обойтись без разработки и использования соответствующих социогуманитарных технологий, поэтому специалисты все чаще стали говорить о НБИКС-технологиях. Таким образом, центр внимания специалистов постепенно смещается от научно-технических проблем к проблемам взаимодействия науки и техники с социумом. Это взаимодействие должно быть организовано при строгом соблюдении: высокого уровня ответственности со стороны ученых-исследователей и технологов; морально-этических норм и правил; норм безопасности и охраны окружающей среды. Соблюдение этих условий, в свою очередь, требует от молодого специалиста соответствующего уровня интеллектуального развития.

В заключение работы нам представляется целесообразным сформулировать некоторые выводы:

- роль государства в формировании интеллектуального ресурса молодежи и использовании его для устойчивого развития профессионально трудоспособного, образованного общества до сих пор снижена;
- поддержание инновационного потенциала страны, соблюдение ее экономико-политического и социального баланса невозможно без социальной регуляции процесса маргинализации молодежи и поворота мировоззрения в сторону базовых ценностей Российской цивилизации;
- наука и образование современной России не решают в полной мере проблему создания НИС, что выражается в несформированности структур, интегрирующих науку, образование и производство и нехватке высококвалифицированных специалистов в наукоемких высокотехнологичных секторах экономики;
- одной из ключевых проблем развития и внедрения конвергентных технологий в современной России является интеллектуальная маргинализация молодежи;
- развитие интеллектуального потенциала России в контексте инновационной политики невозможно без выработки механизмов преодоления интеллектуальной маргинализации молодежи на государственном уровне.

Литература

1. Концепция долгосрочного социально-экономического развития РФ на период до 2020 года [Электронный ресурс] – <http://base.garant.ru/194365/> (дата обращения: 14.04.2014).

2. Стратегия инновационного развития Российской Федерации на период до 2020 г. [Электронный ресурс] – <http://www.garant.ru/products/ipo/prime/doc/70006124/> (дата обращения: 15.04.2014).

3. Каменский Е.Г. Интеллектуальная маргинализация России: определение проблемного поля на основе социокультурного анализа / Е.Г. Каменский, И.А. Асеев, Е.И. Боев // Известия Юго-Западного государственного университета. – 2012. – № 3(42). – Ч. 2. – С. 203-208.

4. Хагуров Т.А. Образование в стиле «пепси» (Полемические заметки) // Социологические исследования. – 2010. – № 7. – С. 96-103.

5. Ефимов В.С. Форсайт высшей школы России: новые миссии и функции, перспективные технологии и форматы деятельности / В.С. Ефимов, А.В. Лаптева, В.А. Дадашева // Университетское управление: практика и анализ. – 2012. – № 3. – С. 13-48.

6. Ковальчук М.В. Конвергенция наук и технологий – прорыв в будущее / М.В. Ковальчук // Российские нанотехнологии. – 2011. – № 1-2. – С. 13-23.

7. Горохов В.Г. Наноэтика: значение научной, технической и хозяйственной этики в современном обществе / В.Г. Горохов // Вопросы философии. – 2008. – № 10. – С. 33-49.

8. Эрлих Г. Нанотехнологии как национальная идея / Г. Эрлих // Химия и жизнь. – 2008. – № 3. – С. 32-37.

МОТИВ ПРЕСТИЖА В ВЫБОРЕ СТУДЕНТАМИ БУДУЩЕЙ ПРОФЕССИОНАЛЬНОЙ ДЕЯТЕЛЬНОСТИ

Н.В. Антоненко,

*старший преподаватель кафедры
управления персоналом, НИУ «БелГУ»*

В настоящее время отечественная высшая школа претерпевает серьезные трансформации: испытанная и показавшая на практике отличные результаты система образования изменяется под влиянием интеграции России в мировое экономическое, научное и образовательное пространство. Внедрение в деятельность вузов компетентностного подхода преследует цель воспитания студентов, обладающих обширными практическими навыками. Дополнительные требования предъявляются к их научно-исследовательской активности, приветствуется и поощряется участие в инновационной деятельности, приобретение ими новых, универсальных навыков. Однако изменившаяся система общих принципов организации образования, его содержание, применяемые образовательные технологии, в том числе и технологии оценки результатов, сталкиваются с реалиями современной России. Потребность высшей школы в хорошо осведомленных, интеллектуально развитых, активных и ориентированных на саморазвитие юношах и девушках удовлетворяется лишь отчасти. Усугубляет проблему высокий уровень инфантильности подростков, их неготовность к самостоятельности, выученная беспомощность. Получение высшего образования часто связывается со стремлением школьников отсрочить свой выход на рынок труда. Зачастую в иерархии мотивов выпускников школ образование не занимает действительно значимое место, а является лишь средством продления беззаботного подросткового периода. В данной ситуации, определение молодыми людьми

смысла обучения в высшей школе, проблема выбора профессии и дальнейшего жизненного пути, становится наиболее актуальной.

Процесс выбора школьниками уровня профессионального образования определяется не только осознанием собственных способностей и возможностей, воздействием ближайшего социального окружения и образовательных учреждений, но и конкретными социально-экономическими и политическими условиями в стране. Бурно развивающаяся рыночная система, приведшая к коммерциализации высшей школы, переориентировала процесс образования в процесс предоставления образовательных услуг, что также способствовало активному изменению критериев и приоритетов в профессиональном определении. Современный «потребитель образования», как и любой другой покупатель, руководствуется собственными мотивами при совершении выбора будущей профессиональной деятельности. Ограниченный ранее общественным заказом процесс подготовки специалистов, а, следовательно, и возможность обучения в вузе, в большинстве случаев определяется не способностями и склонностями молодого человека, а его финансовыми возможностями, «стоимостью» профессии, отношением общества к ее представителям, ее популярностью. Результаты профориентационных мероприятий теряются под напором общественного мнения о престиже профессии и популярности специальности на рынке труда, а показатели учебной деятельности школьников становятся менее значимыми по отношению к материальному благосостоянию семьи выпускника. Это обнаруживает явное противоречие, выражающееся в повышении роли образования в жизни общества и индивида в целом, и тенденции к снижению его качества.

Объективно значимое влияние на процесс профессионального самоопределения оказывает рынок труда: он диктует спрос на профессии, требования к качеству специалистов, определяет уровень доходов и социального престижа работы и т.д. В настоящее время отмечается неудовлетворенность потребителей рынка труда – организаций-работодателей качеством предлагающих на нем свои услуги работников. Данная ситуация может быть связана как с качеством предоставляемых образовательных услуг, так и с характеристиками самих выпускников, среди которых наблюдается уже упомянутый высокий уровень инфантильности, ожидание помощи со стороны, нежелание самостоятельно решать проблемы. Все это приводит к высокому уровню безработицы среди выпускников вузов, потере квалификации, мотивационным конфликтам, разочарованию в профессии и т.д.

Так, в исследовании Е.С. Калининской и Л.Н. Захаровой была обнаружена тенденция увеличения доли специалистов с высшим образованием в структуре безработных, что по мнению авторов может свидетельствовать как об увеличении процента населения, обладающего высшим образованием, так и о несоответствии полученного образования требованиям рынка труда к качеству работников [4].

Процесс профессионализации, начиная с выбора профессии и приобретения профессиональных знаний, умений и навыков, продолжающийся

в постоянном саморазвитии, овладении более высоким уровнем профессионального мастерства, все больше подвергается воздействию мотивов престижа.

Впервые понятие «престиж профессии» было введено в 60-е гг. XX в. группой ученых под руководством В.Н. Шубина, и в настоящее время обнаруживается значительное количество теоретических и практических работ в данной области. Престиж рассматривается как «интегральная оценка, которая является результатом соотнесения социально значимых характеристик субъекта со шкалой ценностей, сложившихся в данном обществе» [3, С. 6.]. С этой позиции выбор молодыми людьми будущей профессии, профессионализация в целом, выступает как процесс достижения определенной статусной позиции, которая реализуется в свободе доступа к экономическим, властным, информационным ресурсам, а профессиональное образование выступает и как инструмент реализации этого процесса, и как средство овладения профессиональными компетенциями. В сущность профессионального статуса вкладывается два фактора: символическая оценка полученного образования – диплом, статус высшего учебного заведения, и собственно профессионализм (профессиональная репутация), выражающийся в совокупности необходимых для успешного выполнения трудовой деятельности знаний, умений, навыков.

Статус одной профессии, по сравнению со статусом другой, зависит от того, в какой мере она позволяет человеку поддерживать определенные ценности. Современное общество характеризуется преобладанием материальных ценностей (финансовое и материальное благосостояние). Следовательно, и процесс профессионального самоопределения молодежи находится в прямой зависимости от доминирующих материальных ценностей.

Рассмотрение вопроса престижа профессии во временном континууме позволяет увидеть изменение не столько содержания понятия, сколько изменение степени значимости для общества и индивида его составляющих. Если раньше мерилom престижа профессии было уважение к ее носителю, уровень доверия к нему окружающих людей, авторитет специалиста и социальная полезность профессии, то в настоящий момент вектор оценок смещен на уровень дохода, стоимость полученного образования и статус высшего учебного заведения. Изменение отношения к престижу профессии зачастую приводит к тому, что внутренние содержательные составляющие профессиональной деятельности уходят на второй план, а сопутствующая внешняя атрибутика на передний. Как следствие, доходная профессия приравнивается к престижной, а та, которая связана с общественно значимым и полезным трудом, но не приносящая высокий заработок, не наделенная большими властными полномочиями или материальными благами, находится внизу рейтинга предпочтительности.

В стабильном обществе одним из критериев оценки престижности может быть названа степень зависимости престижа от уровня образования и духовных качеств личности, в нестабильном – от материального благополучия и приближенности к власти [4]. Так, по исследованиям ученых, с крахом Советского Союза наблюдается начало падения престижа профессий,

связанных с интеллектуальным и творческим трудом, так как они перестали быть формой общественного признания, гарантом стабильного экономического положения. Напротив профессии, связанные с финансово-экономической сферой стали пользоваться большей популярностью [8, 12].

Сформировалась тенденция перепроизводства специалистов наиболее популярных профессий и нехватка специалистов низкорейтинговых профессий. Итогом является то, что большинство выпускников вузов не могут найти работу по специальности, и уходят в коммерческие/торговые организации, что приводит к несбалансированности рынка труда, потере молодыми людьми квалификации, исчезновению специалистов в определенных профессиях. В исследовании В.Л. Севостьянова отмечено, что в настоящий момент до 50% выпускников работает не по специальности. При этом наблюдается понижение качества рабочей силы. По оценкам «Всемирного экономического форума» за 2011г. в мировом рейтинге качество персонала в России характеризуется следующими показателями: профессионализм руководителей – 75 место, качество образования в соответствии с нуждами экономики – 82 место, инвестиции в обучение работников – 82 место [9].

Наблюдаются существенные диспропорции на российском рынке труда: отечественному бизнесу не хватает квалифицированных рабочих и специалистов средней квалификации; в избытке присутствуют специалисты с высшим образованием. В результате многие выпускники вынуждены изначально работать не по специальности [9]. Так, на верхних позициях рейтинга престижности находятся профессии экономиста, юриста, адвоката, менеджера. Исследование, проведенное в Белгородском государственном национальном исследовательском университете «НИУ БелГУ» показало сходство результатов с данными иных многочисленных исследований, посвященных профессиональному самоопределению [1, 9]: лидирующие позиции по востребованности среди выпускников школ имеют экономические специальности. По итогам набора на обучение в бакалавриате в 2013-2014 учебном году, количество поданных заявлений на экономические направления подготовки составило 28,6% от общего объема заявлений. Около половины из них (48,6%) составляют заявления на обучение управленческим специальностям. Второе место по популярности среди выпускников одиннадцатых классов занимают медицинские профессии (13,9%). Объем заявлений на получение педагогического образования составляет 11,7%. На обучение юридическим специальностям было подано порядка 7,4% от общего объема заявлений. Несмотря на непрестижность профессии педагога на современном рынке труда, достаточно высокие показатели объема поданных документов могут объясняться рядом причин, среди которых: большее количество предоставляемых вузом бюджетных мест, меньший балл по результатам ЕГЭ для прохождения по конкурсу и меньший конкурс на одно место, по отношению к более престижным направлениям подготовки [2]. Однако после завершения обучения, большинство выпускников-педагогов не стремится найти работу по специальности, предпочитая трудоустройство в торговых или коммерческих организациях.

На представления молодых людей о значимости профессии, на позицию в самоопределении, наиболее сильное влияние оказывают средства массовой информации. Увеличение влияния СМИ происходит на фоне снижении показателей семейного единства, родительского отчуждения. Зачастую, подростки усваивают нормы, ценности общества и образцы поведения посредством телевизионных программ, фильмов, глянцевого журналов. Воздействие источников СМИ становится сегодня таким же сильным, как и влияние родителей. Однако, наряду с информированием, для средств информации актуальна проблема искажения представлений в массовом сознании о некоторых профессиях или видах деятельности. Аспекты внутренней структуры профессиональной деятельности, требования к ней, сложность самого труда уходят на второй план, а в восприятии людей начинают доминировать видимые элементы, атрибуты, связанные с готовым результатом. Профессии, определяемые как престижные, начинают представлять собой систему, в которой связываются носитель профессии, ее внешние атрибуты и конечный результат, часто выражающийся не в произведенном продукте труда, а в социальном положении и материальном благополучии субъекта трудовой деятельности. Все это способствует появлению завышенных ожиданий молодых людей по отношению к выбранной профессии, отвлекая их или заставляя игнорировать факторы, влияющие на реальные возможности.

Как показывают многочисленные исследования, шкала престижа профессии заимствуется молодыми людьми не только в источниках средств массовой информации, но и у старшего поколения, представителей семейного окружения. Так в проведенном в НИУ «БелГУ» исследовании, в котором приняли участие студенты первого курса, обучающиеся по направлению подготовки «Управление персоналом» (объем выборки составил 59 человек), были получены следующие результаты: 28,8% первокурсников отметили, что родители и ближайшее семейное окружение имели главенствующее положение в определении выбора направления подготовки и формирования их профессиональных планов. Большинство студентов-управленцев (42,4%) указало на единоличное, только под воздействием собственных убеждений, принятие решения о выборе профессии, тогда как 16,9% респондентов приняли решение о будущей управленческой профессии, совмещая собственные интересы и убеждения с мнением семьи. Доля участия друзей и учителей в этом процессе незначительна. Лишь 11,9% бывших выпускников школ отметили влияние учителей, друзей и общественности. Очевидно, что решающую роль в выборе профессиональной деятельности играет собственное мнение, основанное на представлениях о расстановке сил на рынке труда.

Результаты многочисленных опросов показывают значительное превышение числа старшеклассников, желающих работать по самым престижным профессиям над потребностью рынка труда в этих работниках; и напротив, количество желающих работать в профессиях с низким престижем гораздо меньше. Выбор будущей профессиональной деятельности происходит не под влиянием взвешенной оценки ее содержательных и функциональных

характеристик, а под влиянием ожиданий и представлений о будущем социальном классе, в который выбранная профессия приведет молодого человека. Поэтому на задний план уходит рациональная оценка возможности трудоустройства и реальной необходимости специалистов определенного класса общественному производству и т.д.

Таким образом, выбор профессии для молодых людей включается в ценностно-смысловое пространство, а сама профессия наделяется значимостью и ценностными характеристиками, позволяющими производить ранжирование статусных позиций. В данном свете представляется важной позиция Р. Абрамова, который, исследуя институционализацию профессии менеджера, отмечает роль профессии как «ключевого стратифицирующего фактора», как основы статусной идентификации в современном обществе.

В авторском исследовании также было выявлено, что для большинства студентов-управленцев фактор «профессия кажется интересной» стал основной причиной выбора будущей профессиональной деятельности (на данный фактор указало 51 человек из 59). Схожие результаты были получены в исследовании Е.А. Гуськовой и И.В. Шавыриной. Ими было отмечено, что наиболее весомым основанием для выбора направления обучения явился интерес к сфере деятельности: 81,3% респондентов указали именно на этот фактор [2]. Однако авторы указали и на противоречие, обнаруженное ими при сравнении полученных результатов с данными исследования Е.Н. Шутенко, проведенного по смежной тематике. Было выявлено, что при переходе к самому процессу обучения происходит снижение интереса студентов к учебе. Так, согласно данным Е.Н. Шутенко, выраженный интерес к учебе характерен только для 55,3% респондентов, а полное отсутствие интереса к обучению наблюдается у 11,3% опрошенных студентов [13]. Авторы предположили наличие нескольких причин, вызывающих объективное противоречие между профессиональным выбором молодых людей и рассогласованностью субъективной значимости процесса обучения в вузе, среди которых выделяется привилегированность некоторых направлений подготовки (специальностей). На наш взгляд, при более детальном рассмотрении данное противоречие раскрывается не только в самом престиже профессии, но и упомянутом ранее отсутствии связи молодыми людьми образа профессии с ее внутренними содержательными характеристиками. По мере обучения раскрывается сложность будущей профессиональной деятельности, демонстрируются высокие требования к необходимым для специалиста знаниям, умениям и навыкам, что возможно вызывает рассогласование ожиданий и реальной ситуации, и как следствие, способствует снижению мотивации обучения.

Одной из доминирующих причин выбора профессии менеджера по персоналу для первокурсников явилась убежденность в возможности трудоустройства после обучения: данный ответ дали 38 человек из 59 (64,4%). Порядка 62,7% студентов отметили «престижность управленческой профессии» как один из ведущих факторов ее выбора. 44,1% опрошенных указали также на возможность выразить себя и самореализоваться в жизни, и 30% на возможность заниматься саморазвитием.

Как показало исследование, выбор профессии не всегда определяется только рациональными мотивами. В профессиональном самоопределении не все центральные места занимают прагматические ценности: сильными являются факторы интереса к профессии, ее престижность, возможности самовыражения и самореализации в ней. Это же подтверждают и описательные характеристики профессии менеджера по персоналу, данные студентами. Большинство опрошенных (73%) назвали ее интересной, 63% позволяющей развиваться, 47,5% высокооплачиваемой и 42% – полезной обществу. По оценке студентов, выбранная профессиональная деятельность позволит им заниматься саморазвитием, обеспечивать себя всем необходимым для жизни, чувствовать собственную значимость и стать уважаемыми другими людьми.

Тенденция, отмеченная ранее, прослеживается и в определении студентами факторов, наиболее значимых в будущей профессиональной деятельности. Так значимость оплаты труда (по пятибалльной шкале) оценивается респондентами в 4,8 балла, выполнение интересной работы в 4,4 балла, возможность самореализации в 4,4 балла, возможность саморазвития в 4,3 балла, а высокий социальный статус специалиста в 4,1 балла. Выход показателя «оплата труда» не является неожиданным: большая часть работников, вне зависимости от пола, возраста и образования, в настоящее время стремится получить стабильную и высокооплачиваемую работу.

Интересными являются результаты сравнения групп студентов с высокими и низкими показателями мотивации престижа. Достоверные статистические различия ($p < 0,05$) наблюдаются при оценке ими возможности входить в определенную профессиональную группу, сообщество. Значимость принадлежности к определенному профессиональному сообществу у студентов второй группы (низкие показатели мотивации престижа) ниже, чем у студентов первой группы (высокие показатели мотивации престижа). Данные результаты могут объясняться знанием студентами первой группы критериев достижения социального престижа профессии, которые в данном случае касаются вступления и активного участия субъекта в деятельность профессиональных сообществ.

В ходе исследования были получены неожиданные результаты: 78% студентов отметили, что если бы обладали неограниченными возможностями выбора профессии, то захотели бы сменить профессию менеджера по персоналу на другую. И среди них популярную профессию (адвокат, юрист, врач, директор, актер и т.д.) вновь выбрали бы 67,4% студентов. Основной причиной выбора в половине случаев явилось определение профессии как «интересная». Присутствуют также факторы высокой оплаты и престижа профессии, однако в гораздо меньшем процентном соотношении (15% и 8,% соответственно). Среди тех, кто предпочел бы менее популярную профессию в 100% случаях мотивы престижа и оплаты труда отсутствуют, а к фактору «интересная профессия» добавляется желание помогать окружающим.

Исследование также показало, что лишь 24% нынешних первокурсников четко знали, какую профессию желают приобрести, и подавали заявление только по направлению подготовки «Управление персоналом». Остальные абитуриенты

не обладали четким пониманием будущей профессиональной деятельности, и подавали документы на поступление по 3-5 направлениям обучения. Показательно, что порядка 85% из них выбирали престижные направления обучения, но относящиеся к различным профессиональным сферам. Данные результаты еще раз подчеркнули заметную мотивационную силу в процессе профессионализации фактора престижа, невысокую эффективность профориентационных мероприятий и низкую информированность выпускников школ о реальной расстановке сил на рынке труда.

Являясь одним из основных факторов, который оказывает существенное влияние на профессиональное самоопределение школьников, мотив престижа играет существенную роль и в преобразовании профессиональной структуры всего общества. Изучение динамики престижа профессий в современном обществе позволит получить объективную информацию о том, какой будет формироваться картина социально-профессиональной структуры российского общества в ближайшее время.

В целом является необходимым коррекция профессиональных ориентаций как школьников, так их родителей и общества в целом. Следовательно, необходима развитая система информирования населения о ситуации на рынке труда для предупреждения образования неоправданных и иллюзорных ожиданий. В настоящем становится очень важным акцентирование внимания на повышении качества образования и профессионализма выпускников высших учебных заведений.

Литература

1. Бабинцев, В.П. Образовательные стратегии современных школьников / В.П. Бабинцев, Г.Ф. Ушамирская, Т.Е. Макеева // Вестник Волгоградского государственного университета. Сер. 7. Филос. – 2008. – № 2(8). – С. 130-137.
2. Гуськова, Е.А. Неэффективность самореализации в обучении в вузе как результат немотивированного выбора профессии / Е.А. Гуськова, И.В. Шавырина // Перспективы науки и образования. Сетевой научно-практический журнал, 2014, №1(7). – С. 153-158. – Режим доступа: http://pnojurnal.files.wordpress.com/2014/02/pdf_140127.pdf
3. Зотова, И.В. Социально-психологические условия и факторы обеспечения престижа организации. Автореф. дисс. на соиск. уч. степени канд. псих. наук. [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <http://nauka-pedagogika.com/psihologiya-19-00-05/dissertaciya-sotsialno-psihologicheskie-usloviya-i-factory-obespecheniya-prestizha-organizatsii>
4. Калининская, Е.С. Особенности управления социально-профессиональной ориентацией молодежи в современных условиях / Е.С. Калининская, Л.Н. Захарова // Вектор науки ТГУ. – 2011. – 1(15). – С. 169-172.
5. Кердан, А.Б. Социальная престижность: сущность, проявления и критерии / А.Б. Кердан // Вестник Тюменского государственного университета. – 2007. – №1. – С. 39-48.
6. Кораблева, Г.Б. Профессия и образование: социологический аспект взаимосвязи / Г.Б. Кораблева. – Екатеринбург: Изд-во Уральского государственного профессионально-педагогического университета, 1999. – 284 с.
7. Профессиональный имидж и престиж социальной работы: монография / М.В. Певная, Ю.Р. Вишневский, Я.В. Дидковская, Н.Б. Качайнова; под ред. д-ра филос. наук, проф. Ю.Р. Вишневского. – Екатеринбург: УрФУ, 2011. – 184 с.
8. Реальная Россия: Социальная стратификация современного российского общества. – М.: «Журнал эксперт», 2006. – 680 с.

9. Севостьянов, В.Л. Для правового регулирования развития интеллектуально-кадрового потенциала страны требуется сформировать национальную систему компетенций и квалификаций / В.Л. Севостьянов // Правовая информатика. – 2012. – №2. – С. 14-17.

10. Тимирова, Л.Н. Роль престижа профессий в изменении социально-профессиональной структуры общества / Л.Н. Тимирова // Вестник КГУ им. Н.А. Некрасова. – 2008. – Том 14. – С. 216-219.

11. Цвык, В.А. Социально-профессиональный статус личности и престиж профессии / В.А. Цвык // Вестник Тюменского государственного университета. – 2009. – №4. – С. 44-52.

12. Шубин, Н.В. Молодежь в меняющемся мире/ Н.В. Шубин // Социально-профессиональные ориентации и жизненные пути молодежи: (По материалам массовых социологических обследований) / отв.ред. В.Н. Шубин. – М., 1999. – С. 5-12.

13. Шутенко Е.Н. Основные слагаемые самореализации студентов в вузовском обучении / Е.Н. Шутенко // Перспективы науки и образования. – 2013. – № 6. – С. 145-150.

СОЦИАЛЬНАЯ ЦЕННОСТЬ БРЕНДА «РОССИЯ» В СОВРЕМЕННЫХ УСЛОВИЯХ ИНТЕЛЛЕКТУАЛЬНОЙ МАРГИНАЛИЗАЦИИ МОЛОДЕЖИ¹

О.В. Апалькова,

*аспирант кафедры философии и социологии ЮЗГУ,
1 курс*

Научный руководитель: Е.Г. Каменский,

кандидат социологических наук,

доцент кафедры философии и социологии ЮЗГУ

В последнее время у социологов и представителей смежных наук возрастает интерес к вопросу исследования социального аспекта государственного бренда и его роли в том или ином социальном процессе. Каждая страна старается повысить не только свою мировую позицию, продвигая национальный бренд, символическим выражением которого является название государства, но и усилить значимость самого государства для его граждан, тем самым укрепить гражданскую самоидентичность.

Современное российское общество представляет собой хаотичное идентификационное пространство, дающее большое количество вариантов идентификационных паттернов и способов социальной самоидентификации личности. По утверждению социологов, в современных социальных моделях происходит усложнение структуры, они теряют свою четкость, стираются границы между социальными нормами и социальными отклонениями. Такие процессы происходят во всех сферах жизни общества, тем самым создавая трудности в самоидентификации индивида. Данные условия образуют фундамент для интеллектуальной маргинализации общества молодежи. Данный социальный феномен, по нашему мнению, усложняет процесс формирования ценности государственного бренда в пределах этой возрастной группы.

¹ Работа выполнена в рамках реализации проекта РГНФ по поддержке молодых ученых, грант № 12-33-01417.

Особый интерес в этой связи представляет эмпирический анализ референтных посылок, с которыми связаны представления молодежи о своей роли в жизни государства и о позиционировании себя в нем. С нашей точки зрения, индикаторами, способствующими выявлению данных референтных посылок, являются складывающиеся социокультурные идентификационные предпочтения студенческой молодежи. Исходя из того, что молодежь, представляя собой большую социально-демографическую группу населения России и являясь важнейшим агентом социальных перемен, обладает значительным инновационным потенциалом, который можно эффективно использовать на благо всего общества, следует необходимость нахождения социальных катализаторов, способных за короткое время выступить основой для формирования положительной культурной самоидентификации молодых россиян со своей страной в условиях интеллектуальной и культурной маргинализации.

Одним из таких факторов, на наш взгляд, может выступить национальный бренд страны (т.е. бренд «Россия»). По мнению современных ученых, сейчас для всех мировых держав самый главный бренд – это само государство, на реконструкцию и продвижение которого нельзя жалеть средств.

По словам И. Семененко, бренд страны – это некий образ, который ассоциируется у людей с государством, т.е. это знаковая модель, опосредующая представления о национальной общности и ее членах через доступные обыденному сознанию понятия и суждения [4]. Поэтому государственный бренд является одним из факторов не только формирования отношения граждан к своей стране, развития определенной культурной самоидентификации граждан, но и может выступить положительным вектором в борьбе с интеллектуальной маргинализацией молодежи.

В рейтинге национальных брендов в 2012 году (The 2012 BrandFinanceNationBrands 100) по версии BrandFinance Россия заняла 11 место [1], следуя за Канадой, Бразилией, Индией и Италией. Такая мировая позиция складывается не только из международной оценки страны в целом, но и восприятия государства его гражданами. Поэтому на современном этапе развития для нашей страны особое значение имеет проведение социализации бренда «Россия», что будет способствовать не только укреплению чувства патриотизма и самоидентификации граждан, но формированию национальной идеи как сути бренда «Россия». Исходя из того, что одной из ведущих составляющих «Концепции социально-экономического развития России до 2020 года» является молодежная политика, основной объект которой – студенты как главные носители креативных и интеллектуальных возможностей и основополагающая опора инновационного потенциала страны [3], проблема социализации нашего государственного бренда требует рассмотрения сущности бренда «Россия», сложившейся в понимании студенческой молодежи, а также его влияния на формирование культурной самоидентификации молодых людей.

В апреле-мае 2012 года нами было проведено социологическое исследование среди студентов Юго-Западного государственного университета как типичных представителей российской студенческой молодежи, целью

которого было выявлено особенности понимания содержания бренда «Россия», его взаимосвязь с культурной самоидентификацией студентов и их отношение к стране. На основе проведенного анализа нами были определены референтные ориентиры респондентов, являющиеся индикаторами их интеллектуальной маргинализации.

Как показало исследование, респонденты четко представляют, по каким параметрам следует оценивать бренд страны: для студентов бренд страны – это престиж, качество, имя, которое себя зарекомендовало, высокое место на мировом уровне, уникальность культуры, истории, традиций и т.д., а также устоявшийся ряд ассоциаций со страной. Поэтому уверенность студентов в том, что «Россия» является брендом (79%), говорит, на наш взгляд, о позитивном восприятии респондентами нашего государства, которое заключается в его престиже, значимости для мировой общественности, уникальных особенностей, отличающих Россию от других стран.

Особенности национально-государственной идентичности студентов, мы выясняли вопросом «Что для Вас означает фраза «Я россиянин»? Нами была отмечена явная тенденция в переходе национально-государственной самоидентичности в констатацию места своего проживания или рождения. То есть отсутствует какая-либо характеристика непосредственно россиянина, кроме как российское гражданство, территориальная принадлежность и происхождение. Лишь 2% опрошенных отметили, что «Россиянин – это представитель великой нации», 6%, что «Я россиянин – звучит гордо». Это, на наш взгляд, свидетельствует о том, что респонденты не имеют четких представления о ценностях, национальных чертах российского человека. Следовательно, в сознании студенческой молодежи отсутствует устойчивый образ социального поведения россиянина, стираются особенности гражданина России как представителя уникальной страны и нации. Следование данной тенденции может привести к потере народного единства страны в целом, поскольку молодое поколение не осознает своих национально-государственных особенностей, тем самым стараясь определить не свойственный для себя паттерн поведения, образцом которого выступает европеизация либо американизация духовной сферы российского общества. Данный факт демонстрирует деградацию в оценке принадлежности к стране у студенческой молодежи, что снижает ценность бренда государства, являясь следствием культурной и интеллектуальной маргинализации.

Как отмечает Н.Ю. Кравченко, современная студенческая молодежь воспринимает себя в качестве граждан страны, но смысловое наполнение этого феномена искажено [2].

Это подтверждается следующим фактом, выявленном в нашем исследовании: от понимания идентичности бренда «Россия» студентов ЮЗГУ зависит их желание жить в этой стране, что является признаком недостаточной сформированности в сознании студентов нашего государственного бренда. Так 67% опрошенных при наличии достаточного количества материальных средств переехали бы жить в другую страну, лишь 18% отметили твердое желание остаться жить в России.

Отвечая на вопрос, какую страну для проживания предпочли бы респонденты, 76% студентов ответили – США, 11% – Германия, 4 % – Великобритания. Отметим, что в рейтинге национальных брендов в 2012 году эти страны занимают 1-е, 3-е и 5-е места соответственно. Из чего следует вывод, что молодые люди стремятся жить в стране с сильным государственным брендом, который в себе несет и определенные национальные ценности, национальную идею и в целом отражает весь народ того или иного государства, его культуру, менталитет. Если учесть тот факт, что в настоящее время происходит американизация и европеизация российской культуры, то, по нашему мнению, бренд «Россия» намного уступает в силе влияния на становление культурной самоидентификации современной российской молодежи, на что следует обратить особое внимание. Наличие фактора интеллектуальной маргинализации в студенческой среде в данных условиях вынуждает подсознательно выбирать в качестве эталона страну с более успешным брендом, поскольку отсутствует четко сформулированная позиция превосходства своей страны, кроме того, что это твое место жительства.

В качестве неофициального символа России как бренда студенты предложили сделать нефтяной фонтан (13%), матрешку, ель или сосну (по 12%), олимпийского мишку (9%), Ю. Гагарина (5%). Это наиболее популярные ответы на открытый вопрос. Однако выделенные респондентами символы бренда страны, на наш взгляд, не отражают всей его сущности. Как следствие, искажаются представления о бренде страны в целом. Получается, в понимании студентов в основе национального бренда России в настоящее время лежит либо народный дух и культурные достижения (матрешка), природные ресурсы (ель, сосна), спортивные достижения прошлого и менталитет (олимпийский мишка), прорыв России в науке и технике, национального героя (Ю. Гагарин).

Подводя итоги проведенного исследования, отметим, что ценность бренда нашей страны для студенческой среды на данный момент незначительна и основывается на авторитете исторических заслуг государства. Современный феномен интеллектуальной маргинализации усиливает негативное восприятие страны в целом и увеличивает влияние на студенческую молодежь вестернизации и европеизации. В целом же смысловое содержание бренда «Россия» у студентов ЮЗГУ характеризуется хаотичностью с одной стороны, с другой, определяется отсутствием национально-государственной и социокультурной самоидентификации студенческой молодежи ЮЗГУ, что ведет к снижению уровня патриотизма, уважения к национальной культуре, политической активности, развивает потребительское отношение к государству и к друг другу, тем самым ослабевает единство всего народа.

Исторический возраст России как государства, появившегося на карте мира, насчитывает чуть больше 20 лет. До этого была абсолютно другая страна, иные национальные идея, ценности, менталитет, культура. В настоящее время только происходит формирование государственного бренда страны, идут поиски национальной идеи, которую можно сделать основой бренда «Россия». Однако определенная социокультурная самоидентификация молодежи и граждан страны в целом уже сформировалась. Вот почему необходимо вести

целенаправленную коррекцию деформированного представления студентов о бренде «Россия» на государственном уровне не только посредством масс-медиа и проведения мероприятий мирового масштаба, но и прививать уважение к национальным ценностям, формировать национальную идею, которая сможет лечь в основу гражданской и социокультурной самоидентификации студенческой молодежи как основного проводника социальных инноваций, необходимых для стабилизации общественного развития.

Стоит отметить, что далеко не все страны смогли грамотно сформировать государственный бренд для своих граждан. Поэтому господствующая американизация культуры практически во всем мире стирает национально-культурные ценности того или иного государства, имеющего менее сильный бренд страны и способствует развитию интеллектуальной маргинализации общества.

Литература

1. Brand Finance: рейтинг 100 национальных брендов 2012 года [Электронный ресурс] // Официальный сайт Центра Гуманитарных технологий. URL: <http://gtmarket.ru/news/2012/09/03/4947> (дата обращения 20.04.2014).
2. Кравченко Н.Ю. Формирование гражданской идентичности студенческой молодежи // Известия Саратовского университета. Т. 11. Сер. Социология. Политология. 2011. Вып. 3. С. 18-21.
3. Россия и современный мир / Под редакцией В.Д. Нечаева. М.: РОСМОЛОДЕЖЬ, 2009. С. 52.
4. Семененко, И. Культура, общество и образ России // Неприкосновенный запас. 2007. №1. С. 51-53.

СОЦИАЛЬНЫЙ ИНСТИТУТ СЕМЬИ КАК ИНСТРУМЕНТ ПРОТИВОДЕЙСТВИЯ МАРГИНАЛИЗАЦИИ МОЛОДЕЖИ

М.А. Бессонова,

*ассистент кафедры управления персоналом,
НИУ «БелГУ»*

Проблема маргинализации впервые была сформулирована в связи с процессами миграции и урбанизации в 30-е годы XX века. С этого времени интерес к данной проблеме оставался достаточно высоким, достигая наибольшего подъема в периоды социальных, политических и экономических кризисов. Можно предположить, что проблема маргинализации тесно сопряжена с процессами социальной трансформации, социальной динамики.

В настоящее время ритм социальных изменений перманентно возрастает. Возрастает и интенсивность процесса маргинализации. Современное российское общество является посткризисным обществом, в котором наблюдается повышенная интенсивность этого процесса.

Каждое время перемен уникально и рождает свои типы «маргинального человека». Они очень разные. В нашей стране и в наше время это тип не всегда активного человека, потерявшего свое место, положение, статус под влиянием

внешних обстоятельств: реформ, кризиса, смены общественного строя. Маргинальный человек – воплощение противоречий времени, символ трансформации общественных отношений.

Следовательно, маргинализация подразумевает разрыв (главный признак потерю объективной принадлежности к некоей социальной общности, без последующего вхождения в иную или без полной адаптации в новой общности, в классическом случае последовательно рвутся экономические, и духовные связи). Маргинализация, как правило, принуждает к понижению положения и статуса, а экстремальная (опосредованно предписанная) выбивает из социальных ниш по неопределенной социальной траектории. Однако предписанная маргинализация и первого, и второго рода разрушает ориентационный потенциал подверженных ей социальных субъектов, формально пресекает коммуникативные каналы связи с прежней генеральной общностью, но не может лишить субъекта всех социальных характеристик, которые предопределяли его вписанность в устойчивые общественные структуры.

Маргинализация личности в условиях нарушения сложившихся социальных связей обуславливает диссоциацию человека, тем самым вызывая психологическое напряжение, страх, стесненность, зависть, поведение, не совпадающее с общепринятыми нормами. Маргинальная личность обладает рядом характерных черт: беспокойством, агрессивностью, честолюбием, эгоцентричностью. Именно поэтому первоначально маргинальность оценивалась негативно и связывалась с проявлениями социального дискомфорта и девиации. Однако ее социальное значение может быть положительным: отсутствие жестко очерченных норм и связей способствует повышению активности, проявлению инициативы, выработке культурных и социальных нововведений [4].

Основными детерминантами, определяющими процесс маргинализации в нашем обществе, являются множество факторов. Процесс маргинализации интенсифицируют на уровне всего общества в целом увеличение объема трудовой миграции населения, неофашизм и неонацизм, усиливающие, конфликтный потенциал маргинальных групп, трансформация социальной идентичности в контексте развития информационного общества, трансформации локальных этнических культур, исламизация, крайний индивидуализм, свойственный современной массовой культуре, ускорение жизненного ритма, влияющее на социальную динамику.

Кроме общих, выделяются и группы специфических факторов, влияющих на маргинализацию современного российского общества. Среди которых можно выделить:

➤ исторические: социальные потрясения; отсутствие опыта управления кризисным обществом; структурная перестройка экономики; миграции населения без соответствующего развертывания инфраструктуры и др.;

➤ социально-экономические: стабильно возрастающая поляризация населения по уровню доходов; специфическая бедность, затрагивающая

экономически активную, работающую, здоровую физически и психически часть общества, высококвалифицированных специалистов и др.;

➤ правовые: высокая криминализированность общества, недостаточная разработанность нормативно-правовой базы, процветающая преступность среди несовершеннолетних;

➤ культурные: многонациональность России, ее поликультуральность, а также множественность религиозных конфессий;

➤ территориальные: своеобразное пограничное положение России между Европой и Азией – Востоком и Западом; большое число пограничных государств, многонациональное, неравномерное расселение населения с относительным отчуждением сельского населения от социальных ценностей ввиду неразвитости инфраструктур [1].

Спецификой маргинализации в современном российском обществе являются: ее масштабность, длительность, преимущественно негативная направленность, выраженная в достаточно интенсивном вытеснении населения на так называемое «социальное дно», которое составляет более 10% городского населения.

Однако надо отметить выраженную тенденцию, заключающуюся в том, что маргинализации подвергаются не только традиционные социальные аутсайдеры, но и молодежь, которая является основным агентом социального воспроизводства. Если обобщить результаты проведенных исследований в области маргинализации молодежи, то можно увидеть следующую картину. Маргинализация определяется вытеснением молодежи на социальную периферию, У молодых людей наблюдается исчезновение ясных социальных перспектив. 65% молодых россиян надеются только на себя, тем самым признавая социальную дистанцию от общества. Подобное отношение к обществу нельзя однозначно отнести к социальной самостоятельности молодежи. Скорее, большинство молодых людей осознают себя «социальными изгоями». Они настроены пессимистически. Маргинализация привела к образованию новых социальных слоев российского общества, которые российские социологи классифицируют социальным «преддольем» или «социальным дном». Рост социально-имущественного неравенства и соответственно бедности в российском обществе влияет не только на неадаптированных представителей старших социально-профессиональных групп, но и молодежь, часто необоснованно относимую к выигравшей от реформ группе. Наряду с тем, что среди богатых и сверх богатых россиян более 30% – люди в возрасте до 30 лет, 42% молодых россиян испытывают эффект материального недопотребления, не в состоянии качественно питаться, тратить деньги на образование, спорт, искусство или приобретать предметы длительного пользования.

Студенческая молодежь традиционно характеризуются социальной лояльностью, поиском эффективного вхождения в социальную и социoproфессиональную структуру общества. Как показывают данные социологических исследований, нуждающаяся молодежь ориентирована на перемену дипломной профессии, не рассматривает высшее образование как

путь восходящей социальной мобильности, выражает сомнения по поводу легитимных способов жизнеустройства. Студенты негативно оценивают собственные жизненные перспективы, каждый третий придерживается внутренней или внешней маргинализации. Структурная маргинализация студенческой молодежи выражается в осознании неравенства стартовых возможностей, невозможности добиться жизненного успеха опираясь на собственные интеллектуальные и карьерные ресурсы. Возникает предрасположенность к социальной регрессии, социальному исключению. Невозможность устроиться по специальности или получить адекватное вознаграждение за трудовой вклад, неадекватные представления о своей позиции в социальной структуре российского общества влияют на схемы жизнеустройства, на связи с другими социальными слоями.

Маргинализация студенческой молодежи не ограничивается проекцией социально-имущественного расслоения на социально-статусные позиции молодых людей, внутри молодежи существует значительная социальная и социоструктурная дифференциация, но в определенной среде экономические, политические, социальные неравенства обретают характер конфликтности и исключения рисков девиации и агрессивного самоутверждения. Между тем, несмотря на большое количество работ по проблемам студенческой молодежи и определенные подвижки в сторону интерпретации поведенческих стратегий молодежи, ее социокультурных установок и стилей жизни, студенческая молодежь оценивается в категориях занятия социопрофессиональной ниши, включения в сферу труда. Без внимания остаются проблемы маргинализации как «периферизации» социальных различий молодежи, эрозии социального самосознания, образования окраинных социальных слоев при стабильных доходах и высоком формальном образовательном статусе [2].

Безусловно, полное решение проблемы маргинализации молодежи связано с выходом страны из кризиса и стабилизацией общественной жизни, формированием устойчивых функционирующих структур, что реально делает эту перспективу отдаленной. Однако выявляется необходимость и потенциальные возможности общественно-приемлемого решения проблемы маргинальности с помощью целенаправленного управленческого воздействия на различные социальные институты. Важнейшими, из которых, является семья, система образования, а так же государственная система социальной поддержки групп и индивидов, маргинальных по своим природным и социально-демографическим признакам. Происходящие глобальные социально-экономические изменения в нашем обществе приводят к необходимости изменения традиционного подхода, прежде всего в воспитательной деятельности. Влияние нестабильности негативно сказывается на формировании духовно-нравственных отношений и гармоничном развитии личности нового поколения [1].

Древнейшим институтом воспитания и развития ребёнка, является семья. Семья – это колыбель духовного развития ребёнка. Семья – это коллектив, играющий в воспитании основную, долговременную и важнейшую роль. Именно социальный опыт, полученный в этом древнейшем институте

воспитания, определяет дальнейшее морально-нравственное, личностное и профессиональное развитие человека, или же наоборот его деградацию и маргинализацию [5]. Именно система ценностных ориентации личности, заложенных в процессе воспитания ребенка в семье выступает в качестве регулятора и механизма развития, определяя постановку и форму реализации намеченных целей, которые ведут либо к росту, совершенствованию, реализации личности, либо к ее упадку дегенерации и маргинализации. Именно в ней совершается сложный и важный процесс становления личности человека во всех направлениях: физическом, трудовом, духовном, нравственном, эстетическом. В семье не только закладываются базисные основы, но и оттачиваются грани личности через последовательное приобщение её к вечно живым и непреходящим духовным ценностям, что в свою очередь расширяет возможности для нравственной образованности и воспитанности человека, формирования его мировоззрения и обогащения внутреннего мира. Именно здесь подросток впервые включается в общественную жизнь, усваивает ее ценности, нормы поведения, способы мышления, язык. Иначе говоря, семья – это школа воспитания, передачи опыта жизни, житейской мудрости.

Современный этап развития российского общества характеризуется стремительным ростом перемен во всех его сферах. Кардинальные социально-экономические, политические и духовно-нравственные изменения все более настойчиво подтверждают мысль о том, что наше общество вступило в качественно новое состояние, где существующие противоречия представляются весьма сложными и многообразными. Особенно заметно это проявляется в коренной ломке системы ценностей, которая в большей мере отражается в кризисе семьи и семейных отношений.

В отличие от других воспитательных институтов семья способна воздействовать и, как правило, воздействует на все стороны, грани человека на протяжении всей его жизни. Вот почему без преувеличения можно сказать: только то государство имеет будущее, в котором семья окружена вниманием и заботой и рассматривается как высшая первичная ценность государства. И, наоборот, там, где семья предается забвению, где она играет второстепенную роль среди других социальных институтов – у того государства нет и не может быть будущего, а у народа – перспектив на свое благополучие и процветание [3].

Поэтому любое пренебрежительное отношение к семье ведет не только к снижению ее престижа, но и, как следствие того, потере духовно-нравственных традиций, формированию эгоистического сознания, потребительского отношения к миру, разрушению гуманитарной сферы отечественного образования, а, следовательно, и маргинализации личности. К сожалению, все это печальные реалии нашей действительности. Дальнейшее укрепление воспитательных возможностей семьи – одно из важнейших направлений оздоровления духовно-нравственного климата в стране. Духовно-нравственная составляющая нашего общества упала так низко, что в современном образовании и воспитании главным приоритетом становится духовно-нравственная сфера личности. По уровню преступности, коррупции, аморального поведения людей наша страна, к великому сожалению, вышла на

лидирующее место в мире. Среди проблем, которые практически волнуют всех, на первый план выступил круг вопросов, связанных с безнравственностью, бездуховностью, которые определяют маргинализацию всего общества. Вот именно в этих условиях возрастает роль семьи в духовно- нравственном воспитании личности [5].

Первыми наставниками в жизни каждого молодого человека являются родители – самые дорогие и самые близкие ему люди. Первые жизненные уроки ребёнок получает в семье. Его первые учителя и воспитатели – отец и мать. Давно установлено, что для ребёнка общие семейные повседневные радости и огорчения, успехи и неудачи – это источник, рождающий доброту и чуткость, заботливое отношение к людям. Семья даёт ребёнку первые представления о добре и зле, о нормах нравственности, о правилах общежития, первые трудовые навыки. Именно в семье складываются жизненные планы и идеалы человека, происходит важнейший процесс профессионального самоопределения. Только тот человек, который нашел свое истинное призвание в жизни, будет с интересом и увлеченностью идти по выбранному пути. Такой человек будет постоянно расти, и развиваться не только в профессиональном, но и в морально-нравственном смысле. Человек, который вовлечен в общественно-полезный трудовой процесс и внутренне замотивирован на его реализацию, будет вкладывать свои силы время ресурсы трудовой потенциал не по принуждению, а добровольно. Поэтому можно сказать, что личностный и профессиональный рост и развитие является направлением, блокирующим маргинализацию личности. У человека совершившего правильный профессиональный выбор, значительно повышена заинтересованность, удовлетворенность трудом. В этом случае наблюдается зона его ближайшего и перспективного развития, изыскиваются новые, дополнительные или альтернативные способы занятости. Соответственно, увеличивается качество жизни и уровень доходов. Личность внутренне мотивированная, идущая по пути постоянного роста, развития и самовыражения защищена от действия факторов детерминирующих маргинализацию.

Но такая активная жизненная позиция возможна только тогда, когда ребенок получил полноценное психологическое, эмоциональное, нравственно-духовное, трудовое воспитание, опыт социализации в своей семье. Ведь именно в ней заключаются нравственные ценности, ориентиры и убеждения личности. Семья – это особого рода коллектив, играющий в воспитании основную, долговременную и важнейшую роль.

И здесь большое значение имеют микроклимат семьи, нравственная позиция, занимаемая родителями, их отношение к происходящему. Следовательно, семья является начальным и одним из самых мощных инструментов противодействующих процессу маргинализации нового поколения.

Духовно-нравственное воспитание является условием развития основных (человеческих) способностей: нравственной (различение добра и зла), эстетической (различение прекрасного и безобразного) и религиозной (различение истинного и ложного), и главным средством преодоления

разобщённости между взрослыми и детьми в семье, между детьми в детском социуме, между семьёй и образовательным учреждением, между человеком (и маленьким, и взрослым: ребёнком, родителем, педагогом) и традиционной культурой.

В настоящее время Россия переживает один из непростых исторических периодов. И самая большая опасность, подстерегающая наше общество сегодня, не в развале экономики, не в смене политической системы, а в разрушении личности. Ныне материальные ценности доминируют над духовными, поэтому у детей искажены представления о доброте, милосердии, великодушии, справедливости, гражданственности и патриотизме. Высокий уровень детской преступности вызван общим ростом агрессивности и жестокости в обществе. Детей отличает эмоциональная, волевая и духовная незрелость. Продолжается разрушение института семьи. У детей формируются внесупружеские, антиродительские и антисемейные установки.

Всё это свидетельствует о кризисе в отечественном образовании и воспитании. А разрушение прежней системы ценностных ориентаций и незавершенность формирования новой особенно у молодого поколения является социальным фактором, определяющим его маргинализацию.

Предпринятые на сегодняшний день попытки воспитания духовно-нравственной личности показывают, что самым слабым местом в этой деятельности является семья. Многим родителям просто неизвестно, что именно в дошкольном возрасте происходит усвоение социальных норм, моральных требований и образцов поведения на основе подражания. Поэтому необходимо помочь родителям осознать, что в первую очередь в семье должны сохраняться и передаваться нравственные и духовные обычаи и ценности, созданные предками, и что именно родители ответственны за воспитание детей [6].

Уникальность детско-родительского взаимодействия обусловлена особой значимостью родных людей в жизни ребёнка в целом. Взрослыми создаётся определённая атмосфера взаимодействия, где с первых дней жизни ребёнка происходит становление его личности. Принятие и любовь со стороны родителей порождают в ребёнке чувство безопасности и способствуют гармоничному развитию личности, а явное отвержение ведёт к агрессивности и эмоциональному недоразвитию. Описанная выше зависимость между поведением родителей и поведением детей влияет на становление личности. Основным содержанием духовно-нравственного развития, воспитания и социализации являются базовые национальные ценности, хранимые в религиозных, культурных, социально-исторических, семейных традициях народов России, передаваемые от поколения к поколению и обеспечивающие эффективное развитие страны в современных условиях. Критерием систематизации базовых национальных ценностей, разделения их по определенным группам являются источники нравственности и человечности, т.е. те области общественных отношений, деятельности, сознания, опора на которые позволяет человеку противостоять разрушительным влияниям и продуктивно развивать свое сознание, жизнь, систему общественных отношений.

Система базовых национальных ценностей имеет ключевое значение не только для образования, но также для организации жизни в нашей стране. Эта система определяет самосознание российского народа, расставляет приоритеты общественного и личностного развития, определяет характер отношений человека к семье, обществу, государству, труду, смысл человеческой жизни. Воспитательное и обучающее пространство общеобразовательной школы, составляющей основу государственно-общественной системы воспитания, должно наполняться ценностями, общими для всех россиян, принадлежащих к разным конфессиям и этносам, живущих в разных регионах нашей страны.

Именно эффективная реализация задачи формирования базовых национальных ценностей, расстановки правильных приоритетов в сферах общественной жизни, профессионального и личностного развития, которая стоит перед главными социальными институтами семьи и системы образования, способна оказать сильное противодействие маргинализации молодежи и общества в целом. Только систематически разрабатываемые и внедряемые меры противодействию маргинализации способны предотвратить полный распад социальной структуры, который чреват не только усилением общественной нестабильности, но и другими серьезными последствиями.

Литература

1. Атоян А.И. Социальная маргиналистика. О предпосылках нового междисциплинарного и культурно-исторического синтеза // Политические исследования. – 2005. – № 6. – С. 29-33.
2. Зубок Ю.А., Чупров В.И. Социальная регуляция в условиях неопределенности. Теоретические и прикладные проблемы в исследовании молодежи / Зубок Ю.А., Чупров В.И. – М.: Академия, 2008. – С. 56.
3. Соловцова И.А. Духовное воспитание школьников: проблемы, перспективы, технологии / И.А. Соловцова / Учебно-методическое пособие для педагогов и студентов. – Волгоград: Изд-во ВГИПК РО, 2004. – С. 49.
4. Большой словарь терминов. [Электронный ресурс]. URL: <http://inclusion.vzaimodeystvie.ru/inclusion/dictionary>. (дата обращения 23.04. 2014).
5. Чернилевский Д.В. Духовно-нравственные ценности образовательной системы России XXI века. / Д.В. Чернилевский— М.: РИО МГТА, 2003. – с. 35.
6. Фопель К. Как научить детей сотрудничать? Психологические игры и упражнения / Фопель К. – М.: Генезис, 2003. – с. 147.

АКСИОЛОГИЧЕСКИЕ АСПЕКТЫ САМОСОХРАНИТЕЛЬНОГО ПОВЕДЕНИЯ СТУДЕНЧЕСКОЙ МОЛОДЕЖИ (ПО РЕЗУЛЬТАТАМ ЭМПИРИЧЕСКОГО ИССЛЕДОВАНИЯ)

С.А. Вангородская,
*кандидат социологических наук, доцент,
доцент кафедры социальных технологий, НИУ «БелГУ»*

Проблемы самосохранительного поведения, под которым принято понимать систему действий и отношений, направленных на сохранение и укрепление здоровья, приобретают все большую значимость в современном

российском обществе, что обусловлено рядом обстоятельств. Наблюдающееся увеличение продолжительности жизни, с одной стороны, и снижение рождаемости, с другой, повлекли за собой формирование запроса не только на здоровое долголетие как показатель качества жизни человека, но и на связанное с этим профессиональное долголетие, выводя тем самым проблему сбережения здоровья на государственный уровень, в сферу уже не только демографической, но и социально-экономической безопасности общества.

Актуальность данной темы усугубляется еще и тем, что современное российское общество все более явно принимает черты общества риска, характеризующегося высокой степенью стрессогенности, агрессивностью внешней среды как в физическом, так и психосоциальном планах. При достаточно низком уровне социальной защищенности населения, в первую очередь, в сфере здравоохранения, это привело к увеличению ориентации населения на заботу о собственном здоровье, его сбережение и укрепление. С другой стороны, по справедливому утверждению П.М. Козыревой, «позитивные перемены в развитии общества, наблюдавшиеся с начала нового века, расширили возможности людей, создавая более благоприятные условия в реализации адаптационных ресурсов, способствуя повышению уверенности в своих силах, в способности противостоять неблагоприятным процессам кризисного периода», в результате чего «снизилась значимость пассивного приспособления и повысилась роль активных стратегий...» [1, с. 28].

С целью выявления особенностей самосохранительного поведения студенческой молодежи в сентябре 2012 года нами было проведено социологическое исследование, в котором приняли участие студенты вузов Белгородской области (N=283). Особое внимание к изучению данной социальной группы обусловлено тем, что «современный студент должен сегодня адекватно содействовать потребностям нового общества и активно участвовать в решении его проблем. ... И, конечно, важную роль здесь играет состояние здоровья молодого поколения, а, следовательно, и поведение в отношении своего здоровья» [2, с. 4].

Одной из задач исследования было выявление аксиологических аспектов самосохранительного поведения студенческой молодежи. Само понятие ценности является традиционным для большинства исследовательских стратегий изменяющегося общества и находит инструментальное применение в понятийном аппарате ряда общественных научных дисциплин. При этом, совершенно очевидно, что именно ценности молодежи определяют будущее любого общества, определяя направление его развития в долгосрочной перспективе.

При формулировании рабочей гипотезы исследования мы опирались на исследование А.А. Злотникова, который выделив две группы ценностей студенческой молодежи – провозглашенные и реальные, пришел к выводу, что, если в системе провозглашенных ценностей здоровье занимает высокое место, то в системе реальных ценностей, ранговое значение здоровья и физического совершенства значительно ниже [3].

Результаты опроса подтвердили данную гипотезу, продемонстрировав тот факт, что в качестве провозглашенной ценности здоровье действительно находится в числе приоритетов студенческой молодежи, уступая только семье (вариант «наличие своей семьи», выбрали 72,79% опрошенных, в пользу здоровья как главной ценности высказались 67,49% респондентов; на третье место (56,54%) студенты поставили высокий доход, позволяющий ни в чем себе не отказывать). Кстати, аналогичные результаты в распределении базовых ценностей были получены также в рамках всероссийского мониторинга «Ценности и интересы россиян», осуществляемого Центром изучения социокультурных изменений (ЦИСИ) ИФ РАН с 1990 года. Сопоставление результатов мониторинга с социокультурным портретом восьми регионов, полученным в 2006-2007 годах, позволило Н.И. Лапину сделать вывод о «достаточном единстве функциональных ориентиров ценностного сознания населения России и ее регионов» и дало основание утверждать, что «большинство населения придерживается ориентации на семью как один из смыслов жизни, который реализуется благодаря независимости человека, его труду и инициативности; меньшая часть населения видит в этом также и предпосылки благополучия» [4, с. 33].

Необходимо отметить, что тесная взаимосвязь в сознании студентов таких ценностей, как семья и здоровье ярко проявилась также при ответах на другие вопросы анкеты. Так, отвечая на вопрос «Какие из причин заставляют Вас стремиться прожить как можно дольше?», студенты на первое место поставили возможность «увидеть и испытать в жизни как можно больше» (данный вариант выбрали 73,76% опрошенных), а на втором и третьем местах оказались ответы «не хочется расставаться со своими родными и близкими» (45,74%) и «хочется увидеть, какое положение в обществе займут мои дети» (этот вариант выбрали 34,75% студентов и это при том, что на момент опроса только 3% студентов находились в браке).

Аналогичные результаты были получены при ответе на вопрос «Что заставляет Вас заниматься своим здоровьем?». Наибольшее число опрошенных (67,25%) ответили, что хотят хорошо себя чувствовать, чтобы полнее наслаждаться жизнью, а на втором и четвертом местах по числу выборов оказались варианты ответов «Хочу быть здоровым (-ой), чтобы родить здоровых детей (47,16%) и «Хочу долго жить, чтобы вырастить всех своих детей» (38,65%).

Убедительным доказательством высокой значимости здоровья на нормативном, декларируемом уровне может служить факт, что, выбирая из соответствующего списка утверждений относительно здоровья, больше трети студентов (37,46%) выбрали вариант «здоровье – самое главное в жизни и все важные решения должны приниматься так, чтобы не навредить здоровью», еще треть опрошенных (34,28%) поставили здоровье по степени важности в один ряд с отдыхом, развлечениями, общением с друзьями, и только 17,31% опрошенных признались, что могут пожертвовать здоровьем ради дополнительного заработка, увлечений и пр.

Результаты исследования подтвердили также и вторую часть гипотезы, продемонстрировав достаточно низкое ранговое значение здоровья в системе реальных ценностей, обуславливающее, как следствие, и невысокую самосохранительную активность молодежи в отношении сохранения и укрепления собственного здоровья.

В частности, при ответе на вопрос «Что, на Ваш взгляд, является необходимым для достижения успеха в жизни?» (табл. 1), ответ «хорошее здоровье» оказался только на четвертом месте» (набрав 44,88% и уступив таким вариантам, как «уверенность в себе, в своих силах» (62,19%), «собственные усилия человека» (54,77%) и «способности, талант» (57,24%))

Таблица 1

Распределение ответов на вопрос «Что, на Ваш взгляд, является необходимым для достижения успеха в жизни?»

наличие финансовых средств	43.82%
наличие высшего образования	33.57%
способности, талант	57.24%
хорошее здоровье	44.88%
наличие поддержки со стороны государства	8.13%
собственные усилия человека	54.77%
благоприятная обстановка в месте проживания	10.60%
наличие нужных «связей»	40.64%
наличие состоятельных друзей и родственников	8.48%
уверенность в себе, в своих силах	62.19%
удача, счастливый случай	28.98%
затрудняюсь ответить	-

Отвечая на вопрос «Какие из перечисленных факторов оказывают, на Ваш взгляд, наибольшее влияние на состояние здоровья человека?», почти две трети опрошенных (66,43%) назвали экологическую обстановку, а на втором и третьем местах оказались «наследственность» (46,47%) и «качество получаемых медицинских услуг» (37,10%). Такой фактор, как «усилия самого человека» оказался только на четвертом месте, набрав 35,34% (табл. 2).

Таблица 2

Распределение ответов на вопрос «Какие из перечисленных факторов оказывают, на Ваш взгляд, наибольшее влияние на состояние здоровья человека?»

экологическая обстановка	66.43%
наследственность	49.47%
качество получаемых медицинских услуг	37.10%
материальные и бытовые условия	32.16%
усилия самого человека	35.34%
затрудняюсь ответить	1.06%

В этой связи интересно отметить, что согласно данным Федеральной службы государственной статистики (Росстат), полученным в ходе выборочного наблюдения поведенческих факторов, влияющих на состояние здоровья населения в сентябре 2013 года, при ответе на прямой вопрос «Считаете ли Вы, что состояние Вашего здоровья зависит, прежде всего, от Вас

самих?», большинство респондентов (44,3%) выбрали вариант «да, безусловно», а еще 38,9% – «скорее, да» [5].

Несмотря на то, что, по мнению студентов, самыми здоровыми людьми в нашей стране, были названы «люди без вредных привычек» (49,47%) и «те, кто постоянно уделяет внимание своему здоровью» (34,63%), сами студенты продемонстрировали достаточно пренебрежительное отношение к собственному здоровью. Выяснилось, что молодые люди склонны проявлять активность в отношении своего здоровья, в основном, в случае болезни, и в той ее стадии, когда «самочувствие настолько плохое, что откладывать визит (к врачу – прим. авт.) уже нельзя» (43,73%). Так, отвечая на вопрос «Что Вы делаете, когда заболите?», примерно равное количество опрошенных выбрали варианты ответов «начинаю лечиться сам, а, если улучшений нет, обращаюсь к врачу» (40,49%) и «обращаюсь в муниципальную городскую поликлинику, больницу» (39,59%). Еще 23,78% опрошенных заявили, что предпочитают лечиться самостоятельно, не прибегая к помощи врача. Остальные варианты получили существенно меньшее число процентов (табл. 3).

Таблица 3

Распределение ответов на вопрос «Что вы делаете, когда заболите?»

обращаюсь в муниципальную городскую поликлинику, больницу	39.59%
обращаюсь в платную (негосударственную) поликлинику, больницу	10.15%
обращаюсь к народным целителям, нетрадиционной медицине	4.24%
лечусь сам	23.78%
начинаю лечиться сам (-а), а если улучшений нет – обращаюсь к врачу	40.49%
ничего не делаю, все пускаю "на самотек"	4.37%
другое	0.64%
затрудняюсь ответить	1.29%

Таким образом, можно говорить о ярко выраженном противоречии между высокой декларируемой ценностью здоровья в сознании студенческой молодежи, с одной стороны, и неразвитостью ежедневных практик, направленных на сохранение и укрепление здоровья – с другой. Одной из причин этого может быть тот факт, что онтологически представление о здоровье складывается у человека в результате болезней, недугов, мотивируя тем самым его на их предупреждение и преодоление. Молодежь, в большинстве своем, еще не имела такого рода значимого опыта, что следует, в частности из анализа такого показателя, как самооценка собственного здоровья, измеряемая традиционно с помощью вопроса «Как Вы оцениваете состояние своего здоровья?». Как показали результаты проведенного нами исследования, оценивая свое здоровье, лишь 12,37% предпочли вариант ответа «Здоровье среднее (довольно часто болею или чувствую себя нездоровым (-ой))», в то время как 37,46% оценили свое здоровье как хорошее, а еще 46,64% считают свое здоровье удовлетворительным (рис.).

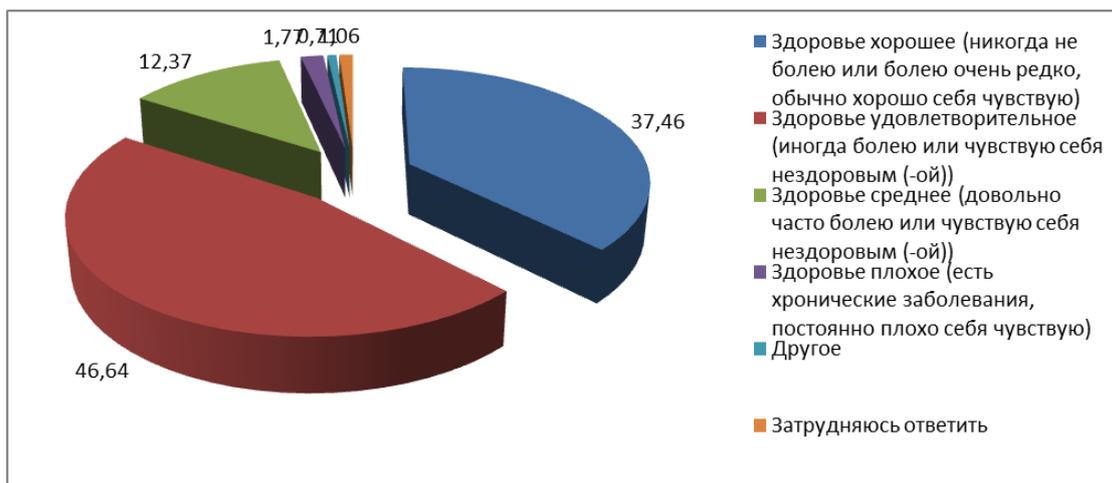

Рис. Распределение ответов на вопрос «Как Вы оцениваете состояние своего здоровья?»

Таким образом, исходя из полученных данных, можно утверждать, что потеря здоровья для большинства молодых людей – это кратковременное состояние, не влияющее принципиально на осуществляемую ими жизнедеятельность. И поэтому, совершенно закономерно, что, отвечая на вопрос «Почему Вы ничего не делаете, чтобы прожить дольше?», 21.33% опрошенных ответили «у меня хорошее здоровье, пока мне это не требуется». Таким образом, хорошее самочувствие становится для молодежи своего рода «антимотиватором» в деле изменения привычного образа жизни, а получаемая информация о том, чем заканчивается невнимание к своему здоровью, является в большей мере абстракцией, как и результативность мер по сбережению и укреплению здоровья (нет болезни – незаметен и эффект от мер самосохранения).

Кроме того, нужно учитывать и выявленную рядом социологических исследований специфику современной молодежи, связанную с ее гедонистической ориентацией, установкой на «здесь и сейчас», что не предполагает ежедневной кропотливой деятельности по сохранению здоровья, результаты которой достаточно эфемерны и отсрочены по времени на неопределенный срок. Исходя из этого, думается, что работа со студентами в области формирования ценности здоровьесбережения должна быть с одной стороны, привязана к чувственному опыту (как компенсация недостаточного опыта негативных физических состояний), а с другой – к актуальным для студентов проблемам, как например, красота, внешний вид, работоспособность, которые взаимодетерминированы со здоровьем.

Вообще, эффективность реализуемых мероприятий в сфере формирования ценности здоровья студенчества и их здоровьесберегающего поведения, нуждается в тщательном анализе на основе проведения ряда соответствующих исследований. В настоящее же время наблюдается выраженный дефицит такого рода научных работ в сравнении с количеством исследований, характеризующих ценность здоровья у студенчества и характеристики их здоровьесберегающего поведения. Достаточно малочисленны работы, посвященные анализу образа здоровья в общественном

сознании студентов. Между тем, именно этим образом во многом задается выбор той или иной поведенческой стратегии в аспекте здоровьесбережения.

В целом же, сегодня по-прежнему остается актуальным поиск такой позитивной ориентации на самосохранительное поведение, которая бы могла выступать в качестве основы для формирования соответствующего отношения к здоровью. Несмотря на все усилия до сих пор найти такую ориентацию не удалось. В то же время, на сегодняшний день сформировались объективные общественные и научные предпосылки для теоретической и практической разработки ценности самосохранительного поведения как социокультурного образования, как механизма совершенствования здоровья на уровне индивида, группы, общества в целом. Однако то, в какой степени будет возможным реализация данных предпосылок, зависит не только от готовности к изменениям самой молодежи, но и, в значительной степени, от политико-правового климата, развития демократических институтов, а также степени социальной ориентированности экономики и иных социальных институтов общества.

Литература

1. Козырева, П.М. Социальная адаптация населения России в постсоветский период / П.М. Козырева // Социологические исследования. – 2011. – № 6. – С. 24-36.
2. Новоян, А.В. Формирование самосохранительного поведения студентов в процессе профессиональной психолого-педагогической подготовки: автореф. дис. ... канд. пед. наук / А.В. Новоян. – Калининград, 2007. – 25 с.
3. Злотников А.А. Ценностное отношение студенческой молодежи к спорту [Электронный ресурс] / А.А. Злотников. URL.: <http://lib.sportedu.ru/books/xxpi/2007n3/p72-78.htm> (дата обращения: 18.04.2014).
4. Лапин Н.И. Функционально-ориентирующие кластеры базовых ценностей населения России и ее регионов // Социологические исследования. – 2010. – № 1. – С. 28-36.
5. Выборочное наблюдение поведенческих факторов, влияющих на состояние здоровья населения 2013 [Электронный ресурс] // Федеральная служба государственной статистики: офиц. сайт. URL: http://www.gks.ru/free_doc/new_site/ZDOR/Sdp2013.Bfs.Publisher/index.html (дата обращения: 07.04.2014).

ФОРМИРОВАНИЕ РЕАБИЛИТАЦИОННОГО ПРОСТРАНСТВА КАК ЭЛЕМЕНТ ПРОТИВОДЕЙСТВИЯ ИНТЕЛЛЕКТУАЛЬНОЙ МАРГИНАЛИЗАЦИИ МОЛОДЁЖИ С ОГРАНИЧЕННЫМИ ВОЗМОЖНОСТЯМИ В БЕЛГОРОДСКОЙ ОБЛАСТИ

Т.В. Городова,

*кандидат социологических наук,
ст. преподаватель кафедры социологии
и организации работы с молодёжью,
НИУ «БелГУ»*

Дети с ограниченными возможностями – это лица, в возрасте до 18 лет которые имеют нарушение здоровья со стойким расстройством функций организма, обусловленное заболеваниями, последствиями травм или

дефектами, приводящее к ограничению жизнедеятельности и вызывающее необходимость его социальной защиты. Социальный аспект статуса ребёнка с ограниченными возможностями определяется тем, что его физические и (или) психические недостатки препятствуют освоению всего спектра социальных навыков, социальной интеграции и инклюзии, личностному и гражданскому становлению в силу отсутствия для этого специальных условий [1].

Последнее обстоятельство – обеспечение специальными условиями – и составляет сущность проблемы формирования реабилитационного пространства ребёнка с ограниченными возможностями, актуальность которой обусловлена противоречием между потребностью общества в эффективной реабилитационной работе с детьми с ограниченными возможностями и отсутствием системного подхода к их реабилитации в силу недостаточности и неэффективности использования возможностей среды.

Одним из барьеров, возникающих в процессе формирования такого пространства, являются превалирующие долгое время среди населения и специалистов представления об инвалидности как о недуге, заболевании, патологии, а о детях с ограниченными возможностями – как об уязвимых в физическом, психическом и социальном плане людях. В соответствии с ними роль государства обычно сводилась к поддержанию существования таких детей, что вполне обеспечивалось посредством медицинской модели реабилитации. Следствием ориентации общества и государства на данную модель являлась изоляция ребёнка с ограниченными возможностями от общества в специализированном учебном заведении, развитие у него пассивно-иждивенческих жизненных ориентаций. Осознание ограниченности возможностей медицинской модели было одной из причин перехода к медико-социальной модели, дополняющей медикаментозное лечение социализирующими мероприятиями [2].

Однако такой переход не решал задачи полноценной реабилитации детей с ограниченными возможностями, поскольку инвалидность является не только медицинской, но и социальной проблемой.

Переход от медико-социальной модели реабилитации к социально-экологической, в соответствии с которой реабилитация предполагает компенсацию ограниченных возможностей здоровья ребёнка с помощью социальных служб и активной поддержки всего совокупного потенциала окружающего социума отражает общий гуманитарный тренд развития современной цивилизации [3].

Организованная по социально-экологической модели реабилитация может быть эффективной только в условиях сформированного реабилитационного пространства, которое представляет собой стихийно возникающие и целенаправленно организованные социальные связи и отношения субъектов и объектов реабилитационной деятельности, являющиеся следствием реализации их потребностей, интересов и функциональных ролей, ориентированных на создание условий для максимальной реализации индивидуального реабилитационного потенциала объекта воздействия (ребёнка с ограниченными возможностями).

Структура реабилитационного пространства включает в себя: объекты (дети и их семьи); субъекты (социальные институты, среди которых базовыми являются – здравоохранения, образования, социальной защиты; группы людей и отдельные граждане, реализующие деятельность по реабилитации детей с ограниченными возможностями); общественное мнение (экспектации, определяющие возможности ассимиляции детей с ограниченными возможностями); физическая среда (её организация, адаптированность к специфике детей с ограниченными возможностями); проблемный комплекс (совокупность социально-средовых барьеров реализации индивидуального реабилитационного потенциала ребёнка с ограниченными возможностями, имеющих как объективную, так и субъективную природу).

В рамках реабилитационного пространства интегрируются его собственный реабилитационный потенциал и индивидуальный потенциал ребёнка. При этом реабилитационный потенциал ребёнка с ограниченными возможностями рассматривается в диссертации как совокупности его индивидуального биопсихосоциального резерва, позволяющего в наиболее полном объеме осуществить восстановление или компенсацию утраченных функций и дефектов развития, полноценную социальную интеграцию и инклюзию такого ребёнка. Потенциал реабилитационного пространства – как совокупность нереализованных условий и возможностей среды жизнедеятельности ребёнка, способных обеспечить раскрытие его полноценное социально-психологическое становление [4].

В свою очередь, успешная реализация задачи интеграции потенциалов возможна лишь при условии формирования комплексной инфраструктуры учреждений и социальных механизмов, обеспечивающих полноту и доступность необходимых услуг, обеспечения физического пространства необходимыми специфическими элементами в соответствии с нуждами детей с ограниченными возможностями, наличия квалифицированных кадров, владеющих широким арсеналом специальных знаний, технологий социальной работы; создания системы информационно-аналитического и методического обеспечения, готовности к взаимодействию, как общественности в лице граждан, их структур и институтов, так и таких детей и их семей.

Данный подход к пониманию реабилитационного процесса предопределил логику эмпирического исследования состояния регионального реабилитационного пространства детей с ограниченными возможностями в Белгородской области. Результаты диагностики показали, что большинство детей с ограниченными возможностями способно передвигаться самостоятельно, полностью или частично обслуживать себя и стремится к общению. Многие из них характеризуются подавленным психологическим состоянием. При выраженной потребности в общении наблюдается низкий уровень её удовлетворения: их контакты в большинстве своем ограничены чрезвычайно узким кругом людей. Несмотря на то, что большая часть детей обучается в школе, большинство не посещают кружков, секций, массовых мероприятий, их основной круг общения в основном семья и близкое окружение – родственники, соседи, и только у трети из них есть друзья.

К основным причинам такого положения относятся: дезадаптированность и низкий реабилитационный потенциал семей, в которых воспитываются дети с ограниченными возможностями, недостаточная готовность социума, как физической, так и ментальной его составляющих, к ассимиляции таких детей.

Ментальная составляющая готовности социума к ассимиляции детей с ограниченными возможностями в проведенном исследовании отражена в общественном мнении относительно исследуемой проблемы, которое характеризуется преимущественно нейтральным и пассивно-сочувственным отношением к ним. Проблемы таких детей рассматриваются окружающими, скорее, с точки зрения их ущербности, чем ущербности среды, не обеспечивающей в достаточной мере им равные с другими детьми возможности. Для большинства окружающих в отношении этих детей типична пассивная толерантность [5].

Превалирующие установки общественного мнения связаны отчасти, со страхом населения соприкоснуться с этой стороной жизни, защититься, отгородиться от негативных мыслей; отчасти, с представлениями о причинах детской инвалидности как о следствии социально неодобряемых действий родителей таких детей (алкоголизм, наркомания), и, следовательно, «кары» за них; с неадекватными представлениями о таких детях и их возможностях.

Исследование выявило и позитивные тенденции в организации реабилитационного пространства детей с ограниченными возможностями, связанные с анализом деятельности основных его структурных компонентов. Так, в области существует достаточно развитая инфраструктура организаций, реализующих функцию реабилитации детей с ограниченными возможностями и включающая в себя государственные органы и учреждения, органы муниципального управления, муниципальные предприятия и учреждения, а также, некоммерческие организации.

К основным, стабильно действующим субъектам реабилитационного пространства в Белгородской области относятся департамент здравоохранения и социальной защиты населения Белгородской области (системообразующий субъект), управление социальной защиты населения, детские лечебные учреждения, МУП «Центр социальной помощи семье и детям» администрации г. Белгорода, ФГУ «Главное бюро МСЭ по Белгородской области» и ОГУ «Реабилитационный центр для детей и подростков с ограниченными возможностями».

Помимо этого, систематическая работа по социальной инклюзии детей с ограниченными возможностями ведется во взаимодействии с департаментом образования, культуры и молодежной политики Белгородской области, регулирующим деятельность общеобразовательных учреждений и учебных заведений Белгородской области. В структуру реабилитационного пространства также включены некоторые другие государственные (специальная библиотека для слепых) и негосударственные (Всероссийский детский фонд, общественная организация инвалидов детства) учреждения и организации.

Тем не менее, обращает на себя внимание низкая гражданская активность, дезинтегрированность семей, воспитывающих детей с

ограниченными возможностями. Физическая среда детей с ограниченными возможностями в Белгородской области также мало адаптирована к их нуждам. Речь идет не только о непосредственном месте проживания такого ребенка, но и об учреждениях культуры, образования и социальной сферы, а также улицах и дворах. Кроме того, проблемный комплекс организации реабилитационной деятельности включает в себя:

- недостаточную методологическую и специальную подготовленность специалистов, разрабатывающих региональные программы реабилитации и осуществляющих собственно реабилитационную деятельность; недооценку значимости обучения функциональной грамотности детей исследуемой категории; реактивный характер реабилитационной деятельности;

- неэффективное использование потенциала семьи в реабилитационном процессе, как в аспекте внутрисемейного взаимодействия и взаимодействия семьи с социальным окружением, так и в плане информированности о реабилитационном потенциале регионального реабилитационного пространства и возможностях его использования;

- низкий уровень привлечения общественности к проблемам детей с ограниченными возможностями;

- недостаточное внимание к вопросам адаптации физического пространства к нуждам детей, как посредством изменения самого пространства, так и в результате применения технических средств взаимодействия детей с ограниченными возможностями со своими референтами;

- неэффективную организацию собственно реабилитационного пространства детей с ограниченными возможностями, отсутствие интегрирующего фактора, системообразующего элемента в структуре реабилитационного пространства;

- крайне недостаточную материальную помощь детям с ограниченными возможностями и их семьям.

Результаты диагностики реабилитационного пространства детей с ограниченными возможностями в регионе позволили сделать вывод о необходимости его целенаправленного совершенствования на основе разработки и внедрения соответствующей социально-экологическому подходу технологической модели.

Проектирование модели в диссертации предлагается осуществлять на основе системного и социально-технологического подходов, позволяющих сконструировать сложную систему взаимодействий между элементами реабилитационного пространства детей с ограниченными возможностями, обеспечивающую, с одной стороны, целеполагание, упорядоченность, самонастройку и синергию, а с другой – эффективность достижения поставленных задач в процессе практической деятельности основных субъектов реабилитационного пространства.

Основными принципами построения модели являются: социальная ответственность и социальная компетентность, осознание потребности во взаимодействии всех элементов системы, согласование целей и баланса

интересов субъектов системы, её иерархичность, саморазвитие и автономность системы.

Условиями эффективного функционирования модели выступают:

- наличие сети социальных учреждений, работающих в одном направлении и обладающих необходимой материально-технической базой и кадровым потенциалом, а также организации «лидера», берущей инициативу создания партнерства и на этом основании являющейся ядром системы;

- функционирование разработанных механизмов взаимодействия участников процесса, основанное на принципах партнерства и законодательно закрепленное договорами между ними;

- обеспечение взаимовыгодности сотрудничества, мотивация партнеров, обусловленные более широкими возможностями использования единой информационной базы, взаимных консультаций и координации реабилитационных мероприятий;

- наличие системы повышения квалификации специалистов как гаранта укрепления профессионального творческого потенциала для внедрения инновационной модели;

- выполнение функций всеми социальными партнерами по единому плану коррекционно-реабилитационных мероприятий на основе междисциплинарного и межведомственного взаимодействия.

Модель включает в себя:

- институциональную подсистему, представляющую собой комплекс взаимосвязанных организаций, акторов реабилитационного процесса;

- подсистему управления моделью, особую роль в которой играет Координационный центр;

- проектирование наиболее адекватных объекту и организации модели технологий реабилитации;

- обеспечение организационных изменений;

- прогнозирование рисков внедрения модели и их минимизацию.

В институциональном отношении модель оптимизации реабилитационного пространства детей с ограниченными возможностями включает в себя: государственные организации социальной защиты, органы управления здравоохранением, образованием, ОГУ «Реабилитационный центр для детей и подростков с ограниченными возможностями», выступающее как Координационный Центр системы, органы муниципального управления, органы по молодежной политике, некоммерческие организации, семьи с детьми с ограниченными возможностями. При этом в качестве системообразующего фактора выступает именно семья с детьми с ограниченными возможностями.

К основным технологиям управления формированием реабилитационного пространства относятся: технология раннего выявления проблем семей с детьми с ограниченными возможностями; технологии коррекционно-реабилитационной работы, технологии межведомственного взаимодействия социальных партнеров.

Процесс разработки и внедрения модели включает в себя предварительный, подготовительный, формирующий, организационный, практический и контрольно-коррекционный этапы.

Реализация модели предполагает необходимость нормативно-правового, кадрового, научно-методического, информационного и материально-технического обеспечения; требует оценки и минимизации комплекса рисков, которые рассматриваются как уровень допустимости ущерба при создании и функционировании системы социальной работы с детьми с ограниченными возможностями. К основным рискам в данном случае относятся: несовершенство нормативной базы, непрофессионализм кадров, неэффективность управления системой, неоптимальное распределение функций учреждений партнеров, недостаточная преемственность в накоплении и внедрении новых технологий помощи ребёнку.

Проведенное исследование позволяет сформулировать ряд конкретных рекомендаций в адрес органов государственного и муниципального управления, институтов гражданского общества Белгородской области, направленных на формирование реабилитационного пространства детей с ограниченными возможностями.

1. Департаменту здравоохранения и социальной защиты населения Белгородской области – провести реорганизацию реабилитационного центра для детей и подростков с ограниченными возможностями в Координационный центр с наделением его соответствующими полномочиями. Целью деятельности Центра должно стать наращивание потенциалов реабилитационного пространства и их эффективного использования для максимальной актуализации реабилитационного потенциала детей с ограниченными возможностями, а основными направлениями деятельности:

- развитие и эффективное использование реабилитационного потенциала ребёнка и семьи;
- повышение эффективности деятельности субъектов социальной реабилитации посредством организации их в системную структуру;
- формирование общественного мнения, благоприятствующего социальной интеграции и социальной инклюзии детей с ограниченными возможностями;
- адаптация физического пространства к нуждам детей с ограниченными возможностями, как посредством его преобразования, так и через организацию обеспечения детей с ограниченными возможностями необходимым оборудованием, компенсирующим проблемные аспекты здоровья;
- систематическая диагностика и последовательное разрешение проблемного комплекса.

2. Координационному центру заключить ряд договоров о сотрудничестве с научными коллективами, образовательными учреждениями (вузами) на предмет:

- разработки и реализации эффективной системы подготовки, переподготовки и повышения квалификации специалистов как занятых в сфере управления формированием реабилитационного пространства детей с

ограниченными возможностями, так и реализующих непосредственно реабилитационную функцию. Это целесообразно осуществить на базе Белгородского государственного университета, где уже существует необходимая для организации соответствующих курсов и программ методологическая и практическая база;

– методического обеспечения управления формированием реабилитационного пространства детей с ограниченными возможностями с привлечением интеллектуального потенциала научно-исследовательских и высших учебных заведений;

– осуществления диагностики эффективности функционирования системы по модели мониторинга.

3. Координационному центру – обеспечить:

– создание межведомственного банка данных по проблемам детей с ограниченными возможностями;

– организацию межведомственного медико-социального консилиума как органа управления реабилитационным процессом.

4. Координационному центру совместно с органами муниципального управления обеспечить реализацию пилотного проекта формирования реабилитационного пространства детей с ограниченными возможностями на базе одного из муниципальных районов Белгородской области.

Литература

1. Романов, П. В. Политика инвалидности: Социальное гражданство инвалидов в современной России / П. В. Романов, Е. Р. Ярская-Смирнова. – Саратов: Научная книга, 2006. – 260 с.

2. Романов, П. В. Политика инвалидности. Проблемы доступной среды и возможности занятости / П. В. Романов, Е. Р. Ярская-Смирнова // Социологические исследования. – 2005. – № 2. – С. 44-55.

3. Сизякина, Л. Реабилитация детей–инвалидов через общение и театр / Л. Сизякина // Социальное обеспечение. – 2003. – № 12. – С. 32-34.

4. Толкачева, Е. В. Процесс производственной адаптации инвалидов (социологический анализ): автореф. дис. ... канд. социол. наук / Е. В. Толкачева. – Хабаровск, 2006. – 22 с.

5. Фокин, В.А. К проблеме развития социального образования в XXI веке / В.А. Фокин, И.В. Фокин // Социальные технологии, исследования. – 2005. – № 3. – С.29-35.

МОЛОДЕЖНОЕ ВОЛОНТЕРСТВО КАК ПЕРСПЕКТИВНОЕ МОДЕЛИРОВАНИЕ СОЦИАЛЬНОЙ РЕАЛЬНОСТИ И ФАКТОР ПРОТИВОДЕЙСТВИЯ ИНТЕЛЛЕКТУАЛЬНОЙ МАРГИНАЛИЗАЦИИ МОЛОДЕЖИ

А.В. Кисленко

*старший преподаватель кафедры социологии
и организации работы с молодежью, НИУ «БелГУ»*

Возможности социального прогнозирования будущего уже несколько десятилетий выступают одной из актуальных дискуссионных проблем, активно

обсуждаемых научным сообществом как основным актором модернизационных процессов политического, экономического и социокультурного пространства. Еще участники Римского клуба, созданного в 1968 г. по инициативе итальянского промышленника А. Печчеи, «регулярно собирались для обсуждения проблем, поднятых экологической и технологической «волной», ... стремились обратить внимание правительств и общественности на их серьезность» [1].

В настоящее время социальное прогнозирование занимает особое место в системе управления, поскольку позволяет не только «выявлять тенденции и факторы, обуславливающие возможные перемены, но и альтернативные варианты развития, их динамики в результате принятия тех или иных решений, а также оценивать последствия реализации управленческих решений, непредвиденные изменения внешней среды ...» [2].

Одновременно получают распространение новые технологии прогнозирования, среди которых можно выделить «форсайт» как эффективный инструмент формирования социальной реальности. По мнению профессора В. П. Третьяка «форсайт» позволяет воздействовать на будущее «с помощью согласования партикулярных интересов различных слоев гражданского общества и посредством стимулирования их активности в сфере использования ключевых технологий» [3], в долгосрочной перспективе способных произвести положительный социально-экономический эффект. В условиях региональных форсайтов данный процесс осуществляется «в масштабах ограниченной территории, на которой факторы географической близости становятся определяющими» [4].

Как отмечают исследователи, использование технологии «форсайт» способствует не только выявлению актуальных научно-технических и социально-экономических проблемных зон, но и дает возможность спроектировать текущую деятельность таким образом, чтобы трансформировать устаревшие институты в соответствии с приоритетными направлениями развития, фокусируя взаимодействие социальных акторов на достижение конкретной цели, обусловленной обобщенным представлением о желаемом будущем. В соответствии с этим отличительной чертой данной технологии становится «самоактивизация участников зарождающегося будущего в деле его претворения по собственной инициативе» [5].

Эффективное использование «реальных и потенциальных возможностей людей для повышения качества собственной жизни и жизни всего общества» [6] лежит в основе идеи социальной солидарности, которая в последнее время актуализируется представителями власти и общественных структур. Так, в Белгородской области она получила нормативное закрепление в виде Стратегии «Формирование регионального солидарного общества на 2011-2025 годы» [7], практическая реализация которой связана, прежде всего, с модификацией ценностно-смысловых паттернов населения региона. Культурная модификация, переход от общества потребления к обществу «взаимной лояльности, ответственности и социальной интеграции» [8], предполагает целенаправленное изменение индивидуально-прагматических установок,

доминирующих в сознании людей, коллективистскими. Представляется, что существенную роль в этом процессе может сыграть волонтерство, обладающее значительным потенциалом в мобилизации социальной инициативы, объединении граждан на почве общих ценностей и интересов, что, в свою очередь, создает дополнительные возможности для решения экономических, гуманитарных, образовательных, культурных, экологических и других задач.

В рамках данного исследования речь пойдет о потенциале волонтерства в решении такой задачи как противодействие интеллектуальной маргинализации молодежи, которая раскрывается нами с позиции доминирования прагматизма, потребительского отношения в поведении молодых людей, отсутствия интереса и способностей к интеллектуальной деятельности. Интеллектуальная маргинализация проявляется в общении, внешнем виде, увлечениях, досуге, образовательной, научной, профессиональной деятельности, жизненных стратегиях молодежи и т.д.

Можно выделить следующие факторы, интенсифицирующие сегодня процесс интеллектуальной маргинализации молодежи:

- 1) отсутствие мотивации молодежи к интеллектуальной деятельности;
- 2) просчеты, допущенные при реформировании системы образования, имитационные практики в образовательной среде;
- 3) изменения в содержании базовых и инструментальных ценностей молодежи, ее ориентация на индивидуальную-прагматическую, меркантильную установки;
- 4) избыток некачественной нерелевантной информации;
- 5) реализация асоциальных форм проведения досуга молодежи и формирование асоциальных моделей социализации;
- 6) несформированность условий для интеллектуальной деятельности молодежи;
- 7) низкий уровень качества жизни населения и т.д.

Таким образом, на процесс интеллектуальной маргинализации молодежи существенное влияние оказывают факторы, которые можно условно сгруппировать следующим образом:

- 1) группа макросоциальных факторов – включает особенности социально-экономического положения в стране и государственной социальной (в том числе образовательной) политики;
- 2) группа микросоциальных факторов – включает особенности образа и стиля жизни молодежи, ее ближайшего окружения;
- 3) группа личностных факторов – включает преимущественно особенности ценностно-нормативной и мотивационной сфер молодого человека, доминантой которых в современных условиях выступает материальное благополучие. В то время как духовные ценности в ценностном пространстве молодежи занимают чуть ли не последнее место.

Представляется, что процесс интеллектуальной маргинализации наиболее интенсивно протекает, когда происходит разрушение ценностной системы, институциональных норм, в результате чего и формируются новые формы поведения, новые типы личности. Данное обстоятельство актуализирует задачу

развития волонтерской деятельности в молодежной среде, поскольку добровольчество в первую очередь «способствуют успешному нравственному становлению молодых людей» [9].

Кроме того волонтерство как социально-культурный феномен реализует комплекс конструктивных (положительных) функций (социализационная, образовательная, развивающая, воспитательная и др.), которые можно дифференцировать по сферам деятельности (см. табл.):

Таблица

Функции волонтерства в различных сферах деятельности

<i>Сфера образовательной и воспитательной деятельности</i>	<ul style="list-style-type: none"> • социализация молодого поколения; • усвоение и развитие знаний, умений и навыков, которые могут стать основой для профессиональной ориентации; • сохранение и воспроизводство духовно-нравственных и социокультурных ценностей; • профилактика социальных девиаций и формирование установки на неприятие социальных пороков.
<i>Хозяйственно-бытовая сфера</i>	<ul style="list-style-type: none"> • предоставление хозяйственно-бытовых услуг одним членам общества от других; • присмотр за детьми; • поддержка и опека над престарелыми и инвалидами.
<i>Экономическая сфера</i>	<ul style="list-style-type: none"> • экономическая поддержка нуждающихся членов общества (сбор денежных средств, вещей, продуктов питания и т.д.)
<i>Сфера эмоционально-психологической рекреации</i>	<ul style="list-style-type: none"> • расширение пространства для самореализации молодого человека; • организация досуга молодежи; • получение индивидами эмоциональной поддержки, удовлетворение потребности в общении, взаимодействии.
<i>Сфера социально-статусной деятельности</i>	<ul style="list-style-type: none"> • удовлетворение потребности в социальном продвижении; • придание членам волонтерской организации определенного социального статуса.

Волонтерские организации способствуют компенсации сокращающейся взаимопомощи по мере урбанизации, ограниченности демократии и рынка как механизмов удовлетворения социальных нужд, ослаблению напряженности в обществе. Волонтерство выступает как тип общественного контроля, который заменяет принудительный административный контроль [10].

Формирование и развитие системы молодежного волонтерского движения выступает одной из наиболее сложных задач. Решающую роль в процессе ее решения играют органы государственной власти и управления, поскольку они, во-первых, ответственны за реализацию государственной молодежной политики и долгосрочных целей социально-экономического развития, среди которых содействие «благотворительной деятельности граждан и организаций, а также распространению добровольческой деятельности» [11].

Во-вторых, они в большей степени заинтересованы в развитии молодежного волонтерства, которое по своей сути представляет добровольные

инвестиции личного времени, усилий, знаний, умений и навыков на выполнение неоплачиваемых работ в пользу другого человека или общества.

В-третьих, именно органы государственной власти и управления обладают достаточным административно-ресурсным потенциалом для решения данной стратегической задачи. Все это требует разработки обоснованной управленческой стратегии развития волонтерской деятельности, которая должна учитывать интересы различных социальных акторов, вовлеченных в процесс ее реализации. В первую очередь, речь идет об интересах и потребностях молодежи как потенциального или реального субъекта социальной активности в сфере волонтерства. О.А. Рожнов отмечает, «что в настоящее время молодежная политика в России является сферой, в которой постоянно ощущается дистанция между попытками различных социальных акторов использовать, актуализировать потенциал молодежи и направить его в то или иное русло. Система идей, мероприятий, учреждений, кадров того или иного субъекта политической жизни в отношении молодежи разрабатывается и реализуется в интересах поддержки ею своей политической линии с учетом как сиюминутных, так и стратегических задач политической конкуренции» [12]. В результате создаются стратегии, исходящие из интересов государства, отдельных политических, общественных групп и объединений, но не из потребностей самой молодежи.

Решение данной проблемы, на наш взгляд, связано с поддержкой проектных форм реализации молодежных добровольческих инициатив, поскольку проектные разработки, во-первых, выявляют потребности и интересы молодежи в области волонтерства; во-вторых, демонстрируют возможные сферы приложения молодежного добровольческого труда; в-третьих, способствуют росту субъектности молодежи и определяют траектории социального партнерства государства, общественных структур, коммерческого сектора и самих молодых людей, обеспечивая тем самым диалог между различными социальными акторами, вовлеченными в волонтерскую деятельность.

Отметим отсутствие внешне запоминающихся элементов волонтерской деятельности и несформированность имиджа волонтерских объединений, которые «имеют зачастую намного большую значимость, особенно для самих молодых участников, чем какие-то неясные долгосрочные перспективы и идеи» [13]. Данное обстоятельство актуализирует задачу развития визуальной идентификации молодежной волонтерской деятельности через разработку бренда волонтерства, создание положительного имиджа волонтера и выполняемой им деятельности.

Таким образом, формирование и эффективное функционирование системы молодежного волонтерского движения предполагает осуществление целостного комплекса организационных мероприятий, способствующих актуализации и поддержанию социальной активности молодежи в сфере волонтерства. К их числу относятся: разработка стратегии консолидации субъектов волонтерской деятельности, совершенствование проектных форм реализации добровольческих инициатив молодежи, развитие визуальной

идентификации волонтерства. Одновременно успешная реализация указанных мероприятий требует соответствующего нормативно-правового, кадрового, информационно-коммуникационного и социально-технологического обеспечения организации волонтерской деятельности молодежи.

Единственной известной нам работой, в рамках которой дано определение понятия «организация волонтерской деятельности молодежи», является коллективное пособие под редакцией О.А. Гордиловой. По мнению авторов, данная категория охватывает «систему мер, средств и форм, используемых управленцем, социальным работником, социологом, педагогом, психологом с целью активизации молодежи и создания условий для ее участия в бескорыстной и добровольной помощи нуждающимся категориям населения» [14].

Анализ данного определения дает основание для следующих выводов:

Во-первых, о полисубъектности волонтерской деятельности, в которую наряду с молодежью (как потенциальным или реальным субъектом социальной активности в сфере волонтерства) вовлечены различные институциональные и внеинституциональные социальные акторы. К их числу относят семью, агентов учреждений образования, средства массовой информации, социальное окружение, государство и других субъектов, которые оказывают наибольшее влияние на принятие волонтерства. При этом отметим, что от деятельности указанных субъектов во многом зависит выберет молодой человек просоциальную, как в случае с волонтерством, или же наоборот интеллектуально-маргинальную модель поведения.

Во-вторых, о детерминированности процесса актуализации социальной активности молодежи в сфере волонтерства наличием определенных условий. Например, использование значимой для молодых людей деятельности как основы волонтерства.

В-третьих, о целостности мер, средств и форм деятельности с молодежью, за счет чего обеспечивается их взаимосвязь и взаимозависимость.

Таким образом, волонтерство необходимо рассматривать как основу формирования солидарного сознания, активной гражданской позиции регионального сообщества, форсайт-проект будущего социального развития и фактор противодействия интеллектуальной маргинализации молодежи. Реализация такого проекта предполагает комплексное исследование волонтерства как перспективного моделирования социальной реальности и организацию системы волонтерского движения.

Литература

1. Бестужев-Лада, И. В. Социальное прогнозирование. Курс лекций / И. В. Бестужев-Лада // Центр гуманитарных технологий. [Электронный ресурс]. URL :<http://gtmarket.ru/laboratory/basis/3019> (дата обращения: 10.01.2014).
2. Тощенко, Ж. Т. Социология управления / Ж.Т. Тощенко. – М., 2011. – С. 71.
3. Третьяк, В. П. Структура форсайта / В. П. Третьяк // Отраслевые рынки. – 2007. – № 3-4(14).
4. Третьяк, В. П. Форсайт как технология предвидения / В. П. Третьяк // Экономические стратегии. – 2009. – № 8. – С. 52.
5. Козлов, В. А. Место теории слабых сигналов в технологии Форсайта / В. А. Козлов, В. П. Третьяк // Отраслевые рынки. – 2012. – № 4-5(31). – С. 3.

6. Бабинцев, В. П. Солидарное общество Белгородской области: перспективы и риски реализации / В. П. Бабинцев // Белгородское солидарное общество. – 2013. – № 4. – С. 34.
7. Постановление Правительства Белгородской области от 24 ноября 2011 г. № 435-пп «Об утверждении Стратегии «Формирование регионального солидарного общества» на 2011-2025 годы» // Белгородские известия. – 2011. – 31 декабря. – № 232.
8. Бабинцев, В. П. Три идеи солидарного общества – взаимопонимание, ответственность и интегрированность в социальную группу / В. П. Бабинцев. [Электронный ресурс]. URL : <http://www.solidarnost31.ru/> (дата обращения: 16.02.2014).
9. Паршина, Ю.В. Нравственное становление старшего подростка в волонтерской деятельности: автореф. дисс. ... канд. пед. наук / Ю.В. Паршина. – Воронеж, 2011.
10. Энциклопедия социальной работы: в 3-х т. – М., 1993. – Т. 1.
11. Концепция долгосрочного социально-экономического развития Российской Федерации на период до 2020 года. [Электронный ресурс]. URL : http://www.economy.gov.ru/minec/activity/sections/strategicplanning/concept/doc20081117_01 (дата обращения: 24.04.2014).
12. Рожнов, О.А. Управление молодежной политикой в современной России : дисс. ... канд. социол. наук / О. А. Рожнов. – М., 2005.
13. Лебедев, П. «Вместе веселее», или «Один в поле не воин» / П. Лебедев // Социальная реальность. 2008. №6. [Электронный ресурс]. URL : <http://socreal.fom.ru/?link=ARTICLE&aid=529> (дата обращения: 24.04.2014).
14. Волонтерство как социальный феномен : учебно-методическое пособие для студентов высш. учеб.заведений / под научн. ред. канд. социол. наук, доцента Гордиловой О.А. – Белгород:ПОЛИТЕРРА, 2008. – С. 124.

МАРГИНАЛИЗАЦИЯ МОЛОДЕЖИ КАК АКТУАЛЬНАЯ ПРОБЛЕМА СОЦИАЛЬНОЙ РАБОТЫ

О.В. Куликова,
*кандидат психологических наук,
доцент кафедры управления персоналом, НИУ «БелГУ»*

В настоящее время перед российским обществом остро стоит проблема организации социальной жизни молодежи. Социум тревожит крайне неблагоприятная тенденция роста маргинализации среди молодежи, негативная трансформация ее количественных и качественных параметров.

Проблемы маргинализации (ухода от активной общественной жизни, асоциального поведения) в той или иной степени существовали всегда. Однако особенно актуальными они стали в 50-90-е гг. XX века и в настоящее время. Думается, это связано с такими объективными факторами, как урбанизация, ускорение темпов общественной жизни и научно-технического прогресса. Теперь приходится говорить не только о маргинализации социально неблагополучных слоев или традиционных социальных аутсайдеров (алкогольно-и наркозависимые, малоимущие, анархо-ориентированные и пр.), но и о достаточно высоком проценте маргинализации молодого поколения.

Понятие «маргинальная личность» было предложено Р. Парком в 1928 г. [1] для обозначения, в первую очередь, мигрантов, находящихся в ситуации необходимости адаптации к новым социокультурным реалиям, т.е. людей,

находящихся в «пограничном» положении существования сразу в двух культурных контекстах: субъективном (внутреннем) и объективном (внешнем).

В настоящее время маргинальность стала пониматься не только как результат межкультурных или этнических конфликтов, но и как следствие социально-политических процессов [2]. Возможно и более широкое понимание маргинальности как универсального и закономерного культурного феномена, детерминированного групповыми условиями существования человеческой общности. Главный признак маргинализации – разрыв социальных связей, погружение индивида на своеобразное дно, причем необязательно имеются в виду ярко выраженные поведенческие девиации.

Логично рассмотреть конкретные предпосылки формирования такого социального феномена как маргинализация молодежи. Существует несколько групп факторов.

Постоянно ускоряющаяся смена доминантных социальных ориентиров и установок, что, во-первых, обусловлено быстрыми темпами научно-технического прогресса, во-вторых, объективными последствиями глобализации. В эту группу факторов входят быстрая смена модных тенденций, вариативность сферы искусства, развитие массовой культуры, отсутствие экономических стимулов активной трудовой деятельности, относительная доступность информации и пр. Закономерно возникают проблемы самоидентификации и самопрезентации молодого человека в социуме при формировании ложных установок по схеме: «все места заняты, свободных нет», проблемы отсутствия четких социальных перспектив, мобильности, размытость и непостоянство социальных статусов.

Социально-экономическая стратификация современной российской молодежи – расслоение на очень бедных и очень богатых порождает такое парадоксальное явление, как маргинализация: одних в силу бедности и недоступности актуальных социальных ресурсов, других – богатства и фактической бесполезности, ненужности тех же ресурсов. Отметим, что до недавнего времени причины маргинализации молодежи рассматривались как следствие дефицита экономической составляющей, сейчас же можно говорить о профиците, излишке материальных средств как негативном факторе социализации личности.

Социально-средовой фактор. Нейтрально-благоклонное отношение родителей и ближайшего окружения к маргинализации конкретной личности. В настоящее время дефицит воспитательной функции семьи как социального института стал закономерностью и ошибочная родительская установка «никого не убил – уже хорошо» – также стала объективной реальностью. Излишне говорить о возможных последствиях дефицита воспитания и контроля со стороны родителей, учителей, близких взрослых.

В эту группу факторов мы склонны отнести и морально-этическую составляющую. Падение морально-нравственного уровня современного общества, дефицит духовности, примат материальных ценностей («психология вещиизма») не могут не сказаться на социализации молодежи самым негативным образом.

Проблемы коммуникации. В широком смысле это проблемы межличностного и межгруппового общения – от разнообразных форм вербального и невербального взаимодействия внутри группы до общения в масштабах крупных человеческих сообществ. Особой значимостью обладают проблемы современных средств массовой коммуникации (далее – СМК). Сегодня роль СМК в повседневной жизни человека трудно переоценить. Телевидение, радио, Интернет стали неотъемлемым элементом повседневной жизни каждого человека. Они массовы, общедоступны и в определенной степени способствуют насаждению массовой культуры, нивелированию и размыванию традиционных общечеловеческих ценностей, фактической пропаганде насилия. Практическая невозможность контроля потоков информации со стороны родителей и взрослых, доступность ресурсов разного рода, кроме того, даже сам объем поступающей информации является крайне серьезной проблемой. Особняком в группе СМК стоит Интернет. Глобальная сеть сегодня является огромным информационным ресурсом, объективно не поддающимся какому-либо контролю со стороны индивида, легко доступным даже для ребенка и содержащим в себе крайне дифференцированную информацию. Очевидность проблемы не вызывает никаких сомнений. Выделим лишь некоторые негативные стороны общедоступности Интернета:

Кибераддикция (зависимость от «сети»). Является признанным медициной заболеванием, при котором человек выпадает из системы общественных отношений, погружаясь в виртуальный мир и неспособен самостоятельно справиться с данной проблемой. По характеру протекания напоминает наркозависимость. Явление при всей его серьезности в настоящее время уже не вызывает ни шока, ни удивления. В большей степени кибераддикции подвержены именно молодые люди.

Невозможность фильтрации информации. Уровень научно-технического развития позволяет легко выходить «в сеть» с обычного мобильного телефона. Взрослый человек способен к критическому анализу той или иной информации, чего нельзя сказать о подростке. Излишне перечислять то, что ребенок или молодой человек может просмотреть или прослушать во всемирной сети. Возможность контроля над этим процессом со стороны взрослых, как упоминалось выше, в настоящее время фактически отсутствует.

«Суррогатное общение» – этим термином нами обозначается так называемое «сидение в «социальных сетях»». Тысячи молодых людей ежедневно посещают социальные сайты, чтобы общаться друг с другом. Само по себе это обстоятельство не кажется представляющим какую-либо опасность, но что происходит в реальности: молодая девушка легко может просидеть за монитором на протяжении всего вечера, а затем всей ночи, общаясь со знакомыми и друзьями, но зачастую люди, с которыми она общается, знакомы с ней лишь виртуально. Общение сводится к упрощенным и малосодержательным фразам, диверсифицируется (поддержание он-лайн контакта сразу с несколькими собеседниками) и в итоге полностью девальвируется, утрачивая изначальный смысл, а затем теряя смысл вообще. Происходит подмена целей: общение ради общения – фактически

бессмысленное действие, когда обесценивается сначала процесс, а затем – субъект, что было бы полностью исключено при «живом» общении.

Таким образом, следует заметить, что современные высокотехнологичные СМК и СМИ не выполняют своих изначальных функций в полной мере из-за отсутствия регулирующих ценностей, причем для современного молодого человека нравственный выбор уже не просто затруднен – подвергается сомнению необходимость такого выбора.

Маргинальность – явление закономерное и, в известной степени, неизбежное. Эффективная работа с различными социальными патологиями возможна только при наличии исчерпывающей информации о факторах и предпосылках, которые их обуславливают. Именно поэтому задача социальной работы заключается в том, чтобы эффективно работать с уже «состоявшимися» маргиналами, и по мере возможностей – с причинами маргинализации молодежи, реализуя, таким образом, профилактический принцип социальной работы.

Литература

1. Булько А.Н. Большой словарь иностранных слов: 35 тыс. слов. – М.: Изд-во «Мартин», 2008. – 703 с.
2. Осипов Г.В. Российская социологическая энциклопедия / Под общ. ред. академика РАН Г.В. Осипова. – М.: Норма – Инфра·М, 1998. – С. 255.

К ПРОБЛЕМЕ ДЕФРАГМЕНТАЦИИ СОЗНАНИЯ: СИСТЕМНОСТЬ РЕФЛЕКСИИ VERSUS ИНТЕЛЛЕКТУАЛЬНАЯ МАРГИНАЛИЗАЦИЯ

С.Д. Лебедев,

*кандидат социологических наук,
профессор кафедры социологии и организации работы с молодежью,
НИУ «БелГУ»*

Интеллектуальная маргинализация может быть определена как вытеснение некоторого субъекта по признаку интеллектуальных характеристик за рамки определенного нормативного мейнстрима – такого образца интеллекта, который считается в обществе «правильным», «настоящим», «соответствующим должному уровню». В данной связи необходимо определиться с самим критерием, лежащим в основе наших оценок.

Применительно к современному социальному миру таковой критерий может и призван быть выведен из категории рефлексии. Последняя, наряду с материально-практической деятельностью и коммуникацией, представляет один из ключевых видов человеческой активности [1]. Функциональное значение рефлексивной деятельности заключается в установлении и поддержании положительной обратной связи между субъектом и объектом осознания с целью регуляции их взаимодействия [2]. Содержательно она состоит в оценке и интерпретации ситуации с позиций включенного в нее субъекта и его предполагаемой деятельности. Способность к рефлексии –

исключительно социальная и культурная способность; она выработана обществом как важнейший адаптивный механизм согласования элементов его внутренней и внешней среды и в этой связи заслуживает отдельного тщательного изучения и вдумчивого регулирования.

Для общества типа Modernity рефлексия становится в наши дни важнейшей социальной практикой и, в силу этого, чрезвычайно распространенным явлением. Свобода выбора, беспрецедентная по объему и разнообразию, «в силу необходимости нести ответственность за свой выбор привела к увеличению временных затрат на оценку разных возможностей и принятие «правильного» решения, то есть на рефлексию» [3]. Соответственно, спрос рождает предложение – сегодня у нас, мягко говоря, нет недостатка как в ответствующей продукции, так и в субъектах, активно предлагающих воспользоваться «готовыми» плодами своей рефлексивной активности в самых разнообразных областях жизни. Чтобы получить об этом общее представление, достаточно просмотреть список консалтинговых агентств и отдельных специалистов, предлагающих свои услуги в решении вопросов от медицины до юриспруденции и от управления предприятием до организации интерьера помещения «по фэн-шуй».

Закономерно, что такая ситуация ставит и требует решения проблемы критерия качества соответствующей интеллектуальной деятельности, который, в силу требований времени, фактически становится критерием качества человеческого интеллекта вообще. Должный качественный уровень рефлексии определяется, прежде всего, балансом между её внутренней (субъективно-смысловой) и внешней (объективно-референтной) средой. Классическим примером здесь представляется «работающая» научная теория, способная объяснять и предсказывать поведение объекта (референтной части внешней среды) и вместе с тем отвечающая требованиям непротиворечивости, логической стройности, максимально возможной простоты и «красоты». Иными словами, хорошая рефлексия предполагает «действующую модель» той части (фрагмента, аспекта) реальности, на осмысление которой в контексте взаимодействия с субъектом она направлена. Соответственно, качество интеллекта человека должно оцениваться по его способности создавать / находить / корректировать такие модели в избранной сфере деятельности и в повседневной жизни.

Именно такое качество интеллекта формировала классическая естественнонаучная и гуманитарная культура, основанная на четко структурированной «сетке» универсальных понятий, дедуктивно распространяющихся на частные случаи ситуаций [4]. Но еще раньше аналогичную в своих основах структуру миропонимания давала традиционная культура. И та и другая, при значительных различиях между ними в структуре и содержании, сообщали человеку целостную картину жизненного мира, изоморфную его объективной, прежде всего социальной, реальности. Такие культуры формировали мощное смысловое поле, способное «дефрагментировать» разрозненный хаос частных представлений и ценностей, выстраивая его по определённому паттерну. В них, по выражению философа

Романо Гвардини, «в человеке и его жизни вновь собрана вся вселенная, чтобы развернуть новый порядок: порядок микрокосма во всей полноте его ступеней и значимостей» [5]. Воспринимаясь человеком в процессе обучения/воспитания, данный паттерн формировал у него то, что мы сегодня называем интеллектуальной культурой личности. Именно этой классической интеллектуальной культуре мы обязаны практически всеми крупными и крупнейшими учёными, мыслителями, инженерами и деятелями искусства Нового и Новейшего времени.

Формально принципы такой интеллектуальной культуры – как в сфере фундаментальных естественных, так и, в меньшей степени, в сфере социогуманитарных наук всё ещё сохраняют свою значимость. Но фактически в последние десятилетия они подвергаются исключительно сильным вызовам, способным деконструировать их уже в исторически скором времени. В чём заключаются эти вызовы?

Во-первых, социокультурная образовательная среда – так мы обозначим сумму всех актуальных смыслов, формирующих индивидуальную культуру личности в процессе ее развития – сегодня представляется предельно фрагментированной. Почти 20 лет назад это предельно четко зафиксировал З. Бауман в своем знаменитом эссе о морали постмодерна «Жизнь, разбитая на фрагменты». Еще ранее о «деконструкции» несущих смыслов человеческой жизни (метарассказов, дискурсов классического Модерна) писали Жиль Делёз и Франсуа Лиотар. До них – в 1930-х – о закономерных тенденциях всеобщего распада в «перестойной чувственной культуре» с присущей ему пророческой мощью высказался П.А. Сорокин. Самыми первыми же эти тенденции ощутили те, кто одарен в области невербальных, синтетических форм рефлексии – музыканты и художники, что еще в 1920-х годах ярко и отчетливо высветил Ортега-и-Гассет, писавший о «дегуманизации искусства».

Эта субъективная реакция самосознания общества в лице его наиболее чувствительных «органов» представляется нам отображением грандиозных процессов объективного плана, идущих в его недрах и в последние десятилетия фиксируемых уже «невооруженным глазом». Речь идёт о неимоверном возрастании как сложности и объемов самого человеческого знания, так и потоков информации, связанных с новыми техническими возможностями ее трансляции и коммуникации.

Во-вторых, вместе с тем интенсивно диверсифицируется само общество. В результате появляется огромное количество больших и маленьких, глобальных и локальных, узко- и широкопрофильных агентов, образующих в сумме бурлящий океан социокультурных влияний на личность, где традиционные и самые авторитетные институты обучения и воспитания – школа и семья – стремительно теряют статус мейнстрима. «Экран знания» современного человека, как о том писал более 50 лет назад А. Моль, так же как и вся «культура мира», становится мозаичным – склеенным из различных, случайно ассоциированных друг с другом фрагментов.

Однако вместе с тем все эти фрагменты смысла функциональны, то есть по-своему поверены самым главным критерием истины – практикой. Они

просты, понятны и экономичны, что соответствует универсальному принципу «наименьшего действия». Кроме того, они разделяются большинством, что, на основе суггестии повседневности, дает им ту самую «легитимацию снизу», которая прочнее и глубже любых логических и даже фактических доводов, поскольку имеет статус «само собой разумеющегося». Ну и, наконец, такие фрагменты сегодня в избытке производятся и успешно продаются на «рынке спиритуальных товаров», начиная от коммерческой рекламы и заканчивая политическими кампаниями.

Иными словами, сегодня «сама жизнь» подталкивает всех нас к тому, чтобы мыслить: а) сугубо ситуативно; б) одномоментно; в) односторонне; г) несамостоятельно, пользуясь на каждый случай плодами там и сям заимствованной рефлексии. Пределом, «суператтрактором» такого развития событий становится человек-киборг, в мозг которого некими внешними силами вкладывается нужная «программа», в любой последующий момент бесследно стираемая и заменяемая другой программой. Как точно выразился в свое время известный белгородский журналист Константин Битюгин, это даже не шизофрения, а «полифрения» общественного сознания. К сожалению, в последние несколько лет проявления этого синдрома становятся заметны даже у не самых худших студентов и аспирантов. При четком «схватывании» отдельных моментов знаний и навыков они испытывают странные затруднения, когда требуется привести все в систему, сформировать более-менее целостную модель явления – что совершенно необходимо, например, при написании курсовой или дипломной работы/проекта, да и для хорошего ответа на экзамене. В целом можно говорить о том, что по сравнению со студентами 20-летней давности их современные коллеги, представляющие следующее демографическое поколение, стали заметно практичнее и целерациональнее. Однако без «противовеса», представленного фундаментальными знаниями и навыками самостоятельного мышления эта рациональность неизбежно останется поверхностной и «близорукой», не выходящей за пределы мелкожитейских расчётов и бессильной перед любыми манипуляциями сознанием.

В чём состоит и проявляется беспомощность «современного стиля мышления»? К основным опасностям и рискам для рефлексии в ситуации «экспоненциального» роста её объёмов относятся крайности в её развитии. Эти аттракторы подобны мифическим чудовищам «Сцилле» и «Харибде», между которой современному «хитроумному Одиссею» надлежит провести корабль своего мышления. С одной стороны, его гипертрофированную рефлексивную деятельность подстерегает опасность замыкания на себя, а с другой стороны, ей грозит замыкание на ситуацию. В первом случае некоторая сумма знаний, достигшая определенной степени развития и устойчивого интереса к себе со стороны какого-либо социального субъекта, обнаруживает тенденцию к теоретической автаркии и отрыву от «живой жизни» с превращением в замкнутый дискурс. Во втором случае она обнаруживает тенденцию к прагматизации, сведению её к набору всё более частных рецептов, ничего не объясняющих, но помогающих «решить конкретную проблему» здесь и сейчас.

При замыкании рефлексии на саму себя максимизируется значимость критерия её внутренней согласованности за счёт и, как следствие, в ущерб практической применимости во внешних контекстах. При замыкании её на ситуацию, наоборот, максимизируется значимость критерия её согласованности с внешними контекстами за счёт и в ущерб концептуальной, теоретической целостности и логичности.

Тяготение мышления к одной из этих крайностей порождает в избытке феномен плохой рефлексии, ценность которой – и теоретическая, и практическая – близка к нулю. Характерным примером первой крайности представляются бесконечные и бесплодные умозрительные рассуждения о «духовности», «соборности», «державности», никак не объясняющие прямо противоположные явления («бездуховность», нравственную деградацию, аномию), в избытке переживаемые нами в последние два с лишним десятилетия [6]. Типичный пример второй крайности – чрезвычайно распространившиеся в обществе т.н. представления-антиномии, механически соединяющие в сознании логически и фактически несовместимые шаблонные смысловые моменты безо всякой их теоретической интеграции [7]. При этом сами описанные «образцы» мышления столь же парадоксальным образом успешно совмещаются в одних и тех же головах. Как сетует Л.Я. Дятченко, «...рефлексия приобрела в современном массовом сознании абстрактный, оторванный от практической деятельности характер. Значительная часть граждан России сегодня (как и вообще в истории) склонна рефлексировать по поводу предельно общих категорий религиозно-мистического и этико-философского характера, но убеждена в собственной непогрешимости, когда дело касается повседневной жизненной практики» [8]. Эта практика осуществляется с минимальным вмешательством мышления, существующего как бы отдельно от неё и почти никакого влияния на повседневные дела человека не оказывающего.

В этой ситуации красивые проекты массового воспитания подлинно субъектной, целе- и ценностно-рациональной личности с высоким уровнем социально-технологической культуры представляются утопией. Тот «человеческий материал», который у нас реально есть, в основном представлен спектром между оторванным от жизни интеллектуалом и практичным «одномерным человеком» Г. Маркузе. Может показаться, что они представляют собой несовместимые крайности и что прагматики-приспособленцы сегодня «задавили» интеллектуалов-эскапистов. На самом деле те и другие нужны друг другу и образуют очень даже живучий культурный симбиоз, порой удачно совмещаясь в одном лице. Таков, например, феномен «рыночно успешного» писателя, артиста или политика, весьма одномерно-прагматично эксплуатирующего свой интеллект и талант, обменивая однообразное мелькание своих книжных или экранных тиражей на неплохие дивиденды. «People хавает!» Интеллектуальные маргиналы элиты востребованы интеллектуальными маргиналами «толпы», которые – именно в этом качестве – необходимы им как потребители их унылого... «креатива» в броской рекламной упаковке. Чем иным, как не интеллектуальной маргинальностью аудитории можно объяснить, например, популярность среди

довольно образованных и неглупых современных людей «фейковых» опусов академика А.Т. Фоменко по «Новой хронологии», лингвистических изысканий юмориста М.Н. Задорнова и прочих торсионных полей? Разорвать этот замкнутый круг, поддерживаемый институтами рынка, вряд ли возможно, но можно и необходимо вывести из него как можно больше людей – особенно младших поколений. Почва для этого есть: в среде нынешних школьников и студентов уже заметны тенденции отторжения образцов навязчивой массовидной культуры и тяготения к интеллектуальным книгам, фильмам, темам «высокого вкуса».

Нам представляется, что в данной ситуации главной составляющей интеллектуальной (рефлексивной) культуры и в целом человеческого капитала выступает актуальная способность «сохранять себя». Это значит способность формировать и удерживать противовес современным тенденциям стремительного «выветривания» из голов и, как следствие, из социальных институтов их человеческого, социального содержания. Важнейшей задачей в этой связи становится утверждение и «удержание образца» личности – культуры – общества, где главной целью остается личность, главным средством – культура, а «полем битвы» – общество. И такой образец может быть удержан только лишь через культивирование системности, интегральности знания и мышления. В этой связи «дефрагментация» рефлексивной деятельности субъекта может быть представлена по традиционной схеме триады, включающей фундаментальные человеческие качества: мышление, чувства и волю. Интеграция мысли, основанная на системе знаний и глубже – мировоззренческих представлений; интеграция чувств, основанная на выверенной системе этико-эстетических ценностей; интеграция воли, основанная на системе императивов действия, вытекающих из ценностей и знаний и единственно осуществляющих, претворяющих их в социальную реальность.

Для этого у нас пока еще есть ресурс. Современный российский интеллектуальный капитал, официально оцениваемый в \$1,5 трлн., но фактически, по мнению специалистов, составляющий \$25 трлн. [9] – является не чем иным, как еще не растраченным наследством советской системы образования и всей советской социокультурной образовательной среды в целом. Ценностный и волевой капиталы измерить труднее; однако потенциал самосохранения нашего общества, проявленный им в последние 20 с лишним лет, косвенно свидетельствует о том, что и здесь мы сохранили немало. Тем не менее, это совершенно невозобновимый ресурс, накапливавшийся в социальной ткани в течение столетних усилий целого ряда поколений интеллектуалов – творцов, педагогов, культуртрегеров, но постепенно иссякающий и безвозвратно теряющийся в результате культурного демпинга, когда его не удается передать в должном объеме последующему поколению.

Здесь основная ответственность ложится на институт среднего и высшего образования. И на этом фоне одним из главных «минусов» сегодняшнего российского подхода к образованию в сравнении с подходом дореволюционного и советского времени специалисты называют отсутствие

прививаемого учащимся системного взгляда на реальность. Его торжествующей альтернативой выступает фрагментарный подход, наиболее ярким воплощением которого стал приоритет практики тестирования при подготовке к и сдаче ЕГЭ.

По данному поводу экспертами в области образования за последние около 10 лет было многократно высказано и аргументировано то положение, что ориентация на тесты как основной или даже значимый паттерн образовательного знания чревата разрушительными последствиями для культуры, личности и общества [10]. В данной связи формулировка декана социологического факультета МГУ имени М.В. Ломоносова профессора В.И. Добренькова, сказавшего «это дебилы будут», еще не представляется самой жесткой. Почему это так значимо и почему имеет особую актуальность для России – мы кратко обозначим далее.

В этой связи школа (средняя и высшая) сегодня является единственным и последним институтом, сообщающим человеку систематизированную, целостную и последовательную картину мира и тем самым обеспечивающим его способность к качественной и конструктивной рефлексии. Ни до нее, ни после, ни параллельно ей выполнить эту задачу не сможет ничто другое. Сдача ею своих позиций в данном качестве угрожает «полным постмодерном», когда любая твердая истина может быть установлена только подавлением личности, а отсутствие такового закономерно выливается в то, что единственной общепризнанной «защепкой» за реальность становится произвольно толкуемый критерий функциональности – прагматический в одном варианте и гедонистический в другом. Оба варианта очень плохи, поскольку безнадежно маргинализируют интеллект человека, делая его неспособным к самостоятельной рефлексии, которая отдаётся «на откуп» модным писателям, политтехнологам и коммерческой рекламе. Поэтому нам, педагогам и исследователям, очень важно сейчас осознать себя в качестве последнего бастиона, противостоящего интеллектуальной маргинализации всех и вся. Россия, где перепад условий интеллектуального воспроизводства от «максимума» к «минимуму» получился наиболее контрастным, должна, как нам представляется, найти и противоядие своему катастрофическому постмодерну – «разрухе в головах». И здесь ситуацию очень точно характеризует девиз «никто, кроме нас».

Литература

1. Дридзе Т.М. К преодолению парадигмального кризиса в социологии // *Общественные науки и современность*. – 2000. – № 3. – С. 137.
2. Голицын Г.А., Петров В.М. Социальная и культурная динамика: долговременные тенденции (информационный подход): Монография. – М.: КомКнига, 2005. – С. 89-90.
3. Крупкин П.Л. Россия и современность: проблемы совмещения. – М.: Флинта, 2010. С. 154.
4. Моль А. Социодинамика культуры. – М.: КомКнига, 2005. – С. 37, 43.
5. Гвардини Р. Конец Нового времени // *Феномен человека: Антология*. – М.: Высшая школа, 1993. – С. 246.
6. Юревич А.В., Ушаков Д.В. Нравственность в современной России // *Социологический журнал*. – 2009. – № 1. – С. 70-86.

7. Тощенко Ж.Т. Антиномия – новая характеристика общественного сознания в современной России // Социологические исследования. – 2010. – №12.
8. Дятченко Л.Я. Социальные технологии в современном управлении сферой образования: к характеристике методологических оснований // Социология образования. – 2011. – № 8. – С. 8.
9. Симчера В. Надоело врать! // <http://nnm.me/blogs/serfar/byvshiy-direktor-nii-statistiki-vasiliy-simchera-nadoelo-vrat/>
10. Остапенко А.А., Хагуров Т.А. Реформа образования глазами учителей и преподавателей: опыт социологического исследования. – Краснодар, 2013. – С. 40-47.

ПОТЕНЦИАЛ МОЛОДЕЖНЫХ ОБЩЕСТВЕННЫХ ОРГАНИЗАЦИЙ КАК ФАКТОР СНИЖЕНИЯ МАРГИНАЛИЗАЦИИ МОЛОДЕЖИ¹

М.Н. Реутова,

*кандидат социологических наук, доцент,
доцент кафедры социальных технологий, НИУ «БелГУ»*

И.В. Шавырина,

*кандидат социологических наук, доцент,
доцент кафедры управления персоналом, НИУ «БелГУ»*

В современном российском обществе спектр проблем в молодежной среде по-прежнему велик и свидетельствует о рискогенном характере его развития; многие представители молодого поколения находятся в состоянии ценностной депривации и социальной дезадаптации.

Социальное развитие молодежи, ее интеграция в социальное пространство современной России протекает в сложных социально-экономических, социально-психологических и социокультурных условиях, в которых социальная дифференциация и поляризация формируют систему неравенства реализации жизненных шансов и планов для молодежи.

Этим можно объяснить рост негативных явлений в молодежной среде, в том числе рост маргинальной молодежи, пополняющей ряды субкультурных, экстремистских, преступных организаций.

Однако маргинализация молодежи проявляется не только в этих социально неодобряемых явлениях, но и в росте социальной апатии, ценностном отчуждении, культурном релятивизме и забвении исторической памяти и культурных ценностей российского общества. Так, по мнению, М.А. Исаевой «молодежь утрачивает стратегическое видение своего будущего, возможность воплощать его в жизнь, а также роль передовой группы общества, а, следовательно, перестает быть его стратегическим ресурсом» [1]. Таким образом, проблемы маргинализации молодежи в условиях трансформационного развития российского общества в целом, а интеллектуальной маргинализации, в частности, требуют достаточно серьезного осмысления роли и последствий

¹ Статья подготовлена при финансовой поддержке РГНФ и Правительства Белгородской области. Грант «Потенциал общественных организаций в формировании регионального солидарного общества» № 14-13-31008 (рук. – Е.В. Реутов).

данных процессов в молодежной среде, в системе социальных взаимодействий современного российского социума.

Социальная неопределенность трансформационных процессов в современной России формирует, по мнению З.А. Касьян, большое пространство социальных рисков. В этих условиях молодежь пытается реализовать свою субъектность, будучи лишенной такой важной опоры, как единая система социокультурных норм и ценностей, которые выступают основой социальной регуляции в обществе. В условиях рискогенности российского общества и роста социальной неопределенности растет численность маргинализирующейся молодежи, чье социальное положение и будущее неопределенно, нестабильно, что является источником воспроизводства социальных рисков в стране. При этом надо учитывать, что процесс маргинализации молодежи имеет как позитивные последствия в виде инновационного характера развития молодежи, апробирующей новые, неведомые прежде пути и механизмы социальной адаптации, жизненной самореализации и самоактуализации, так и негативные, связанные с тем, что отклоняющиеся от необходимой социальной траектории формы поведения и адаптации часто выводят молодежь на путь социальной эксклюзии [2].

Следовательно, необходимо сформировать систему социальной регуляции, которая отслеживала бы процессы маргинализации молодежи и предотвращала негативные явления в молодежной среде, связанные с институционализацией маргинального положения молодежи.

Социальная регуляция возможна при условии эффективного функционирования институциональной системы, при условии ее стабильности, соответствия институциональных норм и ценностей потребностям общества и, в частности, молодежи.

Кризис институциональной системы российского общества, разбалансированность институтов социализации, ответственных за процесс воспитания и социализации молодого поколения, не позволяет создать эффективную систему социальной регуляции, в рамках которой поведение молодежи, ее духовный и нравственный мир, формировались бы в рамках существующей ценностно-нормативной системы.

Вместе с тем, существуют определенные социальные механизмы, потенциально способные противодействовать все большей маргинализации молодежи в целом, и интеллектуальной маргинализации, в частности. К такому роду социальных регуляторов молодежи следует отнести молодежные общественные организации, потенциал которых, на наш взгляд, используется в недостаточной степени.

Сегодня в России насчитывается более 427 тыс. молодежных и детских общественных объединений. В их числе общероссийские, международные, межрегиональные, региональные и местные. Но, по мнению социологов, более половины молодых людей поддерживают их существование, при этом войти в их состав хотели бы вдвое меньше. Реально, членами молодежных общественных организаций и объединений являются 4% российской молодежи [3].

По данным социологического исследования «Эффективность социальных сетей в региональном сообществе», проведенном в 2012 г. на территории Белгородской области при участии авторов (N=1000, выборка квотная, параметры квот – пол, возраст, тип поселения), предпочтительными общественными организациями, в которые молодые люди вступают охотнее всего, являются профсоюзы – 28,7% опрошенных в возрасте от 18 до 29 лет подтвердили, что являются членами профсоюзных объединений. Что касается членства в иных общественных организациях, то доля молодежи, состоящей в них, заметно меньше: 7,2% респондентов заявили, что состоят в политической партии, 3,8% являются членами религиозной общины, 2,3% – землячества, 6,1% – другой общественной организации. Как свидетельствуют данные, представленные в таблице, молодежь Белгородской области, в сравнении с другими возрастными группами, проявляет максимальную активность в плане участия в общественных организациях и объединениях.

Таблица 1

Являетесь ли Вы участником следующих объединений?

		18-29 лет	30-39 лет	40-59 лет	60 лет и старше	из общего числа респондентов
Профсоюза	да	28,7%	30,2%	23,9%	9,5%	21,8%
	нет	71,3%	69,8%	76,1%	90,5%	78,2%
Политической партии	да	7,2%	8,7%	6,6%	6,6%	6,7%
	нет	92,8%	91,3%	93,4%	93,4%	93,3%
Религиозной общины	да	3,8%	4,0%	2,0%	4,8%	3,2%
	нет	96,2%	96,0%	98,0%	95,2%	96,8%
Землячества	да	2,3%	1,2%	3,4%	1,4%	2,2%
	нет	97,7%	98,8%	96,6%	98,6%	97,8%
Другой общественной организации	да	6,1%	2,3%	3,2%	4,7%	3,8%
	нет	93,9%	97,7%	96,8%	95,3%	96,2%

Вместе с тем, отвечая на вопрос о том, что дает участие в вышеперечисленных организациях, большая часть молодежи отметила, что ее участие является чисто формальным (60,5%), 20,9% отметили, что это предоставляет им возможность помогать другим людям, 3,5% – решать собственные проблемы и для 8,1% опрошенных членство в тех или иных общественных организациях и объединениях дает возможность как защищать свои интересы, так и помогать другим. Таким образом, доминирующая формализация участие молодежи в общественных организациях является также своеобразным фактором ее маргинализации.

Тем не менее, в настоящее время наблюдается активизация деятельности молодёжных общественных организаций. Это, на наш взгляд, связано с рядом факторов.

Во-первых, наблюдается повышение самосознания в молодёжной среде, тусовочные ценности уступают место чувству ответственности, долга и

инициативности; политическими партиями и государственными структурами активно ведётся работа по привлечению молодых людей к социально полезной деятельности.

Во-вторых, действующие молодёжные организации занимаются патриотическим, духовно-нравственным воспитанием молодёжи, пропагандой здорового образа жизни, организацией культурного досуга и созданием организационных условий для самореализации и становления полноценной личности молодого человека.

Также прослеживается тенденция интеграции сил молодёжных организаций с целью реализации проектов и мероприятий, что в свою очередь является действенным механизмом консолидации молодежи как региона, так и страны в целом.

При этом деятельность молодёжных организаций в основном охватывает студенческую молодёжь, в то время как работающая молодёжь или нигде незадействованный маргинальный слой молодёжи остаётся без внимания.

Таким образом, налицо необходимость более активного вовлечения в различные государственные и общественные молодёжные организации не только учащейся, но и работающей и незанятой молодежи.

Литература

1. Исаева, М.А. Предпосылки и источники молодёжного экстремизма // Власть. 2007. № 12. С. 43.
2. Касьян, З.А. Маргинализация молодежи в современном российском обществе: социологический анализ: автореф. дис. ... канд. соц. наук. Краснодар, 2010. 21 с.
3. Скоробогатова В.И. Роль молодежных общественных организаций в формировании гражданского общества // Молодежные и детские общественные объединения: проблемы преемственности деятельности и исследований. Сборник докладов и выступлений. – М., 2002. – С. 86.

ФОРМИРОВАНИЕ ИНТЕЛЛЕКТУАЛЬНОГО КАПИТАЛА СОЦИАЛЬНЫХ РЕСУРСОВ В МОДЕРНИЗАЦИОННОМ ОБЩЕСТВЕ

И.В. Семченко,

*кандидат социологических наук,
доцент кафедры технологии продуктов питания и сферы услуг
факультета бизнеса и сервиса, НИУ «БелГУ»*

Сфера образования является необходимой средой формирования и развития интеллектуального капитала. Данный капитал воспроизводится именно в сфере образования, и стремление граждан к образованности является одним из важнейших факторов его сохранения и приумножения. Однако, несмотря на столь важную и значимую роль интеллектуального капитала в обществе, в современной науке еще не выработано единого подхода к рассмотрению сущности этого вида капитала [1]. *Главная функция интеллектуального капитала* – существенно ускорять прирост массы прибыли

за счет формирования и реализации, необходимых предприятию систем знаний, вещей и отношений, которые, в свою очередь, обеспечивают его высокоэффективную хозяйственную деятельность. В частности, интеллектуальный капитал предприятия определяет качество его системы управления [2].

Раскрывая данную тему необходимо сказать, что социальные ресурсы составляют основу всей системы ресурсов, т.к. только развитие социальных ресурсов приведет к развитию и совершенствованию других видов ресурсов – материальных, финансовых, информационных и пр. Вложения в человека, в развитие его потенциала, в наращивание человеческого капитала – самый выгодный вид вложения средств, хотя количественно оценить эффективность этих вложений довольно трудно. Особое внимание в данном исследовании занимает процесс синергии, где общественное развитие в модернизирующемся мире, экономический рост характеризуются ведущей ролью НТП и интеллектуализацией основных факторов производства, где важное значение приобретают инновационные ресурсы, и их рациональное использование и развитие.

Образование рассматривается как объект образовательных отношений в двух видах: объект – действие – процесс воспитания и обучения; объект – предмет – совокупность приобретаемых знаний, умений, навыков, ценностных установок, опыта деятельности и компетенции. Сам результат воспитания и обучения предполагается достигать активными самостоятельными действиями обучающегося, а образовательная организация в первую очередь создает условия и организует процесс для достижения результата.

Насколько будет полноценным личностное школьников, развитие их мотивов и потребностей, интересов и склонностей, самостоятельного творческого мышления, их самосознания, социальной активности и нравственной воспитанности, во многом зависит от преподавателя. Новые социальные запросы на современном этапе развития общества не снижают актуальности этой проблемы, а, напротив, обостряют ее, наполняют новым качественным содержанием. Требования к педагогической деятельности не снижаются, а, напротив, становятся все более серьезными. Реализация ценности развития личности студента/школьника требует прихода в образовательные учреждения не просто педагога, а педагога-профессионала.

Интеллектуальный капитал как социальная категория представляет собой весьма специфический объект теоретико-социологических исследований.

Знания человека, получаемые в течение всей его жизни, формируют его интеллектуальный капитал. Следовательно, в современном обществе именно интеллектуальный капитал становится основой богатства нации. Знания индивида накапливаются и получают направление своего развития в рамках сформированной национальной системы образования. Сфера образования является необходимой средой формирования и развития интеллектуального капитала. Данный капитал воспроизводится именно в сфере образования, и стремление граждан к образованности является одним из важнейших факторов его сохранения и приумножения.

Инновационные социальные технологии в формировании интеллектуального капитала выступают как элемент и результат образования, направленного на улучшение механизма, повышение эффективности и качества труда, общественного производства, устойчивого социально-экономического развития страны. Особое значение инновационные социальные технологии приобретают в кризисные, переходные периоды. Ресурсное оснащение общества представляет собой процесс, где в распоряжении сторон находится пространство с большим количеством различного вида ресурсами и территории с недостаточным количеством ресурсов. В данном направлении ресурсы могут быть как политического, экономического и другого характера. Сложившиеся социальные связи и отношения, самобытный образ жизни, маргинальные механизмы социально-культурных взаимодействий могут вызывать напряженность в процессе освоения нововведений на региональном уровне. Не реализованные механизмы и отношения по поводу различных нововведений находят некоторое пространственно-временное закрепление и приобретают различные формы ресурсного оснащения.

Любая модернизация социальных ресурсов, влечет за собой повышение производительности труда и ставит вопрос о том, что делать с высвобождаемой рабочей силой. Если государство, с одной стороны, будет ждать от предпринимателей модернизационных прорывов, а с другой – жестко требовать сохранения рабочих мест в прежних объемах, не развивая инфраструктуру переподготовки кадров, Россия вскоре рискует отстать от темпов инновационного развития от развитых стран.

Основные проблемы, стоящие на пути согласованности инноваций и человеческого капитала состоят в формировании все большего числа слабозащищенных слоев населения; недостаточно гибкое законодательство в сфере трудовых отношений; отсутствие системной работы по переобучению и созданию квалифицированных достойных мест; негибкий рынок труда, который препятствует быстрому увольнению, эффективной системе переобучения и созданию тех рабочих мест, где люди могли бы иметь возможность переобучиться и занять новые, эффективные рабочие места. Положение осложняется не только отсутствием столь желанной инновационной экономики, но и явным дефицитом отраслей с высокой добавленной стоимостью и сервисной составляющей [3].

Процесс модернизации управления должен обладать следующим свойством – комплексность, т.е. охватывать, как его составные части, так и организационные формы и функциональные проявления управляемых объектов и систем управления обществом. Оптимальное управление социальными ресурсами возможно на основе соблюдения следующих принципов: приоритетность, гуманизация, баланс интересов, баланс целевых ориентаций, системность, рациональность, адресность, обратной связи.

Исследования интеллектуального капитала позволяют более глубоко оценить роль и значение сферы образования, однако этим изучение не ограничивается. На данном этапе развития общества большое внимание уделяется современному рынку труда, как ориентиру дальнейшего развития системы образования.

Литература

1. Зайцева О. Источники формирования интеллектуального капитала, его использование и оценка // Проблемы развития инновационно-креативной экономики – 2009/ Сб. научных статей по итогам Международной научной конференции, С.-Петербург, 19-20 мая 2009 г. / Под общ. ред. проф. Горелова Н.А., проф. Мельникова О.Н. – М.: Издательство «Креативная экономика», 2009. – 840 с.: ил.- с. 815-832. – <http://www.creativeconomy.ru/articles/21324/>
2. Матвеев, Д.Ю. Концептуальные подходы к исследованию социальных ресурсов региона / Д.Ю. Матвеев // Научно-исследовательский институт синергетики, Сб. науч. работ. – Вып. 9. Белгород, Белгородское областное издательство, 2006. – С. 10-17.
3. Заец Р.В. Проблемы построения экоустойчивого общества и новые ориентиры для науки и инноватики // Наука та наукознавство. – 2004. – № 3. – С. 50.

АНАЛИЗ ПРОЦЕССА «МАРГИНАЛЬНОСТИ» В СОВРЕМЕННОМ РОССИЙСКОМ ОБЩЕСТВЕ

Е.Н. Трофименко,

ассистент кафедры управления персоналом, НИУ «БелГУ»

В настоящее время современное российское общество проходит сложный период своего развития, преобразования в политической, экономической и социально – культурной сферах не могли не отразиться на жизни нашего общества. К одним из значимых социальных явлений, можно отнести маргинальность.

Маргинальность – это целый ряд социальных положений, представления о которых именно как о маргинальных существуют в общественном сознании, люди в них попадают намеренно, случайно или принудительно; а «маргинал» – это особая характеристика личности, от неё неотделимая.

Маргинальность в России повсеместна. Маргинальность – состояние групп и индивидов в ситуации, которая вынуждает их под влиянием внешних факторов, связанных с резким социально-экономическим и социально-культурным пере структурированием общества в целом, изменять свое социальное положение и приводит к существенному изменению или утрате прежнего социального статуса, социальных связей, социальной среды, а также системы ценностных ориентаций [1].

Но на сегодняшний день существует мнение о том, что изучение понятия маргинальности в России уже исчерпало себя. Сегодня, весь мир и Россия находятся в переходном положении, поэтому осмысление понятия «маргинальности» важно для решения общемировых проблем, что является, на мой взгляд актуальным.

В настоящее время в России происходят социальные преобразования, затрагивающие все элементы социального целого. Значительные по объему людские массы перемещаются из одних социальных групп в другие. Сегодняшнюю ситуацию в российском обществе можно назвать «маргинальной», так как в ее основе – промежуточное, переходное положение, в котором оказалось общество в результате разрушения одной и попыток формирования другой социальной системы [1].

При всей важности перемен, происходящих в экономической и социальной жизни населения, не следует упускать из виду тот факт, что они тесно связаны с переменами в сознании, в духовной и культурной жизни. Реструктуризация социума влечёт за собой необходимость переосмысления основ духовной жизни. Такое внимание обусловлено настоятельной потребностью в осмыслении внутреннего единства осуществляемых перемен и целостного понимания социальной жизни.

Процесс обновления и демократизации нашего общества в сфере политики и экономики сопровождается включением в активную социальную деятельность больших масс людей, что в свою очередь вновь ставит вопрос о природе и сущности связанных с этими массами социума [2].

Но никогда не существовало и не будет существовать постоянных социальных групп, в которых все ее члены были бы равными. Также не существует общества без расслоения, с реальным равенством их членов. Не составляют исключения и демократические страны, где якобы главенствует равенство людей. Социальное расслоение – это постоянная характеристика любого общества и Россия не является исключением.

В рамках исследования такого понятия как маргинализация необходимо выделить одну из важных сторон функционирования социальной структуры общества, а именно социальную мобильность. Речь идёт о переходе людей из одних социальных групп и слоев в другие. Так, например, когда крестьянин переезжает в город и становится рабочим завода, он переходит не только из сельского слоя общества в городской, но становится представителем другого класса и профессиональной группы. Социальное положение меняется и тогда, когда дети рабочих и крестьян становятся интеллигентами, а дети интеллигентов – предпринимателями, или же, когда предприниматель становится профессиональным политиком.

Каждый человек – элементарная частица общества и, видоизменяясь в огромном множестве модификаций, выступает точкой роста определённого общественного системно-структурного образования. Маргинальный человек как вынужденный обитатель переходной зоны находится в состоянии неполной, неадекватной самоидентификации и в силу этого не может реализовать себя в полном объёме. Поэтому проблема маргинализации личности, пребывающей в состоянии перехода из одной социокультурной среды в другую, в реалиях современности особенно на сегодняшний день актуальна.

Повсеместное распространение понятия «маргинальности» в современной России является следствием того, что страна пережила минимум две крупные волны маргинализации. Первая – после революции 1917 г., вторая – в начале 90-х годов. Причинами появления "новых маргиналов" в России стали кардинальные изменения в социальной структуре, в результате кризиса и проводимых реформ во всех отраслях жизнедеятельности населения, направленных на формирование новой социально-экономической модели гражданского общества [3].

В настоящее время в социальной философии наблюдается наличие

различных точек зрения на терминологическую трактовку феномена маргинальности вообще и в современной России в частности.

Во-первых, самой изначальной широтой понятий. Значение латинских слов «margo» («граница, край») и «marginalis» («находящийся на краю, на обочине»), как мы можем увидеть, позволяет трактовать их разнообразно. Но чрезвычайно широкое понимание данных феноменов делает их изучение затруднительным и препятствует конкретизации понятий.

Во-вторых, маргинальность быстро стала междисциплинарной проблемой. Это создало ряд соответствующих подходов, рассматривающих свою область маргинальности, рассмотрение феномена с точки зрения экономики, политики, социологии, культурологии, антропологии, психологии и социальной философии.

В-третьих, развернутая картина развития зарубежной и отечественной маргиналистики представляет собой множество вариантов понимания связанных с ней проблем. В связи с этим описание истории изучения проблемы само выносится в область проблем, выливаясь нередко либо в простой обзор мнений, либо в попытку совместить их сразу все вместе.

В-четвертых, встречное движение исследователей от теории к социальной практике и наоборот далеко не всегда сходится в одних и тех же точках.

В-пятых, наряду с терминологией маргиналистики, давно существуют пересекающиеся с ней понятия: «люмпенизация», «деклассированные элементы», «лиминальность» и др., усложняющие и так непростую ситуацию [4].

Причины сегодняшней сложности изучения понятия «маргинализации» лежат в области природы самих ее понятий, и в характере их изучения. Изучение понятия «маргинальности» является одной из сложнейших проблем терминологии. Маргиналистика является сравнительно молодой по меркам социальных наук, её понятия сформировались в XX в.

Термин «маргинальный» до XX в. означал «экономически близкий к пределу, почти убыточный». В социальном плане он стал употребляться с 1928 г. (эссе американского социолога Р. Парка «Человеческая миграция и маргинальный человек»), а «маргинал» только с 1972 г.

Вот ряд определений маргинальности и маргиналов из словарей по общественным дисциплинам.

«Маргинальность (лат. marginalis – «находящийся на краю», от лат. margo – «край, граница») – понятие, традиционно используемое в социальной философии и социологии для анализа пограничного положения личности по отношению к какой-либо социальной общности, накладывающего при этом определенный отпечаток на её психику и образ жизни».

«Маргинальность – ситуация, когда индивид чувствует себя находящимся между двумя культурами или социальными стратами с присущим им образом жизни. В маргинальном или промежуточном состоянии человек ощущает глубокий дискомфорт и неудовлетворенность. Особенность маргинальности в том, что ни в одной из культур, равно как и ни с одной стратой или социальной общностью, из которых индивид вышел и в которые только еще входит, он полностью идентифицировать себя не может».

«Маргиналы – понятие, употребляемое для обозначения: 1) индивидов, оказавшихся на границе двух различных культур и отличающихся рядом социально-психологических особенностей: отчужденностью, внутренней напряженностью, тревожностью, неуверенностью и др.; 2) групп (слоев), занимающих периферийное положение в обществе, то есть не принадлежащих к социально-значимым структурам».

«Маргиналы – группы людей, оторванные от одной культуры, общества, класса, слоя или социальной среды и не вросшие корнями в другую. Как правило, маргиналами становятся люди в зрелом возрасте» [5].

Уже из этих нескольких определений понятно, насколько сложным является терминологический анализ маргинальности, в том числе из-за того, что большой объем этого понятий и сочетание в нем очень разных компонентов создают массу пересекающихся понятий.

Маргинализация является менее длительным и более переменчивым состоянием, чем потеря классовой принадлежности. Ведь она, предполагается, присуща только тем, кто в одном поколении пережил кардинальную смену статуса, места жительства, системы ценностей. Тогда важная демаркационная граница проходит не вне человека, а как бы «внутри» его.

Маргинальность возможна лишь в понимании рубежа между как минимум двумя действительно ощутимыми и прочными позициями, отсюда не может быть пожизненных маргиналов [6].

Теоретическое и практическое изучение маргинальности в России 1990-х годов проходило в качественно иной исторической ситуации, нежели в СССР. Оно носило открытый и признанный характер, направлений данного изучения стало гораздо больше, осмысление маргиналистики шло по пути разделения подходов и концепций. Большое влияние на концептуальное развитие российской маргиналистики оказала конкретно-историческая ситуация в России того времени, особенно её глобальная переходность и острая кризисность.

Явление маргинальности является почвой для исследования закономерностей развития и существования современного общества, механизмов его функционирования, в том числе и сопряжённых с риском деструктивных последствий как для общества в целом так и для отдельного индивида. В условиях современного российского общества постановка проблемы маргинальности является актуальной. Произошедшие за последние годы преобразования, такие как модернизация, перестройка, экономические кризисы и др. привели к плюрализации в сфере духовной и культурной жизни и стилей ведения быта, а так же к формированию различных субкультур. Возникшее состояние культурной дезориентации является следствием Россия, как и большинство стран мира, в современных условиях подвержена влиянию различных деструктивных процессов. Межнациональная и межконфессиональная вражда, войны, острое социальное расслоение, глобальные экономические потрясения, природные катастрофы и техногенные аварии – наиболее значимые по своим масштабам источники такого воздействия – приводят к нарушениям нормального функционирования

социального организма страны или региона, что в конечном итоге негативно сказывается на качестве жизни каждого конкретного человека.

Основным источником возникновения маргинальности большинство ученых считают процессы социальной мобильности, под которой в наиболее общем виде понимается перемещение индивида в социальном пространстве. Кроме того, в различных источниках отмечается «эволюционный» рост социальной мобильности, то есть в процессе развития человечества от поколения к поколению социальная мобильность только возрастает.

Необходимо также учитывать, что в периоды общественных, экономических, правовых и политических потрясений, происходящих замены прежних, привычных, идеологических схем и духовных установок, в связи с чем наблюдается дисбаланс в сфере социальной стратификации общества.

Этот процесс связан с динамично нарастающими процессами маргинализации населения (мигранты, в том числе вынужденные, нищие, религиозные секты, субкультуры) и расширением зоны влияния маргинальных полей культуры, которые характеризуются своим положением на «окраинах» соответствующих культурных систем, «раздвоенностью» (амбивалентностью), возникших в результате вынужденного освоения иных социальных ролей (адаптации) в процессе разнообразных социальных, экономических и политических трансформаций [7].

В определенные этапы развития того или иного сообщества, этот рост достигает максимума. Оценка процесса социальной мобильности в такие периоды, как правило, носит двойственный характер. С одной стороны, социальная мобильность служит средством адаптации индивида или группы к изменившимся внешним обстоятельствам. Это положительная черта социальной мобильности, позволяющая человеческому сообществу, хотя и в измененном виде, существовать и развиваться далее. С другой стороны, возрастающая социальная мобильность, которая, как правило, в такие периоды носит неуправляемый, хаотичный характер, представляет возможность и для «нисходящего» социального перемещения индивидов, что и служит основанием для возникновения или увеличения численности различного рода маргинальных групп и слоев. Социальная мобильность в данном случае представляется не как характерная черта отдельной личности, а как критерий состояния общества [8].

Таким образом, можно сделать вывод о том, что динамика изменения социальной структуры общества, многоликость социальных групп маскируют процесс сущностной маргинализации населения. В преодолении маргинальности, решении проблем «социального дна» приоритетной является, с нашей точки зрения, ответственность государственной власти: разработка и реализация системной политики, призванной не допустить маргинализации слабозащищенных в социальном плане общественных групп. Необходима неотложная разработка и реализация государственных программ социально-правовой реабилитации маргиналов при участии общественных объединений и активной позиции самих социальных маргиналов. Дальнейшее отставание социо- гуманитарного знания в этом плане недопустимо. Оно является тормозом эффективного развития социальной политики и государства в целом.

Литература

1. Алексеев, П.В. Социальная философия: учеб. пособие / П.В. Алексеев, Д.С. Лебедев. – М.: Проспект, 2007. – 156 с.
2. Банникова, Л.М. Культурная маргинальность как социально-философская проблема: учеб. пособие / Л.М. Банникова, В.Е. Дуюн. – М.: Наука, 2009. – 189 с.
3. Алексеев, С.В. Социальная маргинализация – общественный конфликт / С.В. Алексеев // Свободная мысль. – 2009. – № 10. – С. 101-113.
4. Атоян, А.И. Социальная маргиналистика. О предпосылках нового междисциплинарного и культурно-исторического синтеза / А.И. Атоян // Политические исследования. – 1993. – № 6. – С. 58-75.
5. Горбулёва, М.Б. Маргинальность как симптом срыва социальной адаптации / М.Б. Горбулёва // Высшее образование. – 2008. – №9. – С. 109-113.
6. Дальничевский, С.К. Некоторые принципы социальной стратификации / С.К. Дальничевский // Современная философия. – 2009. – №5. – С.61-67.
7. Дувский, В.А. Государство и маргинализация / В.А. Дувский // Свободная мысль. – 2008. – №12. – С. 120-131.
8. Казаринова, И.В. Маргинальный слой: феномен социальной самоидентификации / И.В. Казаринова // СОЦИС. – 2009. – №8. – С. 12-18.

МОЛОДЕЖНЫЙ КОНСАЛТИНГ КАК РЕСУРС СОЦИАЛЬНОЙ РЕГУЛЯЦИИ ПРОЦЕССОВ МАРГИНАЛИЗАЦИИ РОССИЙСКОЙ МОЛОДЕЖИ

Т.В. Целютина,

кандидат социологических наук,

доцент кафедры управления персоналом, НИУ «БелГУ»

Одним из важнейших индикаторов состояния общества является положение молодежи, поскольку она представляет собой особую социально-демографическую группу, с которой связаны реальные перспективы развития страны. Проблему маргинализации молодёжи правомерно рассматривать в контексте институционального кризиса в России, в ходе которого наблюдается «вакуумная консервация» молодёжных проблематик в различных социальных сферах: экономике, политике, культуре, образовании, и, конечно, семье.

Нарушение социокультурной и поколенческой преемственности, разрыв культур и социокультурный раскол, поделивший общество на различные ценностные группы интересов – все это, безусловно, сказывается на социальном развитии молодого поколения и процессах социальной регуляции его маргинализации [1].

Законодательная неопределенность сферы молодежной политики сегодня является препятствием в деле воспитания подрастающего поколения, решения его многочисленных проблем. В условиях демографической депрессии состояние здоровья молодежи становится стратегической проблемой. Еще одна проблема – трудовая занятость молодежи. В молодежной среде усиливается социальная дифференциация, особенно заметно расслоение по социально-

экономическим показателям. Обостряет социальную обстановку в обществе растущее количество правонарушений со стороны молодых людей.

Рост правового нигилизма молодежи, отсутствие стратегического видения дальнейшей социальной жизни, молодежь привыкает к состоянию маргинализации, невключенности в общественные социальные структуры и организации, кроме того, стремительная криминализация молодежного сообщества требуют эскалации усилий государства, общества. Необходимо сформировать гибкую систему социальной регуляции, которая должна системно отслеживать процессы маргинализации молодежи и своевременно предотвращать негативные явления в молодежной среде, связанные с институционализацией этого маргинального положения.

В настоящее время весьма актуализированы такие социальные рычаги, способствующие снижению потенциала и уровня маргинализации молодежи, как: институт семьи, институт образования, государство с единой стратегией государственной молодежной политики, и, системой ценностей и идеологии, СМИ.

На наш взгляд, еще одним необходимым инструментом снижения маргинализации является молодежный консалтинг и создание транспарентной системы социальной мобильности молодых россиян.

Молодежный консалтинг рассматривается автором в нескольких ипостасях: во-первых, весомо значение и перспективы развития взаимодействия институтов власти, осуществляющих государственную молодежную политику и консалтинговых молодежных учреждений; во-вторых, для России это новый действенный инструмент в симбиозе взаимодействия «молодежь – государственная власть»; в-третьих – значимо взаимодействие «молодежный консалтинг-бизнес/экономическая элита»; в-четвертых, молодежный консалтинг содействует формированию единого молодежного информационного пространства, в целях создания приоритета молодому поколению. Молодым людям предоставляется возможность стать соучастником в деле решения своих проблем. Кроме того, появляется плацдарм для успешного личностного взаимодействия и обмена опытом на базе консалтинговых центров («Контактный центр», «Молодежный киоск»). В-пятых, в ответ на растущую потребность в обстоятельном практическом консультировании в области молодёжной политики осуществляется практическая помощь молодежи в субъектах федерации на базе органов по делам молодежи. Одной из основных задач является консалтинг в области государственной молодёжной политики, мониторинг информационных потребностей молодёжи, её лидеров, а также работников местных администраций и органов местного самоуправления, занимающихся реализацией государственной молодежной политики. В-шестых, молодежный консалтинг – фундаментальная технология социальной работы, важнейшее звено информационно-социальной поддержки и защиты, механизм, позволяющий практически решать сложнейшие вопросы жизнедеятельности общества, семьи, молодого человека. Одновременно это и новый сектор

социальной сферы общества, впервые конституционно закрепленный в статье 7 Конституции РФ, в которой Россия объявлена социальным государством.

Молодому поколению очень важен показатель заинтересованности государственной молодежной политики, молодежного консалтинга, общественных организаций на пути решения их проблем. Важно, показать молодежи, что на всех уровнях управления, молодежная политика и молодежных консалтинг нацелены на создание условий, обеспечивающих достойную жизнь «в России и для России».

Молодежный консалтинг – социально – экономическое явление, ставящее своей целью решение консультационными службами, частными профессиональными организациями, индивидуальными консультантами – специалистами разнообразных задач и предоставление профессиональных услуг, консультаций, советов, экстренной помощи молодым гражданам, молодежным организациям, органам по делам молодежи. Организационная структура характеризуется гибкостью, быстротой, постоянной адаптацией к ситуации механизма оказания услуг, инновационностью. Их деятельность – это прогрессивные направления консультационно-экспертной деятельности, которые призваны облегчить доступ к помощи и сделать ее доступной и своевременной для молодежи.

Молодежный консалтинг образует определённый сектор профессиональной и научной деятельности, включающий консультационные услуги – рассматриваемые нами в предложенной парадигме исследования, как научную деятельность – получение, накопление и обогащение научных знаний и инновационную деятельность – деятельность по преобразованию научного знания до вида, пригодного для практического использования в молодежной среде.

Функции консультационных учреждений многообразны: консультационная (рекомендательная), экспертная, аналитическая, профилактическая, воспитательная, коррекционная, управленческая, исследовательская, прогностическая, организационная, межкультурная коммуникация и мн. др.

Основные *цели* консультационных учреждений, стремление к достижению которых является непременным условием успешной работы, заключаются в следующем: оказание оперативной и легкодоступной помощи и содействия (предоставление информации, выдача советов, проведение консультаций, помощь практического характера и др.); осуществление кратковременных вмешательств (в период кризисных ситуаций); содействие установлению дружеских отношений со взрослыми или сверстниками с целью осознания своих проблем и своевременным решением их; направление, в случае необходимости в специальные учреждения, с параллельным обоюдным оказанием комплекса услуг; предоставление альтернативных творческих возможностей; содействие расширению возможностей участия молодежи в общественной жизни; содействие более активному участию молодых людей в социальных мероприятиях в их же собственных интересах [2]. Консультирование и разъяснение потребностей и запросов молодежи

работникам традиционных учреждений, коллективная работа. Проведение социологических исследований, анализа и оценки возникающих проблемных ситуаций в молодежной политике. Обеспечение общественности, многочисленных групп интересов, самих молодых людей информацией о сферах деятельности молодежных консалтинговых центров и механизмах предоставления профессиональной помощи. Внесение различного рода дополнений в работу, проводимую на государственном уровне, другими общественными и негосударственными учреждениями, занимающимися проблемами молодежи, в частности, включенность молодежного консалтинга в практику реализации стратегии государственной молодежной политики в РФ.

Возникающие достаточно крупные консалтинговые организации и весьма небольшие консультационные молодежные службы весьма сильно отличаются друг от друга, так как порождены разными тенденциями, развивающимися в традиционных учреждениях и добровольных организациях, а также инициативами по развитию самопомощи.

Обозначим некоторые *виды консалтинговых молодежных организаций*, способных предоставить высокопрофессиональные услуги, в рамках российской практики.

1. *Консультативные службы*, специализирующиеся на профессиональных консультациях, а не советах. Консультации нацелены на комплексное решение проблемы; полная ориентация на клиента, достижение взаимопонимания, диалога с тем, чтобы предоставить возможность самостоятельно принимать решения и брать на себя ответственность за свою жизнь.

2. *Юридические консультативные службы*. Консультирование в отношении прав на получение социальных пособий, а также поддержка молодых людей, самовольно покинувших исправительные или лечебные учреждения.

3. *Информационно-консультативные службы*. Консультационно-информационная поддержка, осуществляемая высокопрофессиональными сотрудниками, с возможным привлечением специалистов – социальных работников. А также консультационно-просветительская деятельность, предоставление информации о культурных, политических и научных мероприятиях, которые могут заинтересовать молодежь и привлечь к соучастию.

4. *Выход на места*. Консультационная поддержка осуществляется совместно с волонтерами, работниками социальных служб и т.д. Консультационные службы в рамках данной деятельности осуществляют и исследовательскую функцию (в том числе, по заказу государственных органов).

5. *Экстренные телефонные службы*. Консультационные услуги предоставляются высокопрофессиональными работниками, способными в дальнейшем провести очную беседу.

6. *Психосоциальное консультирование*. Краткосрочное психодинамическое консультирование, а также – консультирование нацеленное на необходимость обращения в терапевтические учреждения.

7. *Медицинские консультационные службы.* Медицинская помощь общего типа, с параллельным психологическим консультированием и предоставлением информации о возможных путях решения проблемы в специализированных клиниках; реабилитационная помощь, с последующим консультированием и рекомендательным наставлением.

8. *Консультационные службы профессионально-трудовой ориентации молодежи.* Целенаправленное сотрудничество с органами государственной власти. Службы по заказу государственных органов выполняют социологические исследования, призванные четко и своевременно выявлять и решать проблемы в данной области. Целесообразно на базе данных служб осуществлять практику апробации молодежных инициатив, проектов, трудовых мастерских.

9. Выделим отдельно и охарактеризуем *консалтинговые организации по взаимодействию с органами по делам молодежи.* Согласно информации Экспертно-аналитической и информационно-рейтинговой компании «ЮНИПРАВЭКС», самыми востребованными видами услуг в области молодежного консалтинга, предоставляемыми консалтинговыми организациями органам по делам молодежи, в последнее время, являются следующие [3]:

1. Молодежный консалтинг, направленный на повышение эффективности управления органов по делам молодежи, выработку рекомендаций, составление прогнозных сценариев развития современных трендов в молодежной среде.

2. Консультирование в области создания и реализации федеральных, муниципальных и других целевых программ для молодежи.

3. Информационно-аналитическое обеспечение органов по делам молодежи.

4. Консультирование по разработке нормативной базы и юридическое сопровождение органов по делам молодежи.

5. Экспертное консультирование и выработка рекомендаций по стратегическим вопросам государственной молодежной политики на основе прикладных исследований.

6. Молодежный консалтинг в области содействия обеспечению экономической самостоятельности молодых граждан и реализации их права на труд, участие в программах молодежного предпринимательства, государственной поддержки молодых семей.

7. Молодежный политический консалтинг.

8. Консультирование в области международных молодежных программ и проектов.

9. *Консультационно-аналитические центры.* Консультационная практика и анализ информационных потребностей молодежи с целью выявления факторов эффективного управления структурными подразделениями органов по делам молодежи.

Однако, несмотря на широкий диапазон возможностей применения консалтинговых услуг, в России молодежный консалтинг только начинает обретать границы сущностного наполнения практической значимостью.

Исследования показали, что только 30% молодежи отмечают практическую действенность и значимость предоставления профессиональных услуг консалтинговыми молодежными центрами в сфере комплексного решения молодежных проблем. Следовательно, необходимо формирование единого молодежного информационного пространства при участии консультационных молодежных учреждений. Консалтинговые молодежные центры должны выработать (особенно, это актуально на региональном уровне) эффективные комбинации инструментов продвижения своих услуг.

Финансирование и контроль. Молодежный консалтинг: частная практика или служба общественного назначения? На сегодняшний день существуют различные подходы к данному вопросу. Финансирование может осуществляться как на национальном, так и на местном уровне через посредничество традиционных учреждений, добровольных организаций и специально создаваемых инициативных групп. На первоначальном этапе зарождения данных служб, необходима поддержка государства. Консалтинговые частные молодежные организации и службы общественного назначения, учреждения социальной помощи должны не конкурировать, а стремиться к социальному партнерству.

Основная опасность в частной практике – неупорядоченность, «размытые» границы специализации консультантов в области молодежного консалтинга, отсутствие выработанной стратегии государственного и правового обеспечения консалтинговой деятельности, нет необходимой правовой базы, регулирующей данный вид деятельности. В государственном секторе фактически существуют институционализированные механизмы, регулирующие деятельность специалистов по консалтингу. Не разработаны меры по совершенствованию профессиональной подготовки, переподготовки, а также повышения квалификации специалистов по консалтингу, в том числе, молодежному.

В России, в связи с отсутствием законодательных основ, регулирующих деятельность консалтинга, образовательных программ, школ, профессиональных Ассоциаций и объединений в области социального консалтинга, общественного осознания значимости молодежного консалтинга, сложно определить грань между истинными специалистами – профессионалами в области молодежного консалтинга, специалистами, традиционных общественных организациях осуществляющих свою деятельность в рамках социального обеспечения – социальные работники, психологи / психотерапевты, медики, работники культуры и образования, юристы – работающими по совместительству, используя свой накопленный практический опыт и знания, в области консалтинга для молодежи, и, волонтерами.

Вместе с тем, в общероссийском классификаторе видов экономической деятельности (ОКВЭД), необходимо полнее и точнее отразить деятельность российских консультантов в сфере молодежной политики, например, молодежный консалтинг в области создания и реализации федеральных целевых программ, информационно-консультационного обеспечения

молодежи, информационно-аналитического обеспечения органов управления по делам молодежи, молодежного политического консалтинга и пр.

Целесообразно, в сфере поддержки молодежи найти новые области, требующие изучения, в первую очередь, области, которые специалисты традиционных государственных учреждений по работе с молодежью относят к категории «виртуальных», не вписывающихся в универсальные категории клиентов. Российским специалистам консультационных молодежных центров уместно обратиться к зарубежному опыту работы в новых областях исследования специфических категорий клиентов (консалтинг среди представителей молодежи другой культуры, оказавшихся в России в кризисной ситуации; консалтинг детей беженцев) [4].

Определим главные принципы, способствующий эффективному развитию представленных консалтинговых организаций – для обеспечения эффективной работы необходимо учитывать запросы конкретной группы молодежи или органа по делам молодежи, разрабатывать мероприятия, направленные на удовлетворение выявленных потребностей, принимать меры, обеспечивающие доступность и приемлемость для широких групп молодежи. Стил и методы работы должны быть индивидуальны при решении конкретной проблемы.

Практическое воплощение принципов консалтинговой деятельности, продуманная четкая организационная структура, высокопрофессиональный уровень предоставляемых услуг, действенный симбиоз взаимодействия «государственная молодежная политика – молодежь – молодежный консалтинг» позволяют говорить о зарождающихся шагах на пути создания приоритета молодому поколению в России. А качественное функционирование системы социальной регуляции позволит обеспечить координируемый, социально приемлемый путь осуществления социальной и жизненной траектории молодежи, что со временем позволит решить проблему маргинализации молодого поколения российского общества.

Литература

1. Касьян, З.А. Социальная регуляция маргинализации российской молодежи: институциональный аспект / З.А. Касьян // Общество: Политика, Экономика, Право. – 2009. – № 1-2. – С.71-74.
2. Туретт-Туржи, К. Консалтинг / Пер. с франц. под ред. Л.Л. Никитиной. – СПб., 2004. – 128 с.
3. Классификатор «Молодежный консалтинг» (ЮНИПРАВЭКС). Основные виды консультационных услуг в области молодежного консалтинга [Электронный ресурс]. URL : <http://www.unipravex.ru/molodezhnyj-konsalting/klassifikator-molodezhnyj-konsalting> (дата обращения: 19.04.2014).
4. GRÖZINGER, Gerd. Proxy Votes for Children and the Case for Representation, Deliberation, Sustainability: one Size Fits All? – New Brunswick (USA) and London. – 2012. – p. 123.

ВОЗМОЖНОСТИ КРАУДСОРСИНГОВЫХ ТЕХНОЛОГИЙ В РАЗВИТИИ ИНТЕЛЛЕКТУАЛЬНОГО ПОТЕНЦИАЛА ОБЩЕСТВА: ПРОБЛЕМЫ ВНЕДРЕНИЯ¹

И.С. Шаповалова,
*доктор социологических наук,
профессор кафедры социологии и организации работы с молодежью,
НИУ «БелГУ»*

Активность внедрения технологий краудсорсинга в практику современного регионального и муниципального управления в России обусловлена широким спектром социальных (и иных) выгод, которые получают в результате их реализации органы власти. Создание эффекта прозрачности управления, ситуации сопричастности граждан, признание интеллектуального потенциала и капитала масс, модернизация управленческих практик согласно современным тенденциям – все это создает нужное социальное настроение гражданской толпы. Право голоса и иллюзия участия в принятии управленческого решения, а также игра в признание неспособности достичь нужного результата без помощи граждан – вот те манипулятивные рычаги, которые являются движущей силой для сбора тысяч мнений и которые неоднократно описаны в современных исследованиях в области изучения гражданских и региональных социальных технологий [1, 2, 3, 4].

Индивидуальное моделирование краудсорсинговых ситуаций предоставляет безграничный простор для творческой инициативы региональных администраторов, но, конечно, при условии социальной мотивации субъекта управления. Например, при стратегическом форсайт-планировании, когда в качестве цели региональное управление обозначается солидарное общество, целесообразно обратиться к модифицированной форме краудфандинга, которую мы условно можем обозначить как *проектное акционирование*.

Внедрение такой формы предполагает не просто солидарное финансирование проектов гражданами территории (что давно и успешно применяется в всем мире), но и предусматривает, в случае возникновения коммерческой выгоды, получения ими проектной ренты, согласно акционному участию. В этом случае, гражданский акционер становится в один ряд с территориальным (административным) субъектом, получая прибыль, согласно своих вложений. Эксперимент с такими вариантами общественного участия лучше проводить на малых проектах, для исключения риска возникновения финансовых пирамид.

Изучение проблем внедрения краудсорсинга на региональном уровне было реализовано посредством регионального исследования в Белгородской

¹ Статья подготовлена при поддержке гранта РГНФ, проект №14-13-31006 «Технологии краудсорсинга в региональном управлении: возможности и риски» (рук. проф. В.П. Бабинцев, НИУ «БелГУ», г. Белгород), 2014 г.

области «Краудсорсинг регионального управления», проведенном в 2014 г. (N=1000).

При определении причин, препятствующих участию граждан в управлении регионом, в первой тройке были названы: гражданская пассивность (47,88%), незаинтересованность руководства (31,41%), и недооценка чиновниками роли общественного мнения (29,65%). Так же, заслуживающими внимания мы считаем такие причины неуспеха краудсорсинговых проектов как коррупция (22,94%), отсутствие прецедентов (20,35%) и непрозрачность системы управления (18,82%) – таблица 1.

Таблица 1

Причины, препятствующие участию граждан в управлении регионом

<i>Что, на Ваш взгляд, больше всего препятствует участию граждан в управлении регионом?</i>	Количество	
	абс.	%
Отсутствие системы предоставления населению информации о работе органов государственной власти	160	18.82%
Недооценка чиновниками роли общественного мнения	-	-
Пассивность граждан	407	47.88%
Отсутствие традиций участия	173	20.35%
Незаинтересованность высшего руководства региона в широком обсуждении решений и их осуществлении	267	31.41%
Корруптированность власти	195	22.94%
Затрудняюсь ответить	32	3.76%
Недооценка чиновниками роли общественного мнения	252	29.65%
Всего	850	100.00%

Использование не манипулятивных и не имитационных схем общественной интеграции, действительно требует, прежде всего (как и было обозначено нами выше) социальной активности и мотивации руководящего аппарата. Дефицит доверия и лояльности, отсутствие социальной сопричастности к процессу управления формируют устойчивое отторжение и пассивную позицию граждан.

Оценка диспозиций готовности гражданских акторов участвовать в краудсорсинговых технологиях показала, что наименьшей популярностью у населения пользуются предложения проектов краудфандинга (готовы участвовать в таких проектах всего 23,20%), а наиболее интересны гражданам предложения по гражданской оценке (73,07%) – таблица 2.

На наш взгляд, причина выбора ресурсно не затратных инициатив, скрывается, прежде всего, в неверии в реальность результата и действительную необходимость предлагаемых проектов. Отсутствие единства власти и народа выводит его в позицию пользователя (оценщика) услуг, исключая возможность серьезного восприятия роли соучастника регионального управления.

Таблица 2

Готовность участия граждан в краудсорсинговых проектах

<i>Хотели бы Вы на добровольной основе участвовать:</i>		
<i>В финансировании региональных проектов</i>	Количество	
	абс.	%
Да	232	23.20%
Нет	556	55.60%
затрудняюсь ответить	212	21.20%
<i>В предложении собственных идей о путях развития области</i>	Количество	
	абс.	%
Да	481	48.10%
Нет	288	28.80%
затрудняюсь ответить	231	23.10%
<i>В голосовании за те или иные региональные проекты</i>	Количество	
	абс.	%
Да	730	73.07%
Нет	167	16.72%
затрудняюсь ответить	102	10.21%
<i>В формировании коллективов для разработки необходимых для области проектов</i>	Количество	
	абс.	%
Да	470	47.05%
Нет	310	31.03%
затрудняюсь ответить	219	21.92%

В то же время, несмотря на положительные ответы о предполагаемом включении в проекты общественного сотрудничества, граждане указывают на небольшой опыт участия в них. Участие их в гражданских коллаборациях чаще всего сводится к посещению сайтов политических партий (48,94%), участию в интернет голосовании (46,24%), высказыванию мнения по общественным и политическим проблемам в блогах, социальных сетях, на новостных сайтах (29,79%), благотворительным пожертвованиям (17,73%). Как видно из представленных данных, ни один из указанных общественных актов не относится к группе технологий краудсорсинга (табл. 3).

Таблица 3

Опыт участия граждан в краудсорсинговых проектах

Что из перечисленного Вам приходилось делать в интернете за последний год? (укажите не более трех вариантов ответа)	Количество	
	абс.	%
Высказываться по общественным и политическим проблемам в блогах, социальных сетях, на новостных сайтах	210	29.79%
Посещать сайты партий, общественных (некоммерческих) организаций, политических лидеров	345	48.94%
Размещать на централизованных сервисах информацию о местных проблемах	45	6.38%
Распространять информацию об общественных и политических проблемах и событиях	69	9.79%
Участвовать в интернет голосовании по общественным вопросам	326	46.24%
Вступать в группы партий / политических лидеров в социальных сетях	36	5.11%
Участвовать в общественной экспертизе законопроектов	44	6.24%
Жертвовать деньги в благотворительные фонды, незнакомым нуждающимся людям	125	17.73%
Ничего из перечисленного	65	9.22%
Всего	705	100.00%

Причины отказа участвовать в предлагаемых инициативах граждан заключаются в подозрении о скрытой манипуляции («Не верю, что мое участие принесет реальные результаты», 30,47%), в нежелании выполнять чужую работу («Считаю, что этим должны заниматься государственные и муниципальные органы», 32,40%), в низкой оценке собственного потенциала («Не имею необходимых способностей», 26,33%), в проблеме авторского права («Скорее всего, результаты моего участия будут присвоены другими», 14,20%)(табл. 4). Верификация, посредством данных массового опроса, наших теоретических конструктов подтверждает достоверность предлагаемых нами антитез минимизации рисков внедрения краудсорсинговых технологий.

Таблица 4

Причины отказа граждан участвовать в краудсорсинговых проектах

Укажите причины отказа участвовать в предлагаемых инициативах	Количество	
	абс.	%
Не верю, что мое участие принесет реальные результаты	206	30.47%
Не имею необходимых способностей	178	26.33%
Скорее всего, результаты моего участия будут присвоены другими	96	14.20%
Считаю, что этим должны заниматься государственные и муниципальные органы	219	32.40%
Жалко времени и сил	44	6.51%
Не доверяю власти	50	7.40%
Затрудняюсь ответить	79	11.69%
Всего	676	100.00%

Исследование возможных вариантов мотивации граждан к участию в краудсорсинговых проектах с одной стороны, предоставляет информацию о путях возможного стимулирования общественной активности, а с другой, подтверждает наши предположения о характере выгод, получаемых гражданским актором.

Социальная цель, общественная идея, построение светлого будущего, возможность быть сопричастным к глобальному движению территории – вот основной рычаг стимулирования граждан (45,80%). Конечно, велика и группа лиц, желающих получить материальные выгоды (23,80%), но и достаточно представлена группа граждан, желающих продемонстрировать свои интеллектуальные возможности, доказать значимость своих идей, и, возможно, поделиться своим интеллектуальным достоянием (15,10%) (табл. 5).

Таблица 5

Мотивация гражданского участия в краудсорсинговых проектах

В чем, по Вашему мнению, смысл и мотивация участия большинства людей в деятельности органов государственной власти и краудсорсинговых проектах?	Количество	
	абс.	%
Материальная выгода	238	23.80%
Сознание, что принимаешь участие в чем-то важном для себя и общества	458	45.80%
Самореализация	151	15.10%
Удовлетворение любопытства	4	0.40%
Возможность найти новую работу (заметили-пригласили)	75	7.50%
Общественное признание	82	8.20%
Возможность безбоязненно	72	7.20%
Затрудняюсь ответить	88	8.80%
Всего	1000	100.00%

Таким образом, возможности граждан к общественным инициативам достаточны для инициации ряда масштабных краудсорсинговых проектов, но установки, опыт и в целом гражданская готовность, предопределяют отрицательный результат краудсорсинговых инициатив.

Проведенные региональные исследования подтверждают факт гражданской неготовности к внедрению краудсорсинговых технологий, развивающейся на основе имитационных последствий деятельности государственных служащих. Элитарное высокомерие субъектов административного управления стало образным стереотипом и именно поэтому идейный донор не может не предполагать манипулятивного характера предложений данного инициативного адреса, не доверяя их реальности, полезности и действенности.

Изменение сознания и установок граждан возможно, но для этого должно пройти время приобретения иного опыта взаимодействия, позитивного, солидарного. Краудсорсинг, как и другие технологии общественного участия в региональном управлении, для своего внедрения требует определенного субстрата, синтезированного из гражданской лояльности, прозрачности управления и солидарного общества.

Литература

1. Мусорина В. Коллективный разум // Прямые инвестиции. – 2011. – № 11 (115). – С. 50–53.
2. Румянцева И.В. Краудсорсинг и социальное развитие общества // Социальная политика и социальное партнерство. – 2009. – № 8. – С. 43–45.
3. Терентьев К. Краудсорсинг – власть толпы. [Электронный ресурс]. URL: http://www.psj.ru/saver_magazines/detail.php?ID=65566 (дата обращения 16.05.2014)
4. Асмолов Г.А. Интернет, сетевое общество и взаимопомощь как стандарт образования // Образовательная политика. – № 1 (51) – 2011. – С.55.

ТЕХНОЛОГИЯ КРАУДСОРСИНГА В СИСТЕМЕ УПРАВЛЕНИЯ ИНТЕЛЛЕКТУАЛЬНЫМ ПОТЕНЦИАЛОМ РЕГИОНА¹

Л.Н. Шмигирилова,

*кандидат социологических наук, доцент кафедры социологии и организации
работы с молодежью, НИУ «БелГУ»*

Краудсорсинг уходит своими корнями в базовый эгалитарный принцип: каждый человек обладает знаниями и талантами, которые могут быть востребованы другими людьми [3, С. 211]. При анализе феномена краудсорсинга возникает вопрос об эффективности использования «ресурса толпы», ее потенциальной возможности.

¹ Статья подготовлена при поддержке гранта РГНФ, проект №14-13-31006 «Технологии краудсорсинга в региональном управлении: возможности и риски» (рук. проф. В.П. Бабинцев, НИУ «БелГУ», г. Белгород), 2014 г.

Достаточно очевидным является необходимость применения краудсорсинга в качестве инструмента решения проблем, имеющих особую значимость для жителей области. Политические и экономические элиты считают целесообразным интегрировать гражданские инициативы в управленческий процесс, однако границы этого участия пока не обозначены. Интернет-активное население страны вовлекается в решение насущных проблем через гражданские приложения и сайты органов власти, общественных и политических организаций. Доля граждан, участвующих в такой деятельности пока невелика. Однако активность пассионарного меньшинства, использующего технологии краудсорсинга, может коренным образом изменить ситуацию в будущем.

Как нам видится, *краудсорсинговый потенциал региона – это интегральный показатель, который формируется на основе таких базовых понятий, как способность и готовность субъекта к краудсорсинговой деятельности; информированность субъекта о содержании краудсорсинга и его механизмах; степень организованности субъектов¹ краудсорсинга.*

Способность и готовность субъекта к краудсорсинговой деятельности, его социальная активность взаимосвязана с инновационным, интеллектуальным и научным потенциалом самого субъекта – участника/участников краудсорсингового проекта. И если в регионе создаются необходимые и достаточные условия (социально-экономические, информационные, технологические и пр.) для субъектов, осуществляющих краудсорсинговый проект, то от этого зависит развитие самодетальной креативной среды с широчайшим диапазоном интересов и предложений. На этой почве неизбежно развивается новая виртуальная, дистанционная форма производства идеи будущего продукта – краудсорсинг. Акторы, имеющие ресурсы для участия в определенной краудсорсинговой деятельности, направленной на формулирование потребности или решения общественно значимой проблемы, сами развивают краудсорсинговый потенциал региона и страны в целом.

На формирование краудсорсингового потенциала оказывает развитие инновационной сферы региона, что выражается в существенных различиях в финансовых затратах на образование и науку, материально-технической оснащенности этих отраслей, объемах выпуска квалифицированных специалистов, степени внедрения информационно-коммуникационных технологий, инновационных технологий. В связи с этим возрастающую актуальность приобретает применение методик оценки, позволяющих выявлять и отслеживать ключевые тенденции инновационного потенциала региона. Оценка краудсорсингового потенциала региона должна осуществляться комплексно, с учетом внедряемых инновационных идей и решений.

Цель краудсорсинговой технологии – оптимизировать интеллектуальный и инновационный потенциал «мудрой толпы».

¹ Лицо/группа лиц, осуществляющих краудсорсинговый проект, а именно: граждане, ассоциации, объединения, квалифицированные профессионалы в области государственного и муниципального управления, наделенные специальными полномочиями осуществлять процедуры от имени граждан.

Внедрение краудсорсингового подхода для повышения эффективности механизма государственного управления приведет к формированию гражданского экспертного сообщества. Это может стать источником формирования как кадрового резерва управленческих кадров, так и неиссякаемым резервом для идей по глубокой модернизации экономики страны.

Сделать возможным использование коллективного интеллекта, по нашему мнению, позволит технология создания *региональной краудсорсинг платформы*, которая представляет виртуальную площадку, где участники «мудрой толпы» предлагают, обсуждают, оценивают идеи и информацию по конкретно заданным вопросам в рамках определенной темы. Данная платформа может быть фундаментальной основой развития способности и готовности субъекта к краудсорсинговой деятельности; информированности субъекта о содержании краудсорсинга и его механизмах, а также степени организованности субъектов краудсорсинга – иначе говоря, отправной точкой развития регионального краудсорсинг потенциала.

Особенностью технологии является объединение всех заинтересованных в разработке и решении государственно важных задач, генерация «коллективных» идей, консолидация практических знаний специалистов и бизнесменов, аналитических возможностей экспертов, теоретических и исследовательских способностей ученых и исследовательских организаций, неординарных и новаторских взглядов ученых, определение истинных лидеров передовых идей и ценной информации, выявление и использование как явных, так и скрытых знаний общественности.

Суть этой технологии заключается в создании рабочей группы, которая формируется за счет лучших региональных краудсорсеров, фасилитаторов, приглашенных экспертов и специалистов, а также по мере необходимости юристов. Лучшими краудсорсерами становятся активные участники региональной краудсорсинг платформы, чьи идеи были определены как лучшие участниками данной платформы и они образуют ядро рабочей группы. Фасилитаторы – это модераторы платформы, которые координируют действия всех участников данной платформы. Приглашенные эксперты и специалисты, это участники платформы, чьи идеи не были определены лучшими, но принявшие активное участие в обсуждении и определении лучших идей, а также лица, приглашенные по инициативе рабочей группы. Результатом деятельности рабочей группы должно стать разработка решения/общественного документа по общественно-значимой теме.

Технология будет более эффективной при условии организации ежеквартального форума как реальной площадки, где общественные идеи/документы/проекты презентуются общественности и представителям органов власти, а также официально выводятся на всеобщее обсуждение. С учетом всех предложений, замечаний, дополнений общественности и государства общественный проект/документ дорабатывается и обновляется рабочей группой.

Конечным результатом региональной краудсорсинг платформы можно считать создание общественного проекта/документа, учитывающего мнения общественности и разработанный массой компетентных людей.

Поскольку краудсорсинг «реализуется» в режиме on-line, то для материального производства он не применим – руками здесь ничего не произведешь [1]. Краудсорсинг работает с оцифрованной информацией, идеями, креативными процессами. А главное для этого – уровень интеллектуального и творческого потенциала исполнителей, т.е. субъектов.

До тех пор пока краудсорсинг остается лишь новым способом получения трудовых ресурсов в Глобальной сети, его потенциал будет невысоким. Например, при поиске инновационных решений (инженерных, дизайнерских и т.д.) итоговый интеллектуальный потенциал краудсорсинга не превышает интеллектуального уровня человека, предложившего лучшую идею. И это происходит потому, что при «обычном» краудсорсинге не происходит объединения интеллектов участников – каждый думает и предлагает решение в одиночку. Плюс такого процесса в том, что он легко масштабируется: чем больше людей в нем участвует, тем лучше может быть результат – просто за счет числа участников. Недостатком считается то, что интеллектуальный потенциал этого процесса не может, даже теоретически, превышать интеллектуальный уровень участника, предложившего идею, признанную лучшей.

Технология краудсорсинга должна предоставлять возможность объединения (синергии) интеллектуальных уровней участников, то есть обеспечивать синтеллектуальный краудсорсинг. Термин «синтеллектуальный» означает соборный разум, соразум, который образуется путем интеграции индивидуальных сознаний через сеть электронных коммуникаций. Обычный краудсорсинг основан на качественных механизмах, не гарантирующих улучшения результатов при увеличении числа участников. Образно говоря, коллективный IQ толпы, если ничего не предпринимать, легко может оказаться ниже IQ большинства ее участников.

Технология синтеллектуального краудсорсинга должна преодолеть принципиальные ограничения «обычного» краудсорсинга, а именно:

- проблемы коммуникации и социальной психологии больших групп людей сводят на нет рост коллективного интеллектуального потенциала (по отдельности – «все умные», а вместе – «базар»);
- процесс решения задачи направляется самыми «горластыми», а не самыми толковыми. Чем больше участников, тем выше шансы, что каждый будет занят не своим делом;
- сложно найти ценную мысль (даже если она точно есть) в обширном потоке высказываний.

Без преодоления этих принципиальных ограничений «социальный шум» и активность «настоящих буйных» превратят большинство краудсорсинговых площадок в очередные «облака мусора», коими уже изобилует Интернет.

Преодолевать названные ограничения можно по следующей методике:

- через систему рейтингов участников (более двадцати), оценивающих динамику их репутации в ролях «болельщика», «игрока», «судьи» и «деятеля»;
- через динамического профайла каждого участника, содержащего о нем обширную информацию (несколько десятков полей): о его психотипе, компетенциях, результативности его работы в разных ролях и т.д.;
- через филиации идей – процесса, в ходе которого идеи проходят ряд эволюционных этапов видоизменения и отбора. Критерии отбора на каждом из этапов свои. Они основаны на оценке идеи ее сторонниками, противниками, конкурирующими группами участников и экспертами. На отдельных этапах задействованы рыночные механизмы оценки в форме биржи идей и рынков предсказаний. Кроме того, идеи борются за выживание против «идей-киллеров», называемых контридеями. Последовательность таких этапов формирует эволюционный отбор идей, «выживающих» в конкурентной борьбе за признание.

Очевидно, что для реализации качественного отбора идей и повышения КПД работы деятельных сообществ необходимо использование синтеллектуального краудсорсинга. «Обычный, традиционный» краудсорсинг этим «не справится». Предел его возможностей – найти одну идею («одного умника») из многих, тогда как синтеллектуальный краудсорсинг объединяет многих для поиска и коллективного развития лучших идей.

Безусловно, не во все сферы государственного управления следует внедрять технологии краудсорсинга, однако можно выделить ряд наиболее подходящих для данной методики [2]:

1. Формирование направлений, целей и задач государственной, региональной и местной политики, что позволит максимально учесть мнение граждан по вопросам их будущего.

2. Разработка путей оптимального достижения поставленных целей с учетом интересов большинства общества, что существенно снизит так называемый «конфликт интересов» при реализации государственной, региональной, а в особенности местной политики.

3. Отбор претендентов на замещение вакантных должностей на государственной гражданской службе. Однако стоит предусмотреть некий минимальный фильтр для недопущения непрофессионалов (например, наличие высшего образования). Реализация данного пункта позволит сформировать действенные социальные лифты, необходимость в которых остро стоит в нашем обществе.

4. Разработка объективных критериев эффективности работы органов государственной власти и местного самоуправления.

5. Контроль над выполнением принятых на всех уровнях государства решений, что может стать своеобразной обратной связью между обществом и государством.

6. Организация реального самоуправления и самообслуживания граждан на муниципальном уровне, формирование сложной синергетической системы взаимодействия населения локальной территории.

7. Сбор, обработка и систематизация данных в государственных масштабах. Реализация этого направления позволит обрабатывать массивы данных, сопоставимые с переписью населения, что позволит сэкономить миллиарды бюджетных средств.

При оценке краудсорсингового потенциала региона важно учитывать опыт мировой практики, который показывает, что в любых коллективных творческих работах лучшими (креативными, продуктивными, результативными и т. д.) оказываются около 6% участников. Следовательно, в будущем в России может быть идентифицирован реальный креативный класс в количестве нескольких миллионов человек. Именно этот настоящий креативный класс может стать главным источником формирования новой российской элиты, а его лучшие представители могут составить конкурентный кадровый резерв для институтов государственного управления. Так возникнет реальный инструмент обновления и повышения качества контингента государственных управленцев.

Широкое и регулярное применение новой модели государственного управления приведет к улучшению социальной атмосферы в стране. Наиболее активные и талантливые получат возможность самореализации и попадания в социальные лифты.

Государственная политика, основанная на широком применении новой модели, приведет к фундаментальным социальным сдвигам. Сократится дистанция и снизится отчужденность между властью и обществом. Появится возможность карьерного роста для талантливых управленцев в прозрачной системе социальных лифтов. Усилится ответственность институтов государственного управления за достигнутые результаты, изменится морально-этический климат внутри этих институтов [1].

Литература

1. Беленький, А. Многоликий краудсорсинг [Электронный ресурс] / А. Беленький. URL: <http://compress.ru/article.aspx?id=22501>

2. Ильин, А.С. Краудсорсинг как инструмент модернизации государственного и муниципального управления / А.С. Ильин // Материалы VIII международной научно-практической конференции «Регионы России: стратегии и механизмы модернизации, инновационного и технологического развития», 31 мая -1 июня 2012 г. М.: ИНИОН РАН, 2012.

3. Мирошниченко, И.В. Краудсорсинговая деятельность в публичной политике: новые возможности гражданского общества / И.В. Мирошниченко // ПОЛИТЭК. – 2012. – Том 8. – № 3. – С. 208-220.

Роль высшей школы в противодействии интеллектуальной маргинализации молодежи

НЕКОТОРЫЕ АСПЕКТЫ ВЫЯВЛЕНИЯ ЛИДЕРСКИХ СПОСОБНОСТЕЙ УЧАЩЕЙСЯ И СТУДЕНЧЕСКОЙ МОЛОДЕЖИ

Ю.В. Астахов,

*кандидат социологических наук, доцент,
докторант кафедры социальных технологий,
НИУ «БелГУ»*

М.А. Коломыцева,

*соискатель кафедры социальных технологий,
НИУ «БелГУ»*

Научно доказано, что система экономики знаний, навыков управленческой деятельности, важнейших для управления качеств личности (конструктивный замысел преобразований, руководящая идея, системное освоение действительности и т. п.) могут быть предметом самоанализа лишь в период становления личности: в школе, колледже, вузе. Именно в это время в молодом человеке развивается способность к самоанализу, творчеству, креативности, самоуправлению на основе вырабатываемых установок, социализации, обучения и воспитания.

Выступая с Посланием Федеральному Собранию РФ Президент РФ В.В. Путин отметил, что «...Нам нужны школы, которые не просто учат, что чрезвычайно важно, это самое главное, но и школы которые воспитывают личность. Граждан страны – впитавших ее ценности, историю и традиции. Людей с широким кругозором, обладающих высокой внутренней культурой, способных творчески и самостоятельно мыслить» [1].

Поэтому формирование современной инновационной культуры у школьников, как в новой России, так и в странах с развитой рыночной экономикой – одно из главных условий подготовки управленца-менеджера XXI века нового типа, а, следовательно, формирования современной муниципальной кадровой политики.

Исследования данной проблемы, и зарубежный опыт, к примеру, показывают, что школьники в Японии проходят солидную раннюю управленческую подготовку, ведь искусство достижения поставленных целей есть не что иное, как менеджмент. Характерно, что развитие своего общества японцы связывают с управленческим образованием и воспитанием [2].

И это справедливо, потому что развитие у учащихся качеств управляющего имеет непосредственную связь с возрастными особенностями подросткового и юношеского периодов развития. Необходимо учитывать, что ведущей деятельностью является в подростковом возрасте интимно-личностное

общение, в юношеском – профессиональное самоопределение. Подростки (11-15 лет) чувствительны к развитию интеллектуальных, волевых, деловых качеств личности, самоутверждению, формированию адекватной самооценки. Все эти качества должны быть у руководителя. Молодые люди в юношеском возрасте (15-18 лет) склонны к поиску смысла жизни, к развитию самопознания, к самоопределению в той или иной области деятельности.

В подростковом и юношеском возрасте учащиеся расположены к развитию компетентности в общении, задумываются над тем, какое место занимают они в группе сверстников, как и почему появляются лидеры. Перед ними часто стоит вопрос: «могу ли я быть лидером?». Они пытаются анализировать события, происходящие в группах сверстников, стараются разобраться в закономерностях влияния людей друг на друга. То есть, по сути, происходит развитие коммуникативных качеств личности, которые являются профессионально важными качествами будущего управленца.

Именно в подростковом и юношеском возрасте формируется «Я-концепция» (система представления о себе: позитивная или негативная). Руководителю, желательно иметь позитивную «Я-концепцию». Понятие «Я-концепция» тесным образом связано с самооценкой индивида, суть которой состоит в осознании человеком самого себя, своих поступков, мотивов и целей своего поведения, отношения к самому себе. Будущему управленцу, как мы полагаем, следует владеть адекватной самооценкой, то есть объективным анализом своих личностных качеств, способностей, внешнего облика. Высокая самооценка предполагает преувеличение своих знаний. Низкая – подразумевает рассогласование между «Я -концепцией» и реальным поведением человека, в результате чего ему трудно достичь согласия с самим собой. В этом случае человек испытывает робость, неудовлетворенность собой, чувствует себя неудачником [3].

Этот недостаток воспитательной работы усугубляется преобладающим пока в обучении предметным подходом, несовершенство которого было впервые замечено именно в России в системе ремесленного образования. Преподаватели Московского ремесленного училища (Д. Советкин и др.) в 1867 г. разработали и испытали операционный подход в обучении, который получил признание и распространение во многих странах мира еще в XIX в. В зарубежных технических журналах появилось много статей, раскрывающих сущность русского операционного метода обучения. Именно оно стало интегрирующим началом, способствующим взаимосвязанному использованию разрозненных предметных знаний в достижении определенных целей. Скорость обучения повышалась при этом в несколько раз, а качество подготовки выпускника оказывалось превосходным [4].

Широчайшее распространение операционное обучение получило в странах Запада и, особенно в Соединенных Штатах Америки. Достижение русских учителей стало достоянием американцев, заложивших в начале XX в. основы управленческой науки, обозначивших первый этап эволюции мировой управленческой мысли [5].

Сегодня нашей школе нужны интегрирующие предметы, интегрирующие

уроки, способные формировать системное и концептуальное мышление учащихся, целостное восприятие мира. Исторический и современный опыт многих стран свидетельствует о том, что наилучшим началом является **управленческая подготовка учащихся**, игровая управленческая деятельность. Именно они позволяют «мертвое» предметное знание сделать «живым знанием». Здесь проявляется сила динамики ума и действия.

Человечество вступило в новый этап своего развития, который называют информационным. Его главная характеристика – не только компьютерная революция, но интегрированность разных областей знаний, их быстрое адресное распространение, небывалый простор для проявления познавательных способностей и творчества личности.

В этой связи авторы солидарны с мнением профессора Орловой Т.М., которая считает, что «...индивидуальное творчество всегда является продуктом взаимодействия с более широкой социальной средой. *Социальное поле творчества* – это совокупность социальных институтов, которые сохраняют только те творческие идеи, которые признаются ими как значимые. *Сфера творчества* – это область знаний или культурных практик, которые через традицию доносят новые идеи и формы до последующих поколений. Наконец, *личность* – это творец, вносящий в ту или иную культурную сферу изменения, которые должны быть признаны творческими представителями данного социального поля» [6].

На основе анализа литературных источников можно выделить **два концептуальных подхода** к развитию той или иной организации, общества в целом и его образовательной системы. **Первый** основан на идее о том, что ускоренное создание более совершенных производственно-материальных условий приводит к изменению личностных качеств работника.

Появление такого подхода основано на сравнении производственных показателей одноименных объектов.

Десятилетия профессиональная подготовка кадров в России служила идее технико-технологического развития отраслей и соответствующих им специалистов, но, как показал опыт, она страдала односторонностью. В чистом виде индустриальный тип развития признан технократическим и чрезмерно затратным.

Американские ученые очень давно заметили ущербность только индустриального типа развития. В своей работе «Двенадцать принципов производительности» Гаррингтон Эмерсон назвал ошибочными действия предпринимателей, озабоченных приобретением только новой техники в то время, когда не использованы возможности старой [7].

Стало очевидным, что существующая система управления не обеспечивает рационального использования всех имеющихся средств. Необходимо прогрессивное развитие не только производства, но и человека, являющегося основным агентом производства. Эксперимент последнего десятилетия XX века по внедрению новых технологий окончательно убедил правительство в необходимости совершенствования системы образования и управления. В России был осуществлен переход от преимущественно

административных к преимущественно экономическим методам управления. Экономическая и административная реформы затронули и сферу образования. Возросло количество экономических и управленческих дисциплин в вузах и колледжах. В университетах РФ специальности «экономическая безопасность», «управление персоналом», «менеджмент организации», программы: планирование карьеры, маркетинг, финансовый менеджмент, управление проектами, логистика, правовое обеспечение деятельности предприятия, управление развитием предприятия, управление инновациями в корпорации, сити-менеджмент, стратегическое управление, управление жизненным циклом информационных систем получили дальнейшее развитие и интерес у студенческой молодежи. В средних школах, лицеях и гимназиях стали преподавать «Введение в экономику». Проявилось увлечение управлением экономическими и финансовыми процессами. Высшими достижениями в экономике стали считать либерализацию цен, совершенствование финансово-кредитной системы, освоение рыночных отношений, приватизацию и др. Разрушенной оказалась так называемая командно-административная система, но и в этом случае экономические процессы стали неуправляемыми, государство оказалось выключенным из механизма регулирования рыночных отношений, управления собственностью, финансовых потоков, что привело к серьезному экономическому спаду, который продолжается и во втором десятилетии XXI века. Вместо развития личности и социальных отношений мы стали свидетелями и участниками процесса перехода человека к индивидуальному самообеспечению самыми различными методами, включая и антисоциальные.

Второй концептуальный подход основан на идее, что в ходе воспроизводственного процесса путем обучения работников, создания условий для раскрытия и реализации их способностей, преобладающим становится непосредственный интерес к личности, мотивация ее к труду и жизни в целом. При этом наблюдается интенсивное развитие личностных качеств людей. Проявление этой новой творческой силы возможно только при условии появления инновационной системы обучения и самообучения. В этой связи в условиях стремительного развития информационного общества, большое значение для развития личности имеет непрерывное опережающее профессиональное образование. Задача приобретает особое государственное значение, являясь, по сути, вызовом для нации. Эксперты признают, что при быстро меняющемся спросе на профессии отреагировать на него соответствующим образом государства уже не успевают.

В свою очередь, бизнес уже не может, а порой и не хочет вкладываться в подготовку и переподготовку специалистов, которые могут просто уйти к конкуренту, а понесённые на персонал расходы сделают его продукцию неконкурентоспособной.

Чтобы не отставать, надо непрерывно учиться. Учиться можно только у тех учителей, которые сами учатся непрерывно и способны дать знания на перспективу.

Таким образом, мы видим, что зона «прорыва» при выходе из кризиса

проходит именно через систему непрерывного образования, которая способна при определенных условиях подготовить таких двигателей производства, общественного прогресса, которые могут активно и творчески действовать в новых условиях [8]. Поэтому именно в школе, в Вузе необходимо развивать непосредственный интерес к деятельности, в котором формируется личность будущего управленца. Он приобретает при этом главное качество: динамизм мышления и будущих поступков.

Отсюда развивается инициативность, новаторство, подвижность, желание достигать цели, ставить новые и более высокие задачи. Развитие непосредственного интереса в школе должно быть поставлено таким образом, чтобы изучение отдельных предметов стало осознанной жизненной необходимостью. Это сложнейшая задача, решение которой может быть достигнуто в результате повсеместного поиска учителей и ученых. Опять же необходимо интегрирующее начало. Начинается же интеграционный процесс познания с постановки общей для разнородных предметов цели, и продолжается в ходе разработки процесса ее достижения. Это не что иное, как управление.

В условиях консерватизма управленческого мышления обычно не требуется современная система отбора и формирования кадров управления, в том числе и раннее допрофессиональное выявление и развитие управленческих способностей детей, хотя в этом и состоит новое качество современной кадровой политики, которая способна ответить на вызов времени – привлечь к управлению и распоряжению общественными делами наиболее творческий и подготовленный человеческий капитал [9].

Все это предъявляет определенные требования к инновированию сегодняшней системы образования и воспитания в школе, призванной формировать такую личность, которая способна не только усваивать информацию, но творчески ее перерабатывать, активно осваивать сложную систему общественных отношений и целесообразно изменять их в соответствии с новыми ценностями. Это вызывает необходимость активной разработки и применения в школе **новых педагогических и воспитательных технологий, приоритетными из которых являются, на наш взгляд, управленческие и организационные.** Последние, как показывают исследования, способны в большей мере формировать такие интегральные черты личности, как системность мышления, способность интегрировать данные разных наук (физики, биологии, математики, обществоведения и т. п.), стимулировать личность к активной творческой деятельности.

В нашем образовании предусмотрено освоение системности, однако делается это пока плохо, поэтому в вузы из школы и с производства поступают молодые люди с деформированным мышлением. В вузах не всем студентам удастся осмыслить целостность и системность жизненного процесса. В большинстве своем мы получаем выпускников Вузов с однобокими жизненными и управленческими концепциями, которые в деятельности склонны развивать объекты через совершенствование техники, технологий, экономики, права отдельно взятых. Допрофессиональная управленческая подготовка, на

наш взгляд, будет способствовать приобретению качеств системного видения мира еще в школе.

Само собой разумеется, что не все школьники проявляют способность к управленческой деятельности. Не каждый ученик способен выйти на уровень системности, целостности, инновационности, поэтому необходима работа по выявлению управленческих способностей в раннем возрасте с тем, чтобы развить их у детей с помощью непрерывного управленческого обучения.

Совершенно очевидно, что для хорошей постановки этого дела необходимы учебные заведения управленческого профиля. Это под силу гимназии, в которой имеется более широкая возможность инновирования учебного процесса: здесь обучаются дети, способные к усвоению усложненных учебных программ. А элементы усложненности вносятся интеграционными задачами. Сложность их решения повышается многократно.

Развитие учащихся гимназии управленческого профиля следует рассматривать в двух аспектах. Во-первых, мы все, и каждый из нас в отдельности, живя в обществе, являемся управленцами. По крайней мере, каждый пытается управлять собой, собственными детьми, окружающими его людьми, оказывая на них определенное влияние. И чем лучше будут молодые люди подготовлены к управленческим процессам и социально-бытовым ситуациям, чем выше будет управленческая компетентность каждого выпускника, тем меньше ошибок совершит он в жизни, а его взаимодействие с другими людьми будет более грамотным, компетентным и толерантным. Поэтому так важно научить ребенка жить по законам общества, вооружить его знаниями основ психологии, этики общения. Во-вторых, обучение и развитие учащегося гимназии управленческого профиля предусматривает подготовку его как будущего руководителя организации.

Научиться управлять – значит научиться побуждать других работать. И учиться этому сложному делу желательно на ранних стадиях развития личности. Поэтому юность и есть наиболее подходящий возраст для активной подготовки к общению, которое может предотвратить трудности, возникающие в самостоятельной жизни будущего руководителя. И здесь уже важно знание не только основ психологии, но и законов управления.

Достижение поставленных целей особо актуально в современных условиях XXI века для муниципального уровня. Развитие общества не может быть осуществлено «сверху». Оно начинается с простого: с отдельного человека, с личности, с класса в школе, со студенческой учебной группы, с производственной бригады. Каждому местному сообществу свойственны свои особенности развития и управления. Они должны быть учтены в процессе подготовки кадров, т. е. выделены и наложены на систему образования. В ней актуально создание особой подсистемы допрофессионального управленческого образования в пределах городского округа, административного района. В такую гимназию или управленческий класс на базе гимназии можно принять 3-5% детей, имеющих генетическую предрасположенность к управленческой деятельности. Создание управленческих гимназий и управленческих классов, управленческих колледжей может стать основой создания региональной

системы отбора, подготовки и воспитания управленческих кадров, существенного улучшения всей кадровой политики и формирования управленцев новой генерации, которые будут способны обеспечить устойчивое развитие российского общества сегодня и в будущем.

В данном аспекте считаем необходимым внедрение инновационных элементов в систему образования муниципальных кадров, которых сегодня в Российской Федерации более 340 тысяч.

Проблема построения опережающего образования муниципальных служащих является одной из наиболее важных, так как муниципальное управление оказывает наиболее сильное влияние на развитие всех сторон жизнедеятельности человека на местном уровне, а обобщая в теоретическом плане, можно сказать – развитие человеческого капитала решение этой задачи является одной из ключевых проблем развития образования в целом и в «дает ключ» к построению структуры и содержания образовательных программ будущего, включая образование государственных и муниципальных служащих.

В первую очередь требуется разработка и реализации программы государственного инновационного управления развитием образования, направленного на создание опережающего образовательного продукта в виде развитого и актуального человеческого потенциала. Эта проблема связана с углубляющейся дифференциацией научного знания. Наука накопила огромный массив знаний и одновременно разбила его на отдельные дисциплины и группы, слабосвязанные между собой (естественные, технические, социально-гуманитарные, сельскохозяйственные, медицинские и др.). Как следствие, происходит и дифференциация изучаемых дисциплин и направлений подготовки, становится все труднее устанавливать связи между ними. В результате знания, полученные выпускником профессиональной школы (института, колледжа, университета и т.д.) не представляют собой целостную систему, а сам бакалавр, специалист или магистр не имеет достаточных компетенций для решения возникающих перед ним задач, особенно нестандартных. Применительно к государственному и муниципальному служащему это приводит к невосполнимым утратам духовных, нравственных, интеллектуальных, иных ценностей, как у самих служащих, так и тех, кому они служат, т.е. у всего населения [10].

Таким образом, как мы видим знания и непрерывное образование кадров во многом возможно путем развития форм и методов обучения, которые в свою очередь, должны повысить гибкость и эффективность образовательного процесса. Это актуализирует проблему подготовки стратегического резерва кадров муниципального управления. Так как основной целью формирования и использования на муниципальной службе кадрового резерва, является раннее выявление талантливых, креативных лидеров, создание подготовленных к муниципальному управлению в современных условиях учащихся, студентов и молодых специалистов, обеспечение непрерывности и преемственности муниципальной кадровой политики, ее совершенствование в вопросах воспроизводства, востребования и выдвижения местных кадров, имеющих лидерские качества и способных профессионально и эффективно реализовывать

стратегические задачи, цели и функции органов местного самоуправления в условиях XXI века. В конечном счете все делается для реализации высшей потребности человека – самореализации личности, самоуправления, когда каждый молодой человек умеет ставить перед собой цели и находить адекватные пути и средства их достижения. Прежде всего необходимо научить молодых людей управлять своим сознанием, своим поведением и своим здоровьем. Уже эта традиционная задача требует для своего решения формирование управленческой культуры в школе и вузе. Тогда меньше будет негатива в обучении и воспитании подрастающего поколения [11].

Литература

1. Путин В.В. Послание Президента РФ Федеральному Собранию// Российская газета www.rg.ru. 2013г. 12 декабря.
2. Аберкромби Н., Хилл С., Тернер Б.С. Социологический словарь. Москва «Экономика». 2004.
3. Патрушев В.И. Основы общей теории социальных технологий. – М.: Изд-во ИКАР, 2008.
4. Дубровский Ю.Н. и др. Научная организация труда. М.: Экономика, 1974.
5. Мескон М.Х. и др. Основы менеджмента/ Пер. с англ. М.: Дело, 1992.
6. Орлова Т.М. Инновационное развитие: экономика, интеллектуальные ресурсы, управление знаниями / под ред. Б.З. Мильнера. – М.: ИНФРА-М, 2013.
7. Эмерсон Г. Двенадцать принципов производительности/ Пер. с англ. М.: Экономика, 1992.
8. Жуков В.И. Университетское образование. История. Социология. Политика. М., 2009.
9. Управленец-менеджер XXI века. Проект: выявление и развитие управленческих способностей учащихся. Под общ. ред. В.Н. Иванова; М.: Муниципальный мир, 2003. С. 26.
10. Сафонов А.Л. Развитие и управление человеческим капиталом в системе государственной службы РФ // Научно-практический журнал «Человеческий капитал» №9 (45) 2012.
11. Введение в управление / Под ред. В.Н. Иванова. М., 2004.

АНАЛИЗ РЕФЛЕКСИВНО-КОНАТИВНОГО КОМПОНЕНТА В СТРУКТУРЕ ЛИЧНОСТНО-СОЦИАЛЬНОЙ ПОДСИСТЕМЫ СОЦИАЛЬНО-ТЕХНОЛОГИЧЕСКОЙ КУЛЬТУРЫ БУДУЩИХ СПЕЦИАЛИСТОВ В СФЕРЕ ГОСУДАРСТВЕННОГО И МУНИЦИПАЛЬНОГО УПРАВЛЕНИЯ

***Е.В. Бурова,**
старший преподаватель
кафедры управления персоналом, НИУ «БелГУ»*

Социальные технологии представляют собой специально организованную отрасль знаний о способах и процедурах оптимизации жизнедеятельности человека в условиях нарастающей динамики общественных процессов [3]. Очевидно, что их применение может дать эффект лишь в том случае, если субъект социального действия компетентен в отношении их содержания и

порядка использования, мотивирован к нему и способен прогнозировать последствия, т.е. говоря другими словами, он должен обладать социально-технологической культурой. Это требование, прежде всего, относится к будущим специалистам в сфере государственного и муниципального управления, поскольку функции будущих менеджеров непосредственно связаны с осуществлением стратегического управления на различных уровнях социальной организации.

Проанализировав существующие подходы к определению сущности феномена социально-технологической культуры, мы попытались дать собственную трактовку социально-технологической культуры будущих специалистов в сфере государственного и муниципального управления. Социально-технологическая культура будущих специалистов в сфере государственного и муниципального управления представляет собой систему знаний, умений, навыков, социально-психологических установок, определяющих профессиональную направленность, социальное взаимодействие и индивидуально-личностное развитие, обеспечивающее достижение субъектами профессиональных и личностных целей [4].

Изучив существующие модели социально-технологической культуры, мы пришли к выводу о том, что личностная и социальная составляющие социально-технологической культуры являются не менее важными и значимыми, чем технологическая. Личностная подсистема является неким фундаментом, предпосылкой формирования и функционирования социальной и технологической подсистем в структуре социально-технологической культуры специалиста. Но социальная подсистема неразрывно связана с личностной, ее функционирование невозможно без опоры на личностную подсистему. Структурные элементы социальной подсистемы логически вытекают из элементов личностной подсистемы, основываются на них, тесно взаимосвязаны. Поэтому нам представляется целесообразным объединение личностной и социальной подсистем в структуре социально-технологической культуры будущих специалистов – управленцев в единую личностно-социальную подсистему, в которой доминирующую роль будет играть именно личностная составляющая. Таким образом, в структуре социально-технологической культуры будущих специалистов в сфере государственного и муниципального управления мы предлагаем выделить две подсистемы – личностно-социальную и технологическую [4].

Содержание технологической подсистемы социально-технологической культуры было детально изучено рядом автором, в частности И.В. Бурмыкиной, А.А. Ткачевым, Т.И. Морозовой, М.В. Петровой, В.Д. Симоненко [3]. Поскольку анализ результатов различных исследований позволяет утверждать, что в проведенных исследованиях основное внимание было направлено на выявление содержания технологической составляющей социально-технологической культуры [3], считаем целесообразным сделать акцент на более детальном изучении личностно-социальной составляющей социально-технологической культуры будущих специалистов в сфере государственного и муниципального управления.

Анализ существующих структурных моделей социально-технологической культуры, процесса ее формирования, а также фундаментальных теорий личности, подтолкнул нас к мысли о необходимости построения концептуальной модели личностно-социальной подсистемы социально-технологической культуры будущих специалистов-управленцев.

В основу формирования факторной и структурно-функциональной моделей личностно-социальной подсистемы социально-технологической культуры нами была положена функционально-динамическая структура личности А.И. Щербакова, которая состоит из четырех взаимосвязанных функциональных подструктур [2].

Первая подструктура – система регуляции, включающая в себя комплекс сенсорно-перцептивных механизмов, обеспечивающих взаимодействие человека с внешним миром и регуляцию поведения индивида. Вторая подструктура – система стимуляции, в которую входят темперамент, интеллект, знания и отношения. Третья подструктура – система стабилизации, которую составляют направленность, способности, самостоятельность и характер. Четвертая подструктура – система индексации, содержащая гуманизм, коллективизм, оптимизм и трудолюбие [2].

Анализ существующих структурных моделей социально-технологической культуры и процесса ее формирования позволил нам определить основные факторы формирования личностно-социальной подсистемы социально-технологической культуры. Объединив факторы в три группы, мы попытались построить факторную модель личностно-социальной подсистемы социально-технологической культуры будущих специалистов в сфере государственного и муниципального управления.

К первой группе относятся так называемые личностные (внутренние) факторы, которые, на наш взгляд, представлены такими факторами как рефлексивный, поведенческий, эмотивный, регулятивный, мотивационный, аксиологический, когнитивный.

Вторая группа факторов представлена так называемыми социальными (внешними) факторами, которые формируются и реализуются только во взаимодействии индивида с другими людьми и внешней средой. К ним, по нашему мнению, относятся коммуникативный, интерактивный, перцептивный, статусно-ролевой, деятельностный, организационный, управленческий факторы.

В третью группу факторов входят так называемые социально-биографические факторы, а именно пол, возраст, состояние здоровья, состояние в браке, уровень образования, должностной статус, материальное положение [4].

Продолжая анализ, мы пришли к необходимости компонования вышеперечисленных факторов в бинарные группы на основе их функциональной взаимосвязи.

Таким образом, в группе личностных факторов у нас получились следующие бинарные компоненты – рефлексивно-когнитивный, эмоционально-волевой, мотивационно-ценностный, когнитивно-регулятивный.

Группа социальных факторов представлена такими бинарными компонентами как коммуникативно-интерактивный, статусно-перцептивный, социально-деятельностный, организационно-управленческий [4].

Выделение бинарных компонентов в структуре личностно-социальной подсистемы социально-технологической культуры – некая абстракция, четкие границы между ними провести сложно, элементы каждой бинарной группы и сами бинарные компоненты в структуре подсистемы взаимосвязаны и взаимопроникают.

Объединив бинарные группы компонентов в некую структуру, мы попытались построить структурно-функциональную модель личностно-социальной подсистемы социально-технологической культуры студентов – будущих специалистов в сфере государственного и муниципального управления.

1. **Рефлексивно-когнитивная подсистема** включает в себя такие компоненты как рефлексия, самооценка личности, особенности поведения индивида и регуляция собственного поведения индивидом.

2. **Эмоционально-волевая подсистема** состоит из таких элементов как эмоциональная устойчивость (уравновешенность) и волевые качества индивида.

3. **Мотивационно-ценностная подсистема** в структуре личностно-социальной составляющей социально-технологической культуры представлена мотивационно-потребностной сферой и ценностными ориентациями личности.

4. **Когнитивно-регулятивная подсистема** представлена особенностями мышления индивида и уровнем его субъективного контроля.

5. **Коммуникативно-интерактивная система** в структуре личностно-социальной составляющей социально-технологической культуры представлена коммуникативными способностями индивида и особенностями его взаимодействия с окружающими.

6. **Статусно-перцептивная подсистема** объединяет в себе такие структурные элементы как социально-групповые роли индивида и особенности межличностного восприятия.

7. **Социально-деятельностная подсистема** личностно-социальной составляющей социально-технологической культуры включает в себя особенности направленности личности и деятельностную активность будущих специалистов.

8. **Организационно-управленческая подсистема** включает в свой состав такие элементы как организаторские способности и стиль управления индивида [4].

Анализ результатов различных прикладных исследований дает основания утверждать, что большинство современных менеджеров не обладают социально-технологической культурой, позволяющей эффективно решать стоящие перед ними задачи, поэтому очевидна необходимость анализа процесса ее формирования и развития [3].

Кроме того, в проведенных исследованиях было детально раскрыто содержание технологической подсистемы социально-технологической

культуры, в меньшей степени изучено содержание социальной составляющей, и практически не изучено содержание личностной подсистемы [3]. Поэтому в своем исследовании мы посчитали необходимым и целесообразным сделать акцент именно на детальном изучении содержания личностно-социальной подсистемы в структуре социально-технологической культуры будущих специалистов.

В данной статье мы остановимся на подробном анализе рефлексивно-конативной подсистемы социально-технологической культуры студентов-управленцев. Она состоит из следующих компонентов: самооценка, рефлексия и локус контроля.

Самооценка – это оценка личностью самой себя, своих возможностей, качеств и места среди других людей. Это важный регулятор поведения личности. От нее зависят взаимоотношения человека с окружающими, его критичность, требовательность к себе, отношение к успехам и неудачам, она влияет на эффективность деятельности и дальнейшее развитие личности. Самооценка тесно связана с уровнем притязаний человека – желаемым уровнем самооценки, степенью трудности целей, которые он ставит перед собой, а также выбор субъектом цели очередного действия, формирующейся в результате переживания успеха или неуспеха ряда прошлых действий [1].

Рефлексия означает адекватное понимание субъектом своих собственных индивидуальных особенностей и того, как они проявляются во внешнем поведении, а также объективное осознание того, как он воспринимается другими людьми. Другими словами, это способность видеть себя как бы со стороны и объективно оценивать свои личностные качества и особенности поведения [1].

Локус контроля – качество, характеризующее склонность человека приписывать ответственность за результаты своих действий внешним силам (экстернальный, внешний локус контроля), либо собственным способностям и усилиям (интернальный, внутренний локус контроля). Это, по сути, представление человека об источнике его достижений и неудач. Интерналы считают, что их достижения зависят, прежде всего, от их личностных свойств; экстерналы, напротив, убеждены, что их успехи или неудачи зависят, прежде всего, от внешних факторов и обстоятельств, на которые они не могут оказывать влияния [1].

Изучение актуального состояния социально-технологической культуры студентов было проведено нами на базе Института управления НИУ «БелГУ». В исследовании приняли участие студенты 1-5 курсов дневного отделения направления «Государственное и муниципальное управление». Объем экспериментальной выборки составил 125 человек, из них 88 девушек и 37 юношей в возрасте от 17 до 22 лет.

Исследование актуального состояния социально-технологической культуры студентов мы проводили на основе структурно-функциональной модели личностно-социальной подсистемы социально-технологической культуры, структурные элементы которой выступили последовательными этапами исследования. Рефлексивно-конативную подсистему мы

диагностировали с помощью методик «Выявление самооценки личности» и «Уровень субъективного контроля» [4].

Качественный и количественный анализ содержания структурных компонентов личностно-социальной подсистемы позволили нам определить показатели (критерии) уровня сформированности каждого компонента личностно-социальной подсистемы социально-технологической культуры. В частности, в рефлексивно-конативной подсистеме показателем сформированности социально-технологической культуры считается адекватная самооценка, развитая рефлексия и интернальный локус контроля.

Адекватная самооценка предполагает критическое отношение к себе, постоянное примеривание своих возможностей к предъявляемым жизнью требованиям, умение самостоятельно ставить перед собой осуществимые цели, строго оценивать течение своей мысли и её результаты, подвергать тщательной проверке выдвигаемые идеи, вдумчиво взвешивать все доводы «за» и «против», отказываться от неоправдавшихся гипотез и версий. Адекватная самооценка поддерживает достоинство человека и дает ему нравственное удовлетворение, ведет к гармоничности духа, обеспечивает разумную уверенность в себе [2].

Развитая рефлексия выступает в форме осознания индивидом того, как он воспринимается и оценивается другими людьми. Это не просто знание и понимание субъектом самого себя, но и выяснение того, как другие знают и понимают «рефлектирующего», его личностные особенности, особенности поведения, эмоциональные реакции и когнитивные представления [2].

Поведенческий (конативный) компонент обеспечивается высокой степенью самоконтроля и в то же время естественной спонтанностью реакций. Он проявляется в возможности человека рассуждать и действовать независимо от посторонних влияний, в инициативности, активности человека, в умении не обезличиваться в группе и не утверждать свое Я за счет подавления свободы других людей, в способности отстаивать свои интересы социально приемлемым образом, в осознанности своих действий и поступков. Критерием эффективности такого поведения можно считать достижение субъектом собственных целей [1].

Анализ рефлексивно-конативного компонента личностно-социальной подсистемы социально-технологической культуры студентов позволил выявить содержание рефлексивного элемента, который в нашем исследовании измерялся уровнем самооценки, и конативного элемента, представленного уровнем субъективного контроля (локуса контроля) у студентов Института управления.

Анализ уровня самооценки у студентов Института управления позволил выявить следующие результаты. 52% испытуемых имеют адекватную самооценку, что означает объективное оценивание ими своих личностных качеств, достоинств и недостатков, собственных возможностей и способностей, уверенность в себе; наличие развитой рефлексии, т.е. умения объективно оценивать не только самого себя, но и реально осознавать как собственные личностные качества и особенности поведения воспринимаются и оцениваются окружающими.

19,2% опрошенных имеют завышенную самооценку, т.е. чрезмерно уверены в себе, в своей правоте, переоценивают собственные возможности и способности и недооценивают недостатки, либо вовсе убеждены в отсутствии таковых, вследствие этого ставят перед собой недостижимые цели, склонны вступать в частые конфронтации с окружающими, не обладают рефлексией, поскольку не способны видеть себя со стороны и объективно понимать как их оценивают окружающие.

28,8% респондентов имеют заниженную самооценку, что говорит о неуверенности в себе и своих силах, преуменьшении своих возможностей и способностей, преувеличении недостатков, преувеличенном чувстве вины и гиперответственности, склонности к внутренним конфликтам и стрессам и как следствие неразвитой рефлексии [4].

Анализ уровня субъективного контроля у студентов-управленцев показал следующие результаты. 55,2% испытуемых являются носителями интернального локуса контроля, т.е. обладают высоким уровнем ответственности за свои действия, во всех своих неудачах и неприятностях винят, прежде всего, самих себя, проявляют большую активность в поисках информации, умеют хорошо использовать данные, содержащиеся в неопределенной ситуации; склонны конструктивно действовать в ситуациях, когда рушатся их первоначальные намерения; предпринимают определенные шаги, чтобы преодолеть препятствия; считаются с информацией о результатах своих действий, их поступки зависят от предыдущих успехов и неудач; устойчивы к давлению общественного мнения, являются неконформистами, их взгляды трудно изменить.

27,2% опрошенных являются носителями экстернального локуса контроля, т.е. во всех своих неудачах и неприятностях склонны обвинять других людей и внешние обстоятельства, а успехи приписывать единолично себе; не считаются с информацией о результатах своих предыдущих действий, не способны конструктивно действовать в ситуациях, когда рушатся их первоначальные намерения; не подготовлены к ситуациям возникновения препятствий на пути к достижению цели; в большинстве случаев являются конформистами, т.е. зависимы от общественного мнения.

17,6% респондентов принимают решения и действуют в зависимости от ситуации, т.е. когда им это удобно и выгодно, могут проявлять как интернальные, так и экстернальные черты. Чаще всего промежуточные показатели говорят о несформированности уровня субъективного контроля, т.е. он находится в процессе становления [4].

Таким образом, в результате проведенного исследования в целом была выявлена положительная тенденция к формированию социально-технологической культуры по рефлексивно-когнитивному компоненту в структуре личностно-социальной подсистемы, поскольку данный компонент можно считать сформированным в достаточной степени у большинства студентов. Это является хорошей предпосылкой для общего формирования и последующего развития социально-технологической культуры студентов-управленцев.

Подводя итоги исследования, можно сделать следующие выводы. Скорее всего, будущих специалистов в сфере государственного и муниципального управления сравнительно успешно готовят к освоению и использованию профессиональных социальных технологий и недостаточно успешно – к применению социальных технологий в сфере индивидуально-личностного развития. Современный образовательный процесс слабо ориентирован на формирование и развитие у будущих менеджеров социально-технологической культуры в силу несовершенства учебных программ, недостаточной включенности в него специалистов-практиков. Для повышения качества социально-технологического образования будущих специалистов в сфере государственного и муниципального управления необходимо усиление практической составляющей социально-технологической подготовки, и в частности личностно-социального аспекта, формирование у студентов понимания значимости социально-технологической подготовки для современного менеджера и включение элементов социально-технологической подготовки в образовательный процесс.

Литература

1. Андреева, Г.М. Социальная психология. Учебник для вузов. / Г.М. Андреева. – М.: Аспект Пресс, 2007. – 376 с.
2. Асмолов, А.Г. Психология личности: принципы общепсихологического анализа / А.Г. Асмолов. – М.: Академия, 2008. – 415 с.
3. Бабинцев, В.П. Формирование социально-технологической культуры и социально-технологического мышления как условие развития профессиональной компетентности менеджеров / В.П. Бабинцев, Ж.А. Шаповал // Менеджмент в России и за рубежом. – 2011. – № 6. – С. 91-97.
4. Бурова, Е.В. Формирование и развитие социально-технологической культуры будущих специалистов в сфере государственного и муниципального управления: дисс. ... магистра / Е.В. Бурова. – Белгород: НИУ «БелГУ», 2013. – 151 с.

ПРОБЛЕМАТИЗАЦИЯ ИНТЕРНАЛИЗАЦИИ ОРГАНИЗАЦИОННОЙ КУЛЬТУРЫ СТУДЕНТАМИ ВУЗА

***И.А. Гулей,**
ассистент кафедры управления персоналом, НИУ «БелГУ»*

Модернизация современного образования России и деформация ценностных ориентаций студенческой молодежи, обуславливают активизацию процесса интернализации социальных ролей, способствующих развитию негативных тенденций и дисфункций. В частности, студенческая молодежь все менее становится склонной принимать требования, основанные на традиционных российских ценностях, все чаще ориентируется на вестернизированную модель поведения. В студенческой среде получают распространение различные формы девиантного поведения.

Именно поэтому существует настоятельная необходимость регулирования интернализации социальных ролей студентами. При этом под

регулированием (регуляцией) понимается приведение их в соответствие с эталонами и нормами, принятыми обществом. Однако для этого необходимо, прежде всего, условиться относительно того, какие социальные роли молодежи следует считать социально одобряемыми. Сделать это весьма непросто в условиях системного кризиса социума, дополняемого существенными издержками реализации идеи идеологии чешского плюрализма. При этом исключительно важно иметь ясное представление о специфике сознания студенческой молодежи, о ее готовности или неготовности принимать предлагаемые обществом социальные роли.

Кооперация общественных отношений студенческой молодежи, социализация молодых личностей происходит наиболее прогрессивно в период обучения в высшем учебном заведении. На современном этапе развития общества, университетская корпорация рассматривается как одно из звеньев социальной системы, способствующие укреплению социального порядка, интеграции и равновесия. Однако вуз как организация, на данный момент, обладая своей спецификой, остается слабо изученным объектом.

Высшая школа, как и любая организация, является управляемой системой. Однако, управленческая деятельность, осуществляемая в рамках высшей школы, имеет свою специфику, что в первую очередь детерминировано ее характером, уровнем профессионализма, интеллектуально насыщенного труда, «продукт» которого – цельная, развитая личность, обладающая всем комплексом знаний и навыков, необходимых для полноценной адаптации к сложнейшему, постоянно изменяющемуся контексту современности. Такая деятельность сопряжена с необходимостью решения множества организационно-психологических и управленческих проблем.

Вопросы формирования организационной культуры высшего учебного заведения в настоящее время являются одним из ведущих направлений исследования ученых в сфере организационного поведения, управления персоналом, социологии управления, инновационного развития высшего образования. Организационная культура как феномен социального развития вуза является мотиватором, регулятором, ценностно-ориентированным компонентом, который позволяет внутренним и внешним клиентам потреблять ее элементы. Студенты, как одни из главных потребителей организационной культуры вуза, через призму своего восприятия социальных явлений интернализируют организационную культуру в силу своих личностных особенностей. Процесс интернализации организационной культуры студентами учебного заведения, по нашему мнению, представляет собой клиентоориентированную траекторию построения организационной культуры (рис.).

С позиции данного подхода, необходимо определение студента как основного элемента (ядра) вузовской системы. Студент в структуре вузовской системы является отправной точкой для диагностики, формирования, внедрения и развития организационной культуры.

Рис. Студент как элемент вузовской системы

По нашему мнению, роль студента выступает как основного звена процесса формирования организационной культуры в вузе. На первом этапе студент вуза является Участником политики университета, в частности организационной культуры. Далее, участвуя и проявляя себя в различной деятельности университета (НИРС, общественная работа, студенческий совет, культурно-массовая работа), студент является Потребителем организационной культуры и тем самым составной частью организационной культуры. На этапе самоопределения и становления себя как профессионала (5 курс), студент выступает как Продукт или Результат организационной культуры вуза. Сформированная под воздействием различных факторов (университетская среда, воздействие преподавателей, практический опыт, профессиональная ориентированность) личность является «лицом» организационной культуры вуза. И наконец, необходимо рассмотреть роль студента как потенциального персонала организации. По окончании обучения в вузе, студент трудоустроивается, реализуя возможности сформированной организационной культуры вуза в конкретной организации. С другой стороны работодатель оценивает роль и степень эффективности организационной культуры студента для развития организации.

Организационная культура воздействует на каждого студента во время его адаптации, развития, психологического роста и обучения в вузе. Но как же организационная культура отражается в дальнейшей жизни специалиста? Ответ на этот вопрос достаточно прост. Организационная культура и после окончания вуза находится в неразрывной взаимосвязи работником как объектом профессиональной деятельности. Потенциальный работник в период обучения в вузе «потребляет» исторически сложившиеся ценности вуза, участвует в устоявшихся и развивающихся традициях вуза, соблюдает нормы и правила поведения в вузе, адаптируется в обществе с помощью различного рода символики вуза и т. д. В свою очередь организационная культура вуза, являясь почвой для развития и социализации молодого человека, становится неотъемлемым источником позиционирования студента в процессе трудоустройства и профессиональной деятельности. В дальнейшей профессиональной деятельности специалист привносит сформированную в период обучения в вузе организационную культуру в трудовую деятельность.

Таким образом, рассмотрение в качестве ядра студента, дает нам возможность говорить о таком свойстве организационной культуры как «клиентоориентированность».

Данное свойство организационной культуры в современных условиях рыночной экономики, автономизации высших учебных заведений и повышению требований к их конкурентоспособности, становится важным преимуществом вуза. Актуальность данного требования определяют, как необходимое условие, разработку мероприятий повышения уровня и оценки клиентоориентированности организационной культуры вуза.

Таким образом, процесс интернализации организационной культуры студентами вуза является неотъемлемым условием как формирования личности молодого специалиста, противодействия интеллектуальной, культурной, ролевой маргинализации, так и эффективной перспективой развития корпоративного управления в высшем учебном заведении.

НЕКОТОРЫЕ ОСОБЕННОСТИ МАРГИНАЛИЗАЦИИ И СОЦИАЛЬНОЙ МОБИЛЬНОСТИ СОВРЕМЕННОЙ МОЛОДЕЖИ В КОНТЕКСТЕ ВЫСШЕГО ОБРАЗОВАНИЯ

Гуляев И.И.,

*кандидат философских наук, доцент кафедры
социологии и организации работы с молодежью, НИУ «БелГУ»*

Современный вуз это не только учебное заведение осуществляющее подготовку специалистов в различных сферах современного общества. Высшее образование в современном обществе является важнейшим институтом социализации молодежи. Одновременно получение высшего образования является инструментом социальной мобильности. Диплом о наличии высшего образования это возможность и шанс повышения социального статуса. С таких позиций, в основном, и рассматривается современной молодежью получение высшего образования. В этом контексте вуз всего лишь одна из ступеней к получению определенного социального статуса. Многолетние наблюдения автора показали следующую закономерность – современные молодые люди, выбирая между обучением в средне-специальном учебном заведении с гарантированным по его окончании высоким заработком и обучением в вузе с последующей неопределенностью в трудоустройстве, выбирают второе. Данное обстоятельство показывает, что высшее образование в российском обществе по-прежнему рассматривается как важнейший институт получения высокого социального статуса. Коммерциализация и доступность высшего образования проявили следующую известную тенденцию – пройти обучение и получить диплом о высшем образовании может практически любой, независимо от способностей к обучению и реальной подготовки. Следуя этой тенденции, соответственно падает качество высшего образования и как не парадоксально престиж высшего образования.

Студенческая молодежь традиционно характеризуется социальной лояльностью, поиском эффективного вхождения в социальную и социопрофессиональную структуру общества. Как показывают данные социологических исследований, нуждающаяся молодежь ориентирована на перемену дипломной профессии, не рассматривает высшее образование как путь восходящей социальной мобильности, выражает сомнения по поводу легитимных способов жизнеустройства. Студенты негативно оценивают собственные жизненные перспективы, каждый третий придерживается внутренней или внешней маргинализации. Структурная маргинализация студенческой молодежи выражается в осознании неравенства стартовых возможностей, невозможности добиться жизненного успеха опираясь на собственные интеллектуальные и карьерные ресурсы. Возникает предрасположенность к социальной регрессии, социальному исключению. Невозможность устроиться по специальности или получить адекватное вознаграждение за трудовой вклад, неадекватные представления о своей позиции в социальной структуре российского общества влияют на схемы жизнеустройства, на связи с другими социальными слоями [1].

Процесс углубления социальной и имущественной дифференциации, происходящий в современном российском обществе, оказывает определяющее влияние на динамические характеристики процесса социальной мобильности современной молодежи. С одной стороны, усиленная дифференциация по имущественному и социальному признаку усиливает субъективный фактор процесса социальной мобильности, когда большая часть современных молодых людей сознательно стремится различными путями улучшить свое положение; с другой стороны, сложившаяся за последние годы стратификационная модель современного российского общества объективно не позволяет подавляющему большинству молодых людей совершить желаемый акт социального перехода из страты в страту. Таким образом, современная молодежь оказывается в центре противоречия между системой своих возрастающих потребностей и существующими способами их удовлетворения.

Необходимо отметить, что социальная мобильность проявляется не только в переходе индивида или группы от статуса к статусу, но и в движениях, направленных на сохранение существующего статуса. Для того, чтобы сохранить имеющийся социальный статус, индивиду приходится прилагать усилия, которые проявляются в интенсификации его социальных интеракций, в чем собственно и проявляется динамическое взаимодействие с социальной средой, то есть социальная мобильность. Такой тип социальной мобильности носит преимущественно латентный характер. Другим важным элементом феномена социальной мобильности выступает процесс социализации, который наиболее интенсивно происходит в молодежной социально-демографической среде. Функции социализации молодежи определяют основную сущность процесса мобильности данной генерации. Молодежь в большинстве случаев идентифицирует себя с определенным социальным слоем, и о своем социальном положении судит уже на основании проведенной самоидентификации, при этом среди определяющих факторов социальной

стратификации на первое место выходят экономические, прежде всего, уровень дохода.

Маргинализация студенчества является не разновидностью социальной дезинтеграции, она создает принципиально новую ситуацию «исключения» социальных слоев, их социальной дезориентации и создания «социального гетто». В российском обществе интеграция студенчества в общество стала «делом» студентов и их родителей. Модели интеграции посредством присоединения к социально-профессиональным группам потеряли значение, новый средний класс является квазиобразованием, поскольку не может претендовать на роль социального медиатора и настроен клиенталистски по отношению к элитным слоям. Поэтому студенчество не имеет социально-групповых ориентиров, не может определиться «как и с кем». Элитные слои не в состоянии по материальным и культурным соображениям «ассимилировать» студентов, к базисным слоям отношение студенчества, как «неудачникам» или «работягам», блокирует социальный консенсус [1].

Необходимо отметить, что социальная мобильность проявляется не только в переходе индивида или группы от статуса к статусу, но и в движениях, направленных на сохранение существующего статуса. Для того, чтобы сохранить имеющийся социальный статус, индивиду приходится прилагать усилия, которые проявляются в интенсификации его социальных интеракций, в чем собственно и проявляется динамическое взаимодействие с социальной средой, то есть социальная мобильность. Такой тип социальной мобильности носит преимущественно латентный характер. Другим важным элементом феномена социальной мобильности выступает процесс социализации, который наиболее интенсивно происходит в молодежной социально-демографической среде. Функции социализации молодежи определяют основную сущность процесса мобильности данной генерации. Молодежь в большинстве случаев идентифицирует себя с определенным социальным слоем, и о своем социальном положении судит уже на основании проведенной самоидентификации, при этом среди определяющих факторов социальной стратификации на первое место выходят экономические, прежде всего, уровень дохода и уровень полученного образования. И если в недавнем прошлом само высшее образование рассматривалось как ценность, то современная молодежь большое значение придает качеству полученного образования и статусу учебного заведения.

Можно выделить несколько путей развития социальной мобильности молодежи в современном российском обществе. Первый – социальные действия ориентированы на достижение желаемых статусов социально-одобряемыми правомерными путями. Такой путь для большинства молодых людей связан с возникновением серьезных препятствий и возникновением ряда фрустрационных состояний, преодоление которых потребует максимальных усилий; второй – социальные действия ориентированы на достижение желаемых статусов социально – одобряемыми, но неправомерными путями. В современной России сложилась ситуация когда ряд важнейших моральных норм вошел в острое противоречие с нормами юридическими,

которые в значительном количестве случаев практически перестали выполнять функции удовлетворения коллективных и индивидуальных потребностей; третий – социальные действия ориентированы на измененные (генерированные взамен недостижимых) желательные статусы, достижение которых может происходить с помощью различных комбинаций путей – социально-одобряемых, социально не одобряемых, правомерных и противоправных [2] Любой из указанных путей связан с пониманием в обществе и в частности политической элитой необходимости предоставления молодежи социально-одобряемых путей социальной мобильности. Определяющим условием здесь выступает возможность получения молодыми людьми качественного высшего образования, а также эффективная деятельность всей системы образования в социализации подрастающего поколения.

Литература

1. Зарубин Е.Н. Маргинализация российского студенчества (Структурный аспект): дис. ... канд. социол. наук: 22.00.04: Новочеркасск, 2004. – 122 с.
2. Гуляев И.И. Высшее образование как условие социализации, социальной мобильности и социальной активности молодежи в современном российском обществе // Воспроизводство интеллектуального капитала в системе высшего профессионального образования : материалы Всероссийской научно-практической конференции с международным участием. – Белгород, 18-22 ноября 2013 г.

ПРОБЛЕМА ТРАНСЛЯЦИИ КУЛЬТУРНО-ЦИВИЛИЗАЦИОННЫХ СОЦИОКОДОВ В СИСТЕМЕ ВЫСШЕГО ОБРАЗОВАНИЯ¹

Е.Г. Каменский

*кандидат социологических наук,
доцент кафедры философии и социологии
Юго-Западного государственного университета*

Проблема трансляции культурно-цивилизационных социокодов общества в социальную перспективу, особенно в их аксиологических характеристиках, в системе высшего образования в настоящее время крайне актуальна и дискуссионна. Она охватывает все многоуровневое, иерархически сложное пространство социокультурной среды и образовательного пространства высшей школы.

К.А. Руденко отмечает: «В начале XXI в. проблемы сохранения традиционных ... ценностей становятся чрезвычайно актуальными. Процесс глобализации неизбежно ведет к разрушению сложившихся стереотипов поведения и ментальности, традиционного восприятия не только социальных ролей и этических ценностей, но и художественных образов, сформированных этнокультурной средой, а так же в их репродукции и трансляции» [1]. Говоря о

¹ Работа выполнена в рамках реализации проекта РГНФ по поддержке молодых ученых, грант № 12-33-01417.

данных процессах, К.А. Руденко основную роль в сохранении и трансляции образцов национальной культуры отводит системе образования. В свою очередь, мы также полагаем, что в контексте глобализации культуры общества потребления, унификации и механической суммативности культурного многообразия даже в рамках конкретных национальных границ тех или иных общностей, институт образования выступает основным агентом социализации поколений через сохранение их культурной преемственности, то есть трансляции ценностей и норм не только профессиональной, но и всего многообразия форм культуры.

Тем не менее, проблема трансляции культурно-цивилизационных социокодов в системе высшего образования требует ее дифференциации как минимум на три проблемных области. В первую очередь, необходимо описание самой системы высшего образования, что было осуществлено нами ранее. Во-вторых, необходимо операционализировать понятие социокода, как объекта трансляции. И, в третьих, понять современные особенности трансляции в институциональной системе как социокультурного процесса.

Операционализация понятия социокода в современной научной теории является достаточно динамичным проблемным полем, что отражает объективные затруднения формирования дефиниции такого обширного по своему содержанию феномена. Первенство в отношении введения понятия социокода относят к М.К. Петрову [2], анализировавшему проблемы знаково-языковых кодов, знания, смыслов культуры с междисциплинарных социогуманитарных позиций. В настоящее время, одной из наиболее методологически ценных в данной области является работа А.В. Филатовой [3], опирающаяся во многом на положения его теории. Основываясь на позициях указанных авторов, мы будем понимать социальные коды как содержательное единство образовательно-информационного, трансляционно-коммуникативного и проективно-деятельностного, зашифровывающее ценности, заложенные в основание развития социокультурной среды. Следовательно, ценностный компонент кодирования отражает функцию трансляции смыслов социальной жизнедеятельности и является репрезентирующим эти смыслы референтом в широчайшем спектре возможных форм социальных практик. При этом, знак, как транслируемый феномен [4], составляет сущность социокода, пролонгируя в будущее закодированные формы общественной жизни прошлого. То есть выступает, в терминологии М.К. Петрова, социальным геном. При этом социокоды транслируются в мировоззренческие структуры индивидуального субъекта в системе последовательности «знание – индивид – деятельность» в виде типизированных программ решения столь же типизированных задач. Но транслируются через «воспитателя» (в широком смысле слова), привносящего данные структуры как данность в субъективные системы субъектности. В последствии они реализуются в деятельности. Но существуют уже, возможно, в трансформированном субъектом виде, пройдя через индивидуальные системы интерпретаций [5]. Из продуктов трансформации исходного социокода впоследствии формируется содержание транслируемого, но как правило с сохранением фундаментальных, универсальных признаков того или иного типа

культуры. С учетом высказанного М.К Петровым положения относительно роли «воспитателя», в нашем случае понимаемого как система высшего образования, объективируется ее социальный статус и роль в процессах трансляции культурно-цивилизационных социокодов в процессе исторического развития общества. То есть сами социокоды представляют собой многообразные формы ценностно-смысловых паттернов культуры, отражающих базовые, фундаментальные основания ее структуры, способов опредмечивания социальной памяти (социальные практики), коррелирующие к ней.

Образование в настоящее время является по сути единственным социальным институтом, функциональный набор которого определяется именно задачей трансляции социокодов как процесса обеспечения жизнеспособности определенного типа культуры через преемственность его смыслового и ценностно-нормативного пространства, даже с учетом его неизбежной социально-исторической трансформации.

Таким образом, сама функция трансляции ценностно-нормативного контекста среды является основной для институциональной системы высшего образования, ее реализация и содержание определяет собственно социокультурный потенциал этого социального института. В научной периодике данной проблеме уделено значительное внимание. В частности, А.О. Карпов описывает современную ситуацию следующим образом: «Смена типов культуры требует адекватных эволюционных изменений в системе образования, поскольку без этих изменений система образования продолжает транслировать архаичный социальный опыт, причем искажаемый происходящими переменами. В свою очередь, такой искаженный архаичный транслятор привносит в систему складывающихся социокультурных отношений «мутации», чуждые как для старого, так и для нового типов культуры, нарушая тем самым не только их преемственность, но и общий вектор социокультурного развития» [6].

В данном случае мы полагаем определить для целей исследования некоторые содержательные аспекты в цитируемом выше мнении, при сохранении его методологической значимости. В первую очередь, вопрос искаженности и архаичности транслятора, в качестве которого здесь понимается система высшего образования, требует пояснения. Искаженность может быть выражена деформацией как структуры системы транслятора, так и ее функционального комплекса. При этом оба вида деформаций могут присутствовать и одновременно, так и обособленно, образуя, либо не образуя отношения детерминации и корреляции, причем как в интра, так и в интер-аспекте, либо комплексно. Таким образом, проблема трансляции состояния среды системой высшего образования уже только в социально-хронологическом аспекте крайне сложна и должна быть дифференцирована определенным образом, в зависимости от формулировки частных задач исследования. В первую очередь необходимо учитывать два наиболее существенных параметра процесса трансляции:

1. Содержание транслируемой информации и смыслов, то есть социокода в широком смысле слова;

2. Состояние транслятора и особенности его влияния на процесс трансляции.

В данном случае учитываются описанные А.О. Карповым особенности процесса трансляции, но уже в границах более операционально стабильного исследовательского конструкта, позволяющего произвести теоретическую верификацию представленных в научной литературе и авторских выводов по изучаемой проблеме. Кроме того, методологически ценными являются выявленные им особенности социокультурной трансляции образовательных систем [7]:

1. Образование как социальный институт в условиях сложившегося типа культуры обеспечивает трансляцию социального опыта, посредством чего воспроизводятся и развиваются доминирующие типы общественных отношений.

2. Передача знаний является лишь одним из компонентов процесса социокультурной трансляции в образовании, отражающих и воспроизводящих все многообразие социального опыта.

3. Транслируемые знания, наряду с другими компонентами процесса социокультурной трансляции, отображают профессиональную структуру, ожидания и приоритеты общества.

4. Состояние уровня профессионального образования обуславливается качеством трансляции социокультурного опыта на предшествующих образовательных этапах социализации.

В данном случае, экстраполируя приведенные выше тезисы на все элементы иерархической структуры образовательной системы, мы можем прийти к выводу, что трансляция осуществляется почти через все функции высшего образования, кроме того что сама она является его фундаментальной институциональной функцией. Следовательно, нарушения функционального строения системы высшего образования деформируют и процесс передачи социального опыта поколений в перспективу социокультурного развития.

Отметим также, что субъектность и ее содержание в процессах трансляции в высшем образовании определяется как центральная тема российского образования во многих научных исследованиях данной проблемы, опирающихся на национальную культурную традицию и менталитет, отражающий трансцендентные качества «русской души». Например, Т.А. Рубанцова [8] в соответствии с аксиологическими основаниями русской цивилизации говорит о трех принципах образования, позволяющих транслировать ценности в русской культуре. Первый – принцип индивидуальности, то есть сохранение уникальности субъекта. Второй – принцип целостности, подразумевающий основной целью образования формирование целостной личности. Третий – культуросообразности образования, подразумевающий его самого в качестве историко-культурного феномена.

По нашему мнению именно третий принцип, описанный Т.А. Рубанцовой, наиболее полно отражает институциональную функцию трансляции образования, в том числе и высшего. В данном аспекте

проявляются и указанные нами выше связи локализованных контекстов процесса трансляции социокодов в образовательной среде высшей школы. Это согласуется с целью высшего образования по воспроизводству социальной структуры общества, но содержание которой понимается гораздо шире, нежели существующий в определенный момент времени тип общественной стратификации. В первую очередь, речь идет о трансляции и воспроизводстве ценностно-нормативной матрицы через формирование определенного типа субъекта социальных отношений, чему способствуют частные функции института высшего образования. В данном случае базовая институциональная функция трансляции обеспечивается частными функциями системы высшего образования для достижения его базовой цели – воспроизводства социальной структуры (стратификационной, ценностно-нормативной, мировоззренческой и др.) посредством декодирования социокодов в образовательной деятельности.

В научной периодике отражены мнения о необходимости определения параметров порядка функциональной системы высшего образования, иллюстрируя дихотомию традиции и инновации, как выражение проблемы содержания трансляции и самих социокодов в современный период общественного развития. Например, Т.Л. Михайлова и О.С. Петрова отмечают: «...система образования обладает важнейшей функцией обеспечения воспроизводства общества с помощью трансляции опыта, знаний, ценностей и норм культуры от поколения к поколению. Эти функции свидетельствуют о праве системы на неприкосновенность ее устойчивых параметров» [9]. Тем не менее, упомянутые параметры в цитируемой работе отчетливо не просматриваются, между тем как их определение является важнейшей задачей современного периода реформы образования, от успеха решения которой возможно будет зависеть функциональная целостность и социальная роль данного института. Таким образом, фундаментальный вопрос, поиск ответа на который должен определять современные тенденции исследований означенной проблематики, в этом случае заключается в том, какие именно параметры системы высшего образования необходимо должны сохраняться, чтобы обеспечивать процесс трансляции культурно-цивилизационных социокодов в социальную перспективу.

Литература

1. Руденко К.А. Образовательные учреждения и трансляция культурного художественного наследия // Вестник Казанского государственного университета культуры и искусств. – 2012. – №1. – С. 61-63.
2. Петров М.К. Язык, знак, культура. – М.: Едиториал УРСС, 2004. — 328 с.
3. Филатова А.В. Значения и смыслы понятия «социокода» в современной социально-философской мысли // Гуманитарный проект Руниверс. URL: <http://www.runivers.ru/philosophy/logosphere/103772/> (дата обращения: 14.11.2013).
4. В понимании гораздо шире лингвистического.
5. Петров М.К. Язык, знак, культура. – М.: Едиториал УРСС, 2004. – С. 29-32.
6. Карпов А.О. Особенности социокультурной трансляции в современной системе среднего образования // Личность. Культура. Общество. – 2003. – Т.V. – Вып.3-4 (17-18). – С.310—311.

7. Карпов А.О. Особенности социокультурной трансляции в современной системе среднего образования // Личность. Культура. Общество. – 2003. – Т.V. – Вып.3-4 (17-18). – С. 314-315.

8. Рубанцова Т.А. Образование как способ трансляции ценностей в русской культуре // URL:<http://bibliofond.ru/view.aspx?id=115146>

9. Михайлова Т.Л., Петрова О.С. INCRUSTATIO: консервативные технологии в модернизации системы современного образования // Фундаментальные исследования. – 2013. – №10. – С.455-459.

МОЛОДЕЖНЫЕ ОБЩЕСТВЕННЫЕ ОРГАНИЗАЦИИ КАК СРЕДСТВО ПРОТИВОДЕЙСТВИЯ ИНТЕЛЛЕКТУАЛЬНОЙ МАРГИНАЛИЗАЦИИ МОЛОДЕЖИ

Т.Н. Крисковец,

*кандидат педагогических наук, доцент,
Оренбургский государственный педагогический университет*

А.П. Желудкова,

*магистр кафедры педагогики Высшей школы,
направление «Воспитательная работа с молодежью»,
Оренбургского государственного педагогического университета*

Данная статья посвящена изучению молодежных общественных объединений как средство противодействия интеллектуальной маргинализации молодежи. Автор исходит из понимания молодежных общественных организаций, как особых «переходных» структур, способных помочь молодым людям самореализоваться, социализироваться в обществе, расширить свой кругозор, тем самым противодействуя интеллектуальной маргинализации. Анализирует молодежную среду, виды и деятельность молодежных объединений.

Наше общество не стоит на месте, с каждым годом появляется все больше и больше новых направлений в спорте, общественной жизни, огромный спектр выбора профессий, регистрируется огромное количество общественных объединений различного характера. Что заставляет молодых людей каждый день делать выбор, в этом им зачастую помогают родители и учебное заведение. Порой тенденции растущие в обществе не всегда бывают позитивными, а молодежь как лакмусовая бумага первой реагирует на перемены в окружающей среде и, к сожалению, в основной части эта реакция бывает не совсем адекватной и может принимать самые, что ни на есть страшные формы. Для того что бы обозначить этот процесс и выделить группу лиц, которые отклонились от социальных норм ввели новый термин «маргинал». Изначально в 1920-годы он обозначал людей находящихся на границе различных социальных групп, культур, систем, и испытывающий воздействие их противоречащих норм, ценностей и т.д. В современном русском языке это слово часто также употребляется как синоним понятия

деклассированный элемент – представитель социального «дна» [1]. Выделение нового термина стало отправным пунктом для постановки проблемы маргинальности, это было связано с процессами миграции. В частности, понятие «маргинальная личность» было предложено Р.Э. Парком для выделения культурного статуса и самосознания иммигрантов, оказавшихся в ситуации необходимости адаптации к совершенно новому для них городскому образу жизни [2].

Однако сама постановка проблемы принадлежит, скорее, Г. Зиммелю, впервые рассмотревшему социальный тип «чужака» как социальную универсалию. Последующие исследования (У.Г. Самнер, Э. Стоуквист, Р. Мертон, Э. Дюркгейм) показали, что культурная и интеллектуальная маргинальность – всего лишь один из видов маргинальности. Кроме этого, выделяют социальную, структурную, ролевую и другие виды маргинальности.

Маргинальность стала пониматься не только как результат межкультурных этнических конфликтов, но и как следствие, социально-политических процессов. Кроме того, возможно более широкое, формальное понимание маргинальности как универсального культурного феномена, коренящегося в групповых условиях человеческого существования. «Маргинальность – состояние групп и индивидов в ситуации, которая вынуждает их под влиянием внешних факторов, связанных с резким социально-экономическим и социально-культурным переструктурированием общества в целом, изменять свое социальное положение и приводит к существенному изменению или утрате прежнего социального статуса, социальных связей, социальной среды, а также системы ценностных ориентации». Маргинализации молодежи способствует не только ущербная система социализации, блокирование каналов самореализации, но и отсутствие в ее сознании социокультурных механизмов этой самореализации, что приводит к уродливым формам самовыражения, к различным видам девиантного поведения, (наркотики, вандализм, национализм и др.) и дезориентации.

Так же одним из наиболее важных аспектов интеллектуальной маргинализации можно выделить, это не занятость молодежи, её отчуждение от процессов, происходящих в обществе, пассивность в принятии важных политических, культурных и других решений. Обучение в школе, высшем либо средне специальном заведении и участие общественной жизни страны ради «галочки». Для того, что бы предотвратить эти процессы государство организовало целый ряд общественных институтов, так как само образование уже не имело статуса «воспитательной основы», в некоторых случаях она утратила новизну процессов, оставаясь и видя нравственное и интеллектуальное воспитание в старом русле, не поспевая за развитием общества [3]. Значительные политические, экономические и социальные преобразования происшедшие в России с конца 80-х гг. прошлого века оказали существенное влияние на появление в стране новых молодежных течений, движений и группировок. Некоторые из них, возникшие, в самом начале как спонтанные, музыкальные или другие субкультурные сообщества, постепенно переродились в хорошо организованные агрессивные группировки.

Борьба с интеллектуальной маргинализацией требует содействия и поддержки со стороны всего гражданского общества, которое является мощным фактором противодействия, способным, не допуская деградацию молодежи, и важную решающую роль в этом могут сыграть детские, молодежные и спортивные организации.

Сегодня в нашей стране нарастает тенденция формирования различного рода неформальных молодежных организаций. И среди подобных структур наиболее привлекательными для молодежи являются крайне правые и крайне левые экстремистские организации, дающие ощущение риска, романтики, возможности активных действий и не делающие упора на моральные и умственные качества индивида.

Цели у них одни, они не ставят целью извлечение прибыли, а живут «идеями». Массовая организация сильна уже своим составом, объединяя значительное число молодых людей, занимает достойное место в обществе, в политической системе, государственном и общественном управлении. Такая организация имеет свои филиалы – структуры на всех территориальных уровнях.

Располагая существенными возможностями, она может создать молодым людям условия для разрешения насущных проблем и удовлетворения их интересов. Позитивные стороны имеют и малочисленные организации. Как правило, они ставят перед собой небольшие задачи, в решении которых заинтересованы все объединившиеся в организацию, осуществляя эти задачи совместными действиями. Главное – не противопоставлять эти организации, не делать однозначных выводов, не считать, что одни могут иметь право на существование, а другие – нет. Молодой человек должен сам определять, какая ему нужна организация, и максимально использовать ее возможности. Объединяясь по мотивам удовлетворения общности интересов, детские, молодежные, спортивные организации способствуют реализации основной стратегии молодежной политики – ориентированное решение проблем конкретного человека, группы, сообщества. Помимо обсуждения способов решения той или иной проблемы, молодежные организации предоставляют некие преимущества для развития конкретного человека как личности в контексте определенной общественной культуры. Важное место в гражданско-патриотическом воспитании занимают организации исторической направленности, воссоздающие материальные и духовные традиции, проводящие экспедиции и историко-познавательные молодежные лагеря. В некоторых регионах России при участии общественных организаций создаются также клубы молодой семьи, где молодые люди могут получить психологическую и юридическую помощь, расширить круг общения. Действенная экономическая помощь молодым людям в организации их занятости – это создание сети молодежных бизнес-инкубаторов, формирующие новые рабочие места, которые также регистрируются в форме молодежных общественных организаций. Но возможны и организации, придерживающиеся вполне определенной политики, ведущие политическую деятельность, участвующие в общественно-политической жизни общества, выборах органов

власти, провозглашении политических деклараций. Учитывая, что молодежь – категория населения, не только нуждающаяся в помощи, но и способная оказать ее, идет также развитие волонтерского движения интеллектуальное, культурное и физическое развитие молодежи [4].

Этим направлением занимаются практически все многоцелевые молодежные организации и множество досуговых и творческих объединений. Молодежные общественные организации при поддержке государства проводят спортивные соревнования, в том числе по различным видам единоборств, военно-техническим видам спорта, автомобилизму, фестивали авторской песни, самодеятельных театральных коллективов, чемпионаты по брейк-дансу и конкурсы граффити, выставки молодых художников и фотографов. В современных условиях особое значение приобретает развитие информационного обеспечения молодежи – во многих областях и районах существуют молодежные издания и газеты. Понимание того, что интеллектуальная маргинализация – это путь в никуда, многие молодежные организации России активно вступили в борьбу с интеллектуальной маргинализацией в молодежной среде. И это – самое весомое доказательство того, что механизмы формирования культуры мира в обществе реальны, жизненны, лично и общественно значимы, возможны и востребованы, ожидаемы и утверждаемы различными силами при наличии доброй воли и объединенных усилий [5].

Некоммерческие организации (в том числе и молодежные, и детско-юношеские), могут создаваться для достижения социальных, благотворительных, культурных, образовательных, научных и управленческих целей, в целях охраны здоровья граждан, развития физической культуры и спорта, удовлетворения духовных и иных нематериальных потребностей граждан, защиты прав, законных интересов граждан и организаций, разрешения споров и конфликтов, оказания юридической помощи, а также в иных целях, направленных на достижение общественных благ. В настоящее время на территории Оренбургской области действует около 130 некоммерческих организаций. К ним относятся и межрегиональные, и региональные, и местные общественные объединения, общественные организации, общественные фонды, благотворительные фонды, религиозные объединения, региональные отделения политических партий, казачьи общества, а также иные предусмотренные законами некоммерческие организации, в том числе и молодежные, и детско-юношеские и спортивные некоммерческие организации.

Российские реформы и преобразования вызвали к жизни много различных общественных движений. Сегодня в России действует более 427 тысяч молодежных и детских общественных объединений. Среди них общероссийские, международные, межрегиональные, региональные, местные. По инициативе одной из крупных организаций Оренбургской области «Федерации детских организации» постоянно проходят акции, конкурсы, семинары для развития личности, раскрытия её потенциала. Регулярно организуются профильные лагеря для разных слоев населения в возрасте от 14 до 25 лет. В содержание этих лагерей входит гражданско-патриотическое,

спортивное, профориентационное, интеллектуальное воспитание. Создана четкая система поощрения участников сборов, а так же возможность реализовать себя, и стать не просто участником сбора, а так же быть в рядах организаторов. Наиболее отличившиеся активисты награждаются путевками во Всероссийский детский центр «Орленок», находящийся на побережье Черного моря [6].

Участие молодежных организаций в борьбе с проявлениями интеллектуальной маргинализации является важным показателем нетерпимости данного явления в обществе. И важное место в общей системе профилактики молодежного экстремизма отводится деятельности именно детских молодежных, спортивных общественных объединений, задачей которых является организация позитивного развивающего досуга подростков и молодежи. Но чтобы их деятельность была эффективной и привлекательной для молодого поколения, требуется подобным объединениям оказание органами власти системной комплексной поддержки.

Это позволит развить материально-техническую базу, кадровый, социальный, творческий потенциал общественных организаций. При этом, должно стать главным в профилактике интеллектуальной маргинализации путем просвещения молодежи, школьников – это привитие им знаний о традициях и культуре других народностей, проведение соответствующих уроков толерантности [7]. Только общие усилия, создание атмосферы национального согласия, терпимости и взаимопонимания, станут мощным заслоном развития интеллектуальной маргинализации в обществе, в том числе и среди молодежи.

Литература

1. The Stranger (From Kurt Wolff (Trans.). The Sociology of Georg Simmel. New York: Free Press, 1950, pp. 402-408.
2. Абрамова М.А. Маргинальность как социокультурный феномен // Вестник НГУ. Сер.: Философия / Гл. ред. Диев В.С. – Новосибирск: НГУ. – Т.4. – вып. 1. – 2006. – С. 86-91.
3. Балабанова Е.С. и др. Маргинальность в современной России. – Москва: Моск. Обществ. науч. фонд, 2000. – 208 с.
4. Голенкова З.Т., Ичитханян Е.Д., Казаринова И.В. Маргинальный слой: феномен социальной идентификации // Социологические исследования. – 1998. – №8.
5. Навджавонов Н.О. Проблема маргинальной личности: постановка задачи и определение подходов // Социальная философия в конце XX века. Деп. рук. – М., 1991. – С. 149.
6. Погодин И. В. Генезис неформальных молодежных формирований в России // Закон и право. – 2008. – № 5. – С. 89-91.
7. Попова И.П. Маргинальность. Социологический анализ. – М., 1996. – С. 3.
8. Сергеев А.С. Контркультурная оппозиция в современной России. – М., Норма. – 2006. – 654 с.
9. Уиланд А. «Негражданское общество» в России // Цена ненависти. Национализм в России и противодействие расистским преступлениям. – М.: Статус, 2005. – 516 с.

РАЗВИТИЕ КОГНИТИВНЫХ ПОТРЕБНОСТЕЙ СТУДЕНТОВ КАК ФАКТОР УСПЕШНОГО ОВЛАДЕНИЯ ПРОФЕССИЕЙ СИСТЕМЫ «ЧЕЛОВЕК-ЧЕЛОВЕК»

О. А. Папанова,

*кандидат психологических наук, ст. преподаватель
кафедры управления персоналом, НИУ «БелГУ»*

Профессиональное становление специалиста – сложный, непрерывный процесс «проектирования» личности. Осведомлённость о своей будущей специальности способствует развитию активности студента, формированию личностной модели самодвижения к профессиональным вершинам, к профессиональному мастерству [3].

Существование любой профессии зависит от человеческих потребностей, от своеобразного социального заказа. Развитие профессии всегда связано с достижениями научно-технического прогресса. Через профессию происходит включение человека в систему коммуникаций по поводу профессии, что и создаёт проблему усовершенствования взаимодействия.

Во взаимодействии существуют различные уровни:

1. Сенсорный (на уровне анализаторов и органов чувств).
2. Уровень построения личностного смысла, определения предмета взаимодействия («Это для меня, Моя профессия»).
3. Уровень использования социальных норм (социальная значимость, общепринятая норма действия).

Развитие коммуникаций по поводу профессии и сохранение содержания профессиональной деятельности возможно при наличии меняющегося предмета взаимодействия – предмета профессиональной деятельности. Кроме того, профессия как предмет должна меняться (то есть меняется ориентация на культурные ценности, увеличивается влияние на индивидуальную судьбу человека, происходит рождение новых идей). Для самого профессионала освоение предмета профессионального взаимодействия предполагает включение его в содержание Я-концепции. Это может выглядеть как осознание: «Я понимаю (чувствую, знаю), почему я этим не занимаюсь».

Характерно, что представители профессии типа «человек – человек», постоянно работающие с людьми, в том числе и социальные работники, подвержены опасности профессиональной деформации больше, чем представители профессий других типов. Это вызвано тем, что общение с другими людьми обязательно включает и их воздействие на социального работника. М. Скалли и Б. Хопсон [4], исследующие проблему социальной и психологической помощи, считают, что существуют три основные цели консультирования: помощь другим в их самоусилении, личностное развитие самого помощника и создание здоровых микро- и макросистемы для функционирования индивидуумов. При этом они настаивают, что главной является вторая цель – личностное развитие помощника, так как видят здесь залог эффективности консультирования. Ряд других авторов также

подчёркивают, что помощник может помочь в той степени, обучить тому уровню осознания себя и тем навыкам, которыми владеет он сам [5].

Помощникам необходимо осознавать и прояснять для себя свои собственные социальные, экономические, политические, нравственные и культурные ценности и быть способными идентифицировать и отделять их от ценностей своих клиентов. Дело в том, что помощники, так же как и другие люди, видят в окружающих отражение своих собственных черт, поэтому для видения другого и понимания его необходимо видеть границу между образом себя и образом другого человека. Это обеспечивает более высокую вероятность адекватной направленности и в конечном итоге эффективности оказываемой помощи. Но для того, чтобы быть в этом уверенным, помощнику необходимо постоянно осознавать динамику своего собственного личностного развития.

В профессиях, связанных с взаимодействием человек-человек, огромное значение имеет ориентация на другого как равноправного участника взаимодействия. Существует немного профессий, в которых ценностный подход к профессиональной деятельности оказывал бы такое влияние на индивидуальную судьбу профессионала и судьбу другого человека. Особенно важна способность к гуманистической, нравственной реакции в профессиональной деятельности.

В профессиональной деятельности существует большое количество фантомов. Фантомы профессиональной деятельности – это не только безличные формы готового знания (алгоритмы осуществления профессиональной деятельности), но и мифы, знания, принятые на веру, до сих пор существующие в обществе. Таким образом, отмечают Г.С. Абрамова и Ю.А. Юдчиц, специалист имеет дело с двумя реальностями: неодушевлённой (фантомы и инструкции) и живой реальностью – жизнью своей и других людей. Возникает соблазн отождествления этих двух реальностей и создания иллюзии простоты.

Очень часто именно в процессе обучения приобретается функциональный подход к человеку. В процессе освоения профессиональной деятельности, предполагающей не только взаимодействие с другими людьми, но и направленное воздействие на них, часто нарушаются динамические характеристики мышления. Это связано, во-первых, с освоением готовых форм знания, позволяющих профессионалу осознавать логичность собственных действий. Во-вторых, на специалисте лежит огромная ответственность за благополучие, а часто и за жизнь людей.

В широком смысле профессиональное воспитание – это функция трудовой и общественной жизни: в узком смысле – функция учебного заведения, специально создающего условия для решения проблемы подготовки высококвалифицированных специалистов, гуманистически ориентированных, способных осуществлять свою деятельность в условиях постоянно изменяющегося мира и в нестандартных ситуациях. Время учёбы в вузе можно условно разделить на два основных этапа: этап младших курсов, когда происходит адаптация молодого студента к учебному заведению, к деятельности в условиях вуза, и этап старших курсов (обычно начиная с

третьего) – основной этап профессионального самоопределения студента как будущего специалиста [2].

Молодость – важный этап развития умственных способностей: существенно развиваются теоретическое мышление, умение абстрагироваться, делать обобщения. Происходят качественные изменения в познавательных возможностях. Развитие интеллекта в молодости тесно связано с развитием творческих способностей, предполагающих не просто усвоение информации, а проявление интеллектуальной инициативы и создание чего-то нового. Творческая активность молодого человека предполагает умение преодолеть обыденные представления, а иногда и выходить за рамки строгого логического следования и выводов, обращаясь к необычным связям и аналогиям [1]. И стандартизация мышления, желание действовать по уже отработанному шаблону, является способом (достаточно примитивным) не брать на себя ответственность, защититься от случайностей, атипичных ситуаций.

Самоактуализация, по мнению А. Маслоу, это «потребность человека стать тем, кем он способен стать». Человек, достигший высшего уровня своих потребностей, добивается полного использования своих талантов, способностей и потенциала личности. В нашем исследовании для определения уровня самоактуализации мы использовали опросник А. Шостром «Самоактуализация личности». Методика позволяет оценить основные параметры самоактуализации личности, такие как ценностные ориентации, уровень познавательных потребностей, креативность и другие. Опрос проводился среди студентов 3-5 курсов БелГУ.

В результате первого среза было выявлено, что на 5-м курсе более высокий разброс оценок по параметру «познавательные потребности» ($F=2,17$), в целом отмечено снижение познавательных интересов к 5-му курсу, хотя оно не имеет статистической значимости. На наш взгляд это можно объяснить тем, что при включении в практическую деятельность на 3-м курсе у студентов в среднем устойчивые познавательные потребности, к 5-му курсу ситуация изменяется в сторону большей дифференциации интересов в связи с поставленными задачами.

Далее нами был проведен формирующий эксперимент. Контингент испытуемых был представлен студентами третьего курса дневного отделения Белгородского государственного университета.

Анализируя изменения, которые произошли в параметрах самоактуализации, мы выявили, что в контрольной группе отмечено изменение показателей параметра «Взгляд на природу человека» на более негативные ($t=4,26$, при $p<0,05$). Скорее всего, это связано с тем, что у студентов, сталкивающихся на практике с реальными проблемами и трудными клиентами и не имеющих возможности получить квалифицированную помощь психолога, проанализировать и отреагировать свои проблемы, возникает негативное отношение к людям вообще. В ходе экспериментальной программы, когда студентов обучали сменам ролевых позиций, умению задействовать механизмы эффективного общения, например, идентификацию (умение поставить себя на место другого человека – клиента или сотрудника), было выявлено более позитивное отношение к природе человека ($t=-4,85$, при $p<0,05$).

Еще один параметр самоактуализации, показатели которого увеличились в ходе эксперимента, – познавательные потребности ($t=-5,56$, при $p<0,05$). Однако данный параметр изменился статистически значимо и в контрольной группе ($t=-2,85$, при $p<0,05$), что свидетельствует о росте познавательных потребностей при включении студентов в практическую деятельность, когда необходимо проверять свои знания в реальной деятельности и студент сталкивается с недостаточностью собственных знаний. В то же время расширяются представления о собственной профессии, открываются те ее стороны, которые еще не были изучены в теории, что подталкивает студентов к самообучению. Это свидетельствует о том, что студент пытается восполнить информационный вакуум специальных знаний, который возникает у него, когда необходимо действовать на практике.

В целом по итогам программы в экспериментальной группе показатели познавательных потребностей значительно выше, чем в контрольной ($t=3,64$, при $p<0,05$), что свидетельствует об усилении познавательных интересов при режиме полного благоприятствования для саморазвития.

Литература

1. Галагузова, М.П. Азбука студента [Текст] / Ю.Н. Галагузова, Г.Н. Штинова. – М.: Владос, 2000. – 76 с. : ил. – (Б-ка студента).
2. Поддубная, Т.К. Когнитивный компонент самосознания в процессе профессионализации : учеб. пособие [Текст] / Т.К. Поддубная. – Белгород: Изд-во БелГУ, 2000. – 129 с.
3. Ясюкова, Л.А. Социально-психологическое прогнозирование профессионального развития руководителя : автореф. дис. ... канд. психол. наук [Текст] / Л.А. Ясюкова; ЛГУ. – Л., 1988. – 16 с.
4. Social work practice : treating common client problems [Text] / ed. by Н. Е. Briggs, К. Cocoran. – Chicago : Lyceum Books, 2001. – 467 p.: ill.
5. Thornton, P.I. The relation of coping, appraisal and burnout in health workers [Text] / P.I. Thornton // J. Psychol. – 1992. – Vol. 126, № 3. – P. 261-271.

ИНТЕЛЛЕКТУАЛЬНАЯ МАРГИНАЛИЗАЦИЯ ЛИЧНОСТИ В РОССИЙСКОМ ОБРАЗОВАНИИ¹

Е.В. Субботина,

*магистрант кафедры философии и социологии
Юго-Западного государственного университета*

*Научный руководитель: Е.Г. Каменский,
кандидат социологических наук, доцент
кафедры философии и социологии*

Юго-Западного государственного университета

Современная социальная реальность находится под влиянием всеобщей маргинализации. Несмотря на то, что изначально данный термин являет собой результат межкультурных этнических конфликтов, сегодня его стоит

¹ Работа выполнена в рамках реализации проекта РГНФ по поддержке молодых ученых, грант № 12-33-01417.

рассматривать уже через призму последствий социально-политических процессов. Одним из примеров таких последствий можно считать интеллектуальную маргинализацию личности. Данная тема является крайне актуальной для современного общества.

Причины интеллектуальной маргинализации личности в России многогранны. Наряду с качеством жизни населения (нищета, плохие условия жизни, отсутствие жизненных перспектив и т.д.) к ним можно отнести и некорректную управленческую деятельность государственного аппарата (неспособность адекватно реагировать на вызовы постиндустриального мира, отсутствие готовности к принятию скорых и качественных решений по осуществлению «революции в управлении» на всех уровнях). Однако особого внимания в перечне причин интеллектуальной маргинализации личности заслуживает недостаточное финансирование образования. На него в России из федерального бюджета выделяется не более 4% ВВП, в то время как в Южной Корее в течение последних 20 лет – до 20% ВВП, в Японии – 14% ВВП, в Финляндии – 18% [1].

Значение системы образования в социально-экономическом развитии общества огромно: а) именно оно определяет качество трудовых ресурсов, а значит, и состояние экономики в целом; б) являясь одним из факторов воспроизводства социально-профессиональной структуры общества, образование влияет и на его духовную жизнь, посредством культурно-воспитательной функции, формируя самосознание человека, его отношение к себе и окружающим, стимулируя человека к расширению и обогащению знаний о мире, о самом себе, делая его интеллектуально развитым. Тем не менее, сегодняшняя система образования претерпевает значительные изменения, и они во многом «антигуманны».

С принятием нового Федерального закона об образовании Российское образование перестало быть общедоступным благом. Сегодня в стране на законодательном уровне реализуется минимизация государственной ответственности и финансирования образования. Теперь основное финансирование образования осуществляют местные власти, что впоследствии приведет к большой разнице между финансированием школ в разных регионах и неравному доступу к образованию [2].

Наряду со школьным реформируется и высшее образование. Активно проводится мониторинг эффективности вузов, однако критерии оценки деятельности высших учебных заведений, которые министерство избрало с подачи Высшей школы экономики, «не имеют никакого отношения к образованию» [3]. В этом случае подобная процедура приведет к закрытию не только «слабых» вузов, но и даже тех, что за всю свою историю гордились высококвалифицированными кадрами и передовыми выпускниками. Теперь же перспектива такова: в ближайшем будущем в РФ останется по одному государственному вузу на областной центр. Это при том условии, что сейчас на территории России действует 1080 учреждений высшего образования, из них 653 государственных и 462 негосударственных вуза. Для сравнения: в США эта цифра больше в пять раз и составляет 5758 вузов. Интересно отметить: по

итогах переписи 2010 года население Америки составляло более 300 миллионов человек, в России – 140 миллионов. Итого, населения в США больше в два раза, а вузов – в пять. Получается следующее: если из 100 % американских школьников студентами могут стать 40 процентов, то в России при прочих равных – примерно 12,5 %; если в Штатах на одно место в вузе претендуют 2,5 человека в возрасте от 16 до 24 лет, то в России – 1,5 абитуриента (и это при разнице в количестве возможных абитуриентов в 140 миллионов человек) [4]. Даже такие простейшие арифметические операции заставляют задуматься не только над средствами, но и над целями политики Российского государства в области высшего образования.

Помимо «безжалостного» сокращения вузов, подобная тенденция наблюдается и с количеством в них бюджетных мест, с одновременным значительным ростом цен на коммерческие отделения. Так, по словам министра образования РФ Дмитрия Ливанова, ежегодная стоимость одного студента для государства должна составлять не 60, а 200-250 тысяч рублей (с учетом того, что большинство россиян находятся за чертой бедности) [4]. А сокращение обязательной школьной учебной программы неизбежно сделает хорошее образование платным уже со школьной скамьи. Иными словами, правительство делает все, чтобы образование в стране принадлежало «элите». Но доступность образования – не единственная проблема. Его качество также под угрозой.

До сих пор критикуется принятие единого государственного экзамена. Преувеличенная роль ЕГЭ, недоработки в его составлении и процедуре проведения, неоправданные затраты на его реализацию – это лишь небольшие пробелы, образующие большую дыру в качестве Российского образования. Отсутствие международного признания российских стандартов среднего образования (вместе с тем крайне ограниченное признание за рубежом российских дипломов о высшем профессиональном образовании) значительно усугубляет настоящее положение вещей.

Сокращение учительского и преподавательского состава также, несомненно, пагубно скажется на качестве образования. Уже сейчас прослеживается процесс отчуждения учеников и учителей. Сделав ставку на компьютеризацию и технологизацию образования, государство разрушает модель школы как глубокого общения между людьми, где учителю нужно увлечь ученика своим любимым делом. А если его не увлечь, то никакие самые передовые технологии не смогут достичь тех же результатов, каких удалось бы добиться настоящему учителю-энтузиасту. Важно отметить, что, согласно международному мониторингу оценки качества школьного образования PISA, проводимому Организацией по экономическому сотрудничеству и развитию (ОЭСР), система российского школьного образования находится на 40 месте в мире с тенденцией ежегодного понижения ее уровня [5].

Наконец, наиболее противоречивым моментом реформированного Российского образования является введение и развитие многоуровневого высшего образования, в соответствии с Болонским процессом. Это нововведение упрощает «утечку мозгов», вымывает фундамент российской научной среды. Но, в первую очередь, такое «слепое» следование Западнему

образцу, по оценкам российских экспертов в области образования, привело к путанице с учебными программами. Степень специалиста в ЕС и большинстве стран, которые участвуют в Болонском процессе, отсутствует, что является блоком каналов самореализации выпускников Российских вузов прошлых лет. Но в целом самой серьезной проблемой интеграции российской системы образования в Болонский процесс является неполная информированность должностных лиц как о текущем положении дел в российском и европейском образовании, так и о целях Болонского процесса.

Все вышеперечисленное свидетельствует о критическом состоянии системы Российского образования, что, в свою очередь, приводит к усилению интеллектуальной маргинализации личности в России и деградации интеллектуального потенциала страны. Для эмпирического описания указанных положений в 2013 г. на территории Курской области было проведено социологическое исследование методом экспертного опроса. Количество опрошенных составило 65 человек, из них 45% мужчин и 55% женщин. Доверительная вероятность равна 95%, ошибка выборки не превышает 5%, что обеспечило репрезентативность полученных результатов.

В качестве экспертов были выбраны и опрошены сотрудники научно-образовательных учреждений г. Курска: профессорско-преподавательский и административно-управленческий состав ведущих вузов региона (Юго-западного государственного университета, Курского государственного университета, Курской государственной сельскохозяйственной академии, Курского государственного медицинского университета, Академии госслужбы), преподавательский и административно-управленческий состав Курского монтажного техникума, заслуженные учителя года Муниципального бюджетного общеобразовательного учреждения средней общеобразовательной школы с углубленным изучением отдельных предметов №52 г. Курска, сотрудники Научно-исследовательского центра (г. Курск) ФГУП «18 ЦНИИ» МО РФ, госслужащие Администрации Курской области, сотрудники УМВД России по Курской области, сотрудники курской телекомпании «Сейм», Информационного агентства «KurskCity», представители бизнес-сообщества: руководящий персонал компаний ООО «Новая волна», ООО «ГКС».

Результаты опроса показали, что актуальность проблемы интеллектуальной маргинализации личности в России признали около 75% респондентов, среди которых 50% женщины и 25% мужчины соответственно, 25% опрошенных сочли данную проблему не актуальной на сегодняшний день (рис. 1).

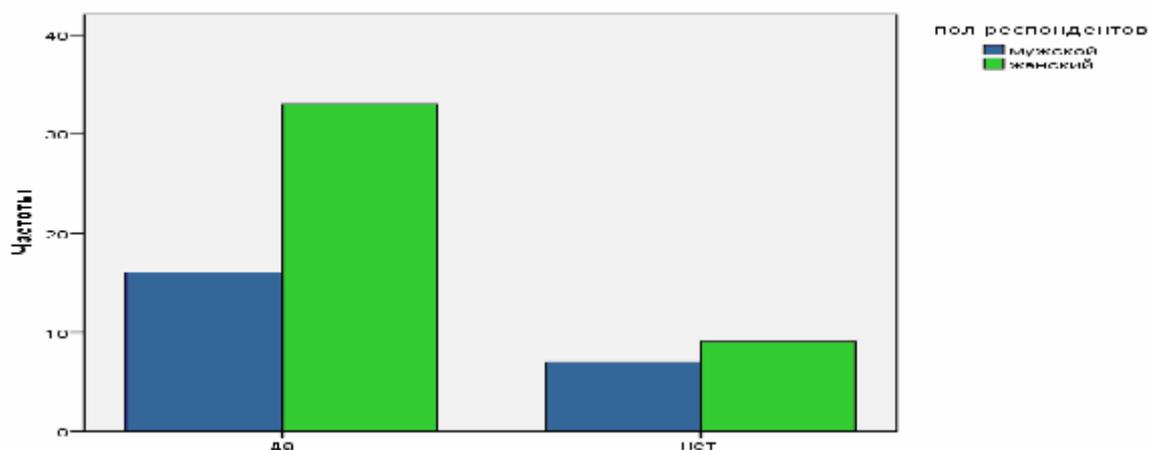

Рис. 1. Степень актуальности проблемы интеллектуальной маргинализации личности в России

Отметим, что тематика настоящей статьи ограничивается образовательным аспектом интеллектуальной маргинализации личности. В связи с этим в дальнейшем будут приводиться данные, касающиеся обозначенного фактора.

Итак, 16,9% опрошенных связывают интеллектуальную маргинализацию личности с понижением качества образования (рис. 2).

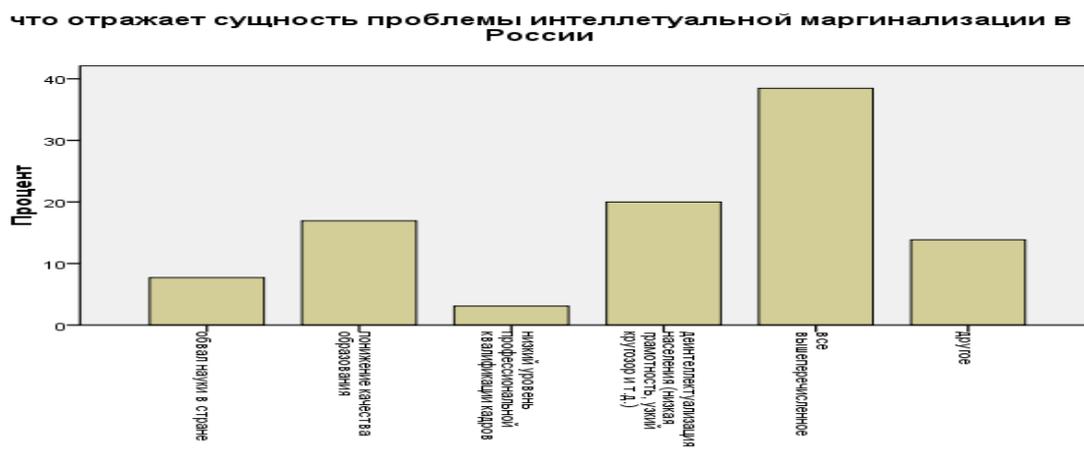

Рис. 2. Наполнение понятия «интеллектуальная маргинализация»

Степень распространенности проблемы интеллектуальной маргинализации личности в России детерминирована:

- наличием (количество и качество) образовательных учреждений (согласно мнению опрошенных, проблема интеллектуальной маргинализации личности сосредоточилась в районных центрах (50,8%), на долю сельских поселений и столичных регионов пришлось по 23,1% и 13,8%, соответственно; минимально процессу интеллектуальной маргинализации по данному признаку поддается областной центр – всего 6,2%) (рис. 3);

где проблема интеллектуальной маргинализации ощущима наиболее остро, если брать во внимание наличие (количество и качество) образовательных учреждений

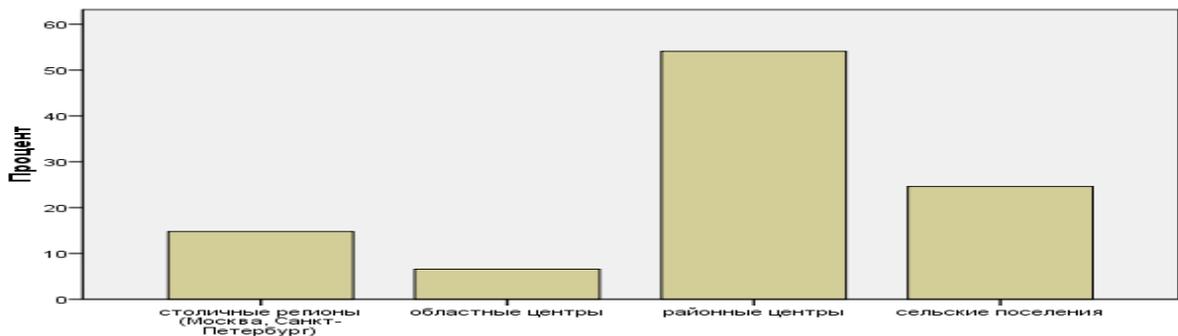

Рис. 3. Распространение интеллектуальной маргинализации по признаку наличия (количество и качество) образовательных учреждений

- грамотностью населения (интеллектуальная маргинализация личности распространилась в районных центрах (около 56,9%), в сельских поселениях (около 21,5%), в столичных регионах (12,3%) и в областных центрах (3,1%)) (рис. 4);

где проблема интеллектуальной маргинализации ощущима наиболее остро, если брать во внимание грамотность населения

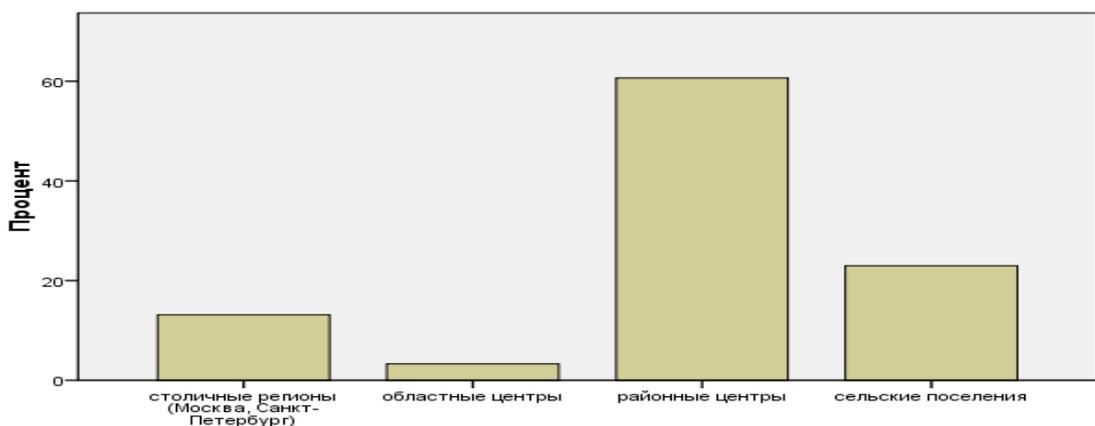

Рис. 4. Распространение интеллектуальной маргинализации по признаку грамотности населения

Таким образом, можно констатировать, что районные центры оказываются в пространстве локализации многих деструктивных факторов, провоцирующих потенции интеллектуальной маргинализации, что может быть признано репрезентативным состоянием и в отношении всего социокультурного пространства России.

Кризис системы образования и науки как причина возникновения и распространения проблемы интеллектуальной маргинализации личности в России, подтверждается 12,3% голосами респондентов (рис. 5).

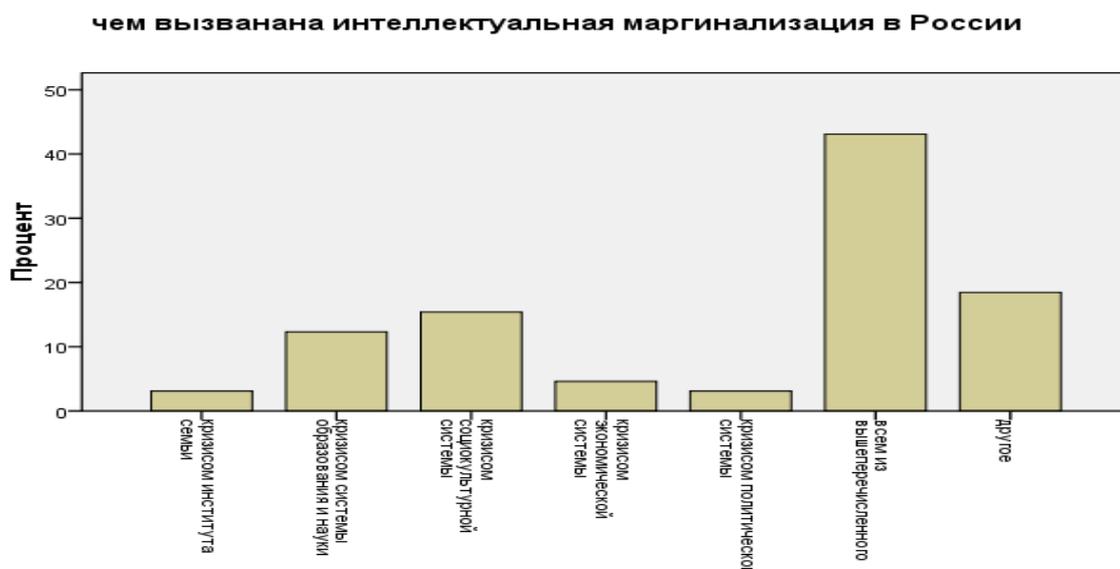

Рис. 5. Причины интеллектуальной маргинализации личности в России

Таким образом, на основании проведенного социологического исследования, можем сделать вывод о том, что одной из причин кризиса интеллектуального развития России выступает реформирование системы образования. Его модернизация по западному образцу, введение платной основы и разрушение научных кадров снижают качество образования, что стремительно усиливает угрозу интеллектуальной маргинализации личности в России. Бесмысленно утверждать, что образовательные реформы не нужны, но крайне важно, чтобы они были постепенны и обдуманны. В целом же, угроза интеллектуальной маргинализации в России детерминирована общим состоянием социокультурной, политической, экономической ситуаций, инициированными на уровне субъективного мировоззрения.

Литература

1. Свободная пресса «Молодежь в России деградировала и физически, и духовно. Только 10% выпускников школ совершенно здоровы» [Электронный ресурс]. URL :<http://kprf.ru/crisis/edros/95538.html> (дата обращения: 23.04.2014).
2. Сергей Рукшин «Под одну гребенку» // «Эксперт Северо-Запад» №17 (664) [Электронный ресурс]. URL :<http://expert.ru/northwest/2014/17/pod-odnu-grebenku/> (дата обращения: 23.04.2014).
3. Госдума: сцена и кулисы «Татьянин день и российская образовательная политика» [Электронный ресурс]. URL :<http://smolin.ru/duma/duma06/2013-01-25.htm> (дата обращения: 23.04.2014).
4. Правда.Ру «Закон об образовании: кому слёзы, кому толк» [Электронный ресурс]. URL :http://www.pravda.ru/society/family/pbringing/15-11-2012/1134782-minobr_law-0/# (дата обращения: 23.04.2014).
5. Википедия. Свободная энциклопедия «Образование в России» [Электронный ресурс]. URL:http://ru.wikipedia.org/wiki/%CE%E1%F0%E0%E7%E2%E0%ED%E8%E5_%E2_%D0%E2%F1%F1%E8%E8 (дата обращения: 23.04.2014).

Экономика знаний и интеллектуальный труд: декларация и риски

СТАНОВЛЕНИЕ ЭКОНОМИКИ ЗНАНИЙ В РОССИИ

А.Р. Гурбанов,
*аспирант кафедры менеджмента и информационных технологий
ФГБОУ ВПО «БрГУ», 2 курс*

Научный руководитель: А.М. Патрусова,
кандидат технических наук, доцент,
*зав. кафедрой менеджмента и информационных технологий
ФГБОУ ВПО «БрГУ»*

В настоящее время Российская Федерация стоит перед проблемой перехода к экономике знаний. Формирование данной экономики определяется выделением приоритетных направлений развития, к которым относятся образование и наука, здравоохранение, культура, информационно-коммуникационные технологии и связь, инновации. Всё это открывает новые возможности для развития и расширения всех социально-экономических сфер жизни [1]. А сама актуальность проблем становления экономики знаний предопределила выбор темы доклада.

С конца 90-х годов прошлого века широкое распространение в западной и отечественной науке получил термин «экономика знаний», введенный в научный оборот австрийским и американским экономистом Фрицем Махлупом в 1962 году. Этот новый тип экономики отличается от предшествующих ему аграрного и индустриального тем, что, хотя природно-материальные ресурсы продолжают выступать основой для создания экономических благ, рост и развитие всей хозяйственной системы обеспечиваются отныне уже не столько внешними, сколько внутренними, нематериальными факторами, важнейшими из которых выступают знания и человеческий капитал.

Переход мировой экономики в новое качественное состояние непосредственным образом связан с повышением роли теоретического знания, развитием высокотехнологичных отраслей, процессом увеличения доли сферы услуг, влиянием информационных технологий. Все указанные тенденции требуют особого исследования в свете появления новых теорий современной экономики (теории постиндустриальной, «новой», глобальной сетевой, информационной экономики), в том числе с целью определения места теории экономики знаний в их ряду. Нужен теоретический анализ системных изменений в экономике на микро- и макроуровнях. В то же время форсированное становление экономики знаний в Российской Федерации, по мнению большинства специалистов, является одним из главных условий устойчивого развития нашей страны как полноправного субъекта мирового хозяйства. Вследствие этого вопрос о формировании экономики знаний и

особенностях этого процесса представляется весьма актуальным и с научной, и с практической точки зрения.

В широком смысле экономика знаний – это экономика, в которой знания и инновации играют доминирующую роль в экономическом развитии [2]. Возникновение экономики знаний характеризуется возрастающей ролью знаний в качестве фактора производства и их существенным влиянием на квалификацию, обучение, организацию и инновации [3].

Можно вспомнить Герберта Уэллса, ещё в 1940 году писавшего: «Огромное и всё возрастающее богатство знаний разбросано сегодня по всему миру. Этих знаний, вероятно, было бы достаточно для решения всего громадного количества трудностей наших дней – но они рассеяны и неорганизованны. Нам необходима очистка мышления в своеобразной мастерской, где можно получать, сортировать, суммировать, усваивать, разъяснять и сравнивать знания и идеи».

Сегодня именно производство знаний служит основным источником роста экономики в развитых странах. О темпах развития этой тенденции говорит хотя бы то, что 90% учёных и инженеров, работавших за всю историю развития человечества, – наши современники, а среди всего объема знаний 90% созданы за последние три десятилетия.

В развитых странах 25% трудовых ресурсов сегодня занято в сфере науки и высоких технологий. В США 8% населения создают свыше 20% ВВП, а страна расходует на научно-исследовательские и опытно-конструкторские разработки (НИОКР) около 40% от общемировых затрат, около 66% работающих сегодня имеют высшее или незаконченное высшее образование (администрация намерена при жизни нынешнего поколения довести этот показатель до 90%). Показательны и данные по России (население – примерно 2,5% от мирового, ВВП – 2,5% от мирового, а расходы на НИОКР – заметно меньше 1% от мировых, при этом причиной всё большего числа отечественных техногенных катастроф официально признаётся «человеческий фактор», т.е. некомпетентность или неспособность совладать со сложной техникой (вспомним Саяно-Шушенскую ГЭС, бесчисленные падения спутников и ракет и т.п.) [4].

Сейчас вряд ли можно ставить вопрос о том, является ли экономика знаний новой эрой общественного развития, пришедшей на смену аграрной и индустриальной эпохам. Ведь так или иначе, знания – они переворачивают экономическую картину мира. Вот пример. Всем известна электронная игра «Тетрис». Её придумал программист Вычислительного центра Академии наук Алексей Пажитнов, и она принесла ему лично 15 тысяч долларов. Вычислительный центр, продав права на распространение игры фирме «Nintendo», получил 4 миллиона долларов, фирма же – свыше 1 миллиарда долларов.

Различия в трактовках экономики знаний определяются акцентами, расставляемыми в существующих исследовательских проектах и публикациях. В целом они сводятся к следующим центральным моментам:

1) знания становятся ключевым фактором роста наряду с капиталом и трудом – концепция знаний как ресурса;

2) производство знаний является наиболее важным и определяющим «лицом» современной экономики – концепция знаний как продукта;

3) кодифицированные знания становятся важнейшей компонентой экономических отношений – концепция кодифицированного знания;

4) знания базируются на развитии и изменении информационных и коммуникационных технологий (ИКТ) – концепция экономики знаний как важнейшего следствия развития информационного общества.

Как бы то ни было, научные знания, технологии и инновации, несмотря на свою важность во все времена, в современных условиях превращаются в критические факторы роста экономики и благосостояния. И для России особенно важно как можно скорее перейти к экономике знаний.

Основными целями государственной научно-технической политики для перехода к экономике знаний должны являться:

1) развитие, рациональное размещение и эффективное использование научно-технического потенциала;

2) увеличение вклада науки в развитие экономики государства;

3) улучшение защиты информационных ресурсов государства;

4) упрочение взаимосвязи науки и образования.

А экономическая политика государства должна базироваться на следующих фундаментальных принципах:

1) создание благоприятного инвестиционного климата и поощрение инвестиций, особенно в высокотехнологичные производства;

2) развитие науки и технологий в качестве важнейшего ресурса, питающего экономический рост;

3) создание и поддержка конкурентных условий для всех экономических агентов с целью поощрения инноваций и роста

4) производительность труда;

5) формирование трудовых ресурсов, способных к адаптации к быстро меняющимся условиям и имеющих навыки управления возникающими рисками;

6) стимулирование гибкой институциональной среды, прежде всего, в области государственного управления.

Роль государства в становлении экономики знаний должна быть основополагающей. И нужно понимать, что это не только инвестиции, но и формирование нормативно-правовой базы, освещающей абсолютно все аспекты новой инновационной интеллектуальной экономики, регламентирующей новые виды деятельности и общественные отношения.

Роль государства в становлении экономики знаний должна быть основополагающей. И нужно понимать, что это не только инвестиции, но и формирование нормативно-правовой базы, освещающей абсолютно все аспекты новой инновационной интеллектуальной экономики, регламентирующей новые виды деятельности и общественные отношения.

Законопроекты должны устанавливать контроль над взаимоотношениями участников рынка экономики знаний. К примеру, уже существует закон об авторском праве, использование которого гарантирует любому человеку, что знания и опыт, полученные им, будут принадлежать ему и будут являться его собственностью. То есть, занимаясь разработкой программного обеспечения производителю гарантируются права и возможность получения прибыли на рынке России. И чем меньше будет преступлений в области нарушения авторских прав, тем более привлекательным станет рынок для разработчиков.

Также возможно принятие стимулирующих законов, которые создавали бы благоприятные условия для развития экономики знаний. В качестве пример можно привести законопроект федерального закона "Об инновационной деятельности", разъясняющий, что же такое инновация, инновационный проект, инновационная деятельность, инновационная инфраструктура и т.д. Он предусматривает мероприятия по финансированию инновационной деятельности на федеральном, региональном и муниципальном уровнях. В пакете также были представлены несколько законопроектов, вносящих поправки в Налоговый кодекс РФ, связанные со снижением ставок единого социального налога для работодателей – научных организаций и инновационных предприятий, зарегистрированных в порядке предусмотренных законом о науке и научно-технической политики [5].

Внимание стоит уделять стимулирующим законам и в регионах. Такие законопроекты позволили бы создавать нужные условия для научных и инновационных проектов.

Ну и конечно же не стоит забывать, что основное значение имеет качество человеческого капитала. При его низком уровне инвестиции в высокотехнологичные отрасли не дают отдачи. Сравнительно быстрые успехи финнов, ирландцев, японцев, китайцев, корейцев позволяют сделать выводы о том, что фундаментом для формирования человеческого капитала является ментальность и культура основной массы населения этих стран. Трудолюбивые, законопослушные народы добиваются сравнительно быстрых успехов в развитии экономики. Причём, трудолюбие и уважительное отношение к семье и закону стоят на первом месте в этом процессе.

Литература

1. Рассказова Н.В. Проблемы перехода к экономике знаний в России и перспективы развития малого предпринимательства // Креативная экономика. – 2009. – № 7 (31). – С. 11-17. – <http://www.creativeconomy.ru/articles/2932/> (дата обращения 11.04.2014).

2. Our Competitive Future: Building the Knowledge Economy. United Kingdom Department of Trade and Industry: London, 1998.)

3. Houghton, John, and Sheehan, Peter. A Primer of the Knowledge Economy. Victoria University: Centre of Strategic Economic Studies. Melbourne, 2000.

4. Старцев А. Экономика знаний: прекрасное далеко. Статья из аналитического Журнала «Сегмент» № 6, сентябрь 2013, с. 18-23.

5. Закон для инноваций // Российская газета – Федеральный выпуск №5023 (199) от 21 октября 2009 г.

ПРИМЕНЕНИЕ ИНТЕГРАТИВНОГО ПОКАЗАТЕЛЯ КАЧЕСТВА МНОГОПАРАМЕТРИЧЕСКИХ СОЦИАЛЬНЫХ ОБЪЕКТОВ ПРИ ОТБОРЕ ВЫПУСКНИКОВ ТЕХНИЧЕСКИХ ВУЗОВ НА ВАКАНТНЫЕ ИНЖЕНЕРНО-ТЕХНИЧЕСКИЕ ДОЛЖНОСТИ¹

А.В. Морозова,

*кандидат социологических наук,
заместитель директора по НИР*

*Технологического института им. Н.Н. Поликарпова
ФГБОУ ВПО «Госуниверситет – УНПК», г. Орел*

А.Г. Крючков,
студент ФСПО

ФГБОУ ВПО «Госуниверситет – УНПК», г. Орел

В.О. Садоков,
студент ФСПО

ФГБОУ ВПО «Госуниверситет – УНПК», г. Орел

Введение. Актуализация проблемы исследования

Индивидуальная маргинальность в целом характеризуется неполным вхождением индивида в группу, которая его полностью не принимает, и его отчуждением от группы происхождения, которая его отторгает как отступника. Индивид оказывается «культурным гибридом», разделяющим жизнь и традиции нескольких различных групп.

В условиях функционирования современных промышленных предприятий и производственных фирм эта проблема стоит необычайно остро. Интеллектуальная маргинальность здесь проявляется в двух диаметрально противоположных вариантах. Причем каждая из этих ситуаций формирует потенциальный конфликт между социально-профессиональной группой специалистов, сформировавшейся в условиях определенного типа производства, и молодым специалистом (или малой группой молодых специалистов), включенным в этот коллектив.

Так значительная часть молодых специалистов, претендующих на замещение вакантных инженерно-технических должностей, формально, имея дипломы об окончании технических вузов, лишь отчасти имеет уровень культуры, требуемой современной социотехнической средой. Особенно остро это проявляется в условиях наукоемкого производства, которое требует от молодого специалиста наличие системы социально-профессиональных компетенций, сформированных на достаточно высоком уровне. При этом соискатель может иметь не только низкий уровень сформированности профессиональных компетенций, но и общий уровень культуры весьма далекий от требований профессионального сообщества. В этом случае потенциальным типом его поведения в профессиональной среде является девиация, которая

¹ Исследование выполнено при финансовой поддержке РФФИ в рамках научного проекта № 13-01-00147 а.

приводит к конфликту молодого специалиста, безразличного к результатам своего труда и качеству выпускаемой продукции в целом, и референтной социально-профессиональной группы, ориентированной на позитивное развитие производственной среды. Однако возможен и иной выход из сложившейся ситуации – интеграция индивида в референтную социально-профессиональную группу специалистов предприятия путем его активных действий, направленных на повышение уровня сформированности его индивидуальной системы социально-профессиональных компетенций.

С другой стороны, в условиях производства, имеющего значительный уровень отставания в области технической оснащенности и технологической культуры, наблюдается диаметрально противоположная картина, когда на вакантные должности приходят молодые специалисты, имеющие высокий уровень сформированности как социальных, так и профессиональных компетенций, обладающие высоким уровнем общей культуры. Выход из формируемого в такой ситуации конфликта, как правило, один – молодые специалисты покидают промышленное предприятия, следствием чего является деградация социально-производственной среды и разорение предприятия.

Если учесть, что маргинализация далеко не всегда приводит к «оседанию на дно» и сопровождается преимущественно горизонтальной, либо восходящей вертикальной мобильностью, то подобного рода конфликты в социотехнической среде промышленных предприятий и производственных фирм приводят либо к радикальным изменениям в этой среде, следствием которых становится техническое перевооружение производства и повышение его технологической культуры, что неизбежно влечет за собой изменение состава референтной социально-профессиональной группы, либо к полной дестабилизации производства, разрушению сложившихся традиций высокого качества и конкурентоспособности производственной среды и, как следствие, банкротству предприятий и к массовому понижению социального статуса его работников.

По нашему мнению, одним из подходов, который позволяет минимизировать потенциал формирования конфликтов между молодыми специалистами и референтной социально-профессиональной группой промышленного предприятия, является система целенаправленного отбора молодых специалистов для замещения вакантных инженерно-технических должностей с учетом специфических требований предприятия к каждой вакантной должности, основанная на использовании интегративного показателя качества многопараметрических социальных объектов.

Математическая модель квалиметрии и типизации многопараметрических социальных объектов (МСО) процесса социализации [1] позволяет не только рассчитать уровень сформированности каждой его социальной характеристики, получить вектор-строку уровней сформированности как системы социальных характеристик МСО, так и системы кластеров социальных характеристик МСО [2], [3], установив пороговые значения уровня сформированности каждого элемента множества кластеров социальных характеристик [4] и осуществив геометрическую интерпретацию представленной модели в форме полной и

кластерной параметрограмм (лепестковых диаграмм, описывающих уровень сформированности социальных характеристик объекта исследования).

Теоретико-методологическое решение проблемы исследования

Пусть многопараметрический социальный объект (МСО) описан системой кластеров социальных характеристик K_i , $i=1, \dots, l$, которые формируются в результате его социализации под воздействием определенной системы факторов социальной среды и имеют уровни сформированности T_i ; $i=\overline{1:l}$.

Кластерная параметрограмма МСО позволяет также решить вопрос о нахождении обобщенного параметра Z_p , характеризующего индивидуальный уровень сформированности системы социальных характеристик, которым обладает P -й МСО в результате процесса социализации. Этот параметр назовем интегративным показателем качества (ИПК) МСО.

Так как на формирование ИПК МСО Z_p оказывает влияние все множество кластеров социальных характеристик МСО K_i , $i=1, \dots, l$, то для P -го объекта ИПК МСО Z_p можно описать несколькими математическими моделями:

– по уровню достижения максимального значения среди всех имеющихся индивидуальных уровней сформированности кластеров социальных характеристик K_i , $i=1, \dots, l$, т.е.:

$$Z_p = \max \{T_i; i = \overline{1:l}\}; \quad (1)$$

– по уровню достижения минимального значения среди всех имеющихся индивидуальных уровней сформированности кластеров социальных характеристик K_i , $i=1, \dots, l$, т.е.:

$$Z_p = \min \{T_i; i = \overline{1:l}\}; \quad (2)$$

– по уровню достижения среднего значения среди всех имеющихся индивидуальных уровней сформированности кластеров социальных характеристик K_i , $i=1, \dots, l$, т.е.:

$$Z_p = \frac{\sum_{i=1}^l T_i}{l}. \quad (3)$$

Проведенный анализ показывает, что индивидуальный уровень сформированности ИПК МСО Z_p , которым обладает P -й объект и который рассчитывается по формуле (3), отражает совокупность индивидуальных социальных характеристик P -го объекта без учета факторов влияния внешней среды близкодействия [5], т.е. специфики влияния внутреннего социокультурного поля социализирующей среды. Если сравниваются между собой объекты, принадлежащие к одной социокультурной группе (например, выпускники, освоившие ООП одного направления подготовки специалистов в рамках одного вуза), то показатель Z_p позволит провести сравнительный

анализ и кластерных параметрограмм МСО, и уровня сформированности ИПК МСО в рамках одной социальной группы.

Если же сравниваются между собой МСО, в отношении которых процесс социализации реализовывался в разных социокультурных пространствах (например, выпускники, освоившие ФГОС ВПО одного направления подготовки специалистов, но окончившие разные вузы), то показатель Z_p следует скорректировать (с учетом основных показателей, характеризующих социализационную среду) ранговым коэффициентом k_v , характеризующим результативность социальных процессов в исследуемой среде. Таким образом, можно говорить о приведенном показателе ИПК МСО, который характеризует МСО как субъекта социального воздействия в условиях разных социальных сред:

$$\tilde{Z}_p = k_v \cdot Z_p. \quad (4)$$

На основании показателей $T_{p1}, T_{p2}, \dots, T_{pl}$, характеризующих для P -го МСО уровни сформированности кластеров социальных характеристик K_1, K_2, \dots, K_l , можно также построить и приведенную кластерную параметрограмму МСО, в которой кластеры K_1, K_2, \dots, K_l характеризуются уже приведенными значениями $k_v \cdot T_{p1}, k_v \cdot T_{p2}, \dots, k_v \cdot T_{pl}$. Если учесть, что в этом случае каждая социальная среда, в рамках которой был реализован процесс социализации МСО, имеет установленную систему пороговых T_i^{\min} , продвинутых T_i^v и высоких T_i^w уровней сформированности кластеров социальных характеристик K_1, K_2, \dots, K_l (они устанавливаются, например, для реализации ООП), то часть анализируемых объектов может «выйти из зоны благополучия», т.к. приведенное значение может удовлетворять условию: $k_v \cdot T_{pi} \leq T_i^{\min}$.

При этом особое значение приобретает вопрос о методике определения рангового коэффициента k_v , характеризующего результативность социальных процессов в исследуемой среде. Например, для промышленных предприятий, принимающих на вакантные инженерно-технические должности выпускников технических вузов, этот коэффициент должен отражать специфику формирования социокультурного поля вуза, в рамках которого реализуется конкретный ФГОС ВПО направления подготовки специалистов. По-нашему мнению, его целесообразно связать с рейтингом профильных вузов, формируемым Министерством образования и науки на основании официальных данных статистической отчетности, например, [6]. При составлении такого рейтинга учитывается множество параметров: состав и качество профессорско-преподавательского состава, количество студентов разных форм обучения, наличие студентов из других стран, объем проведенных научных исследований, издательская деятельность, обеспечение студентов общежитиями и др. Подсчет итоговых результатов проводится с учетом филиалов вузов. Таким образом, в данном частном случае коэффициент k_v может рассматриваться как ранговый коэффициент конкурентоспособности вуза и рассчитываться по формуле:

$k_v = \frac{1}{R_v}$, где R_v – номер позиции анализируемого вуза в рейтинге профильных вузов, формируемым Министерством образования и науки.

Пример применения предложенного решения проблемы

Рассмотрим пример применения процедуры оценивания уровня компетентности молодых специалистов, получивших одинаковое профессиональное образование в одном вузе. В этом случае в качестве МСО выступают выпускники вуза, являющиеся молодыми специалистами, субъектами рынка труда.

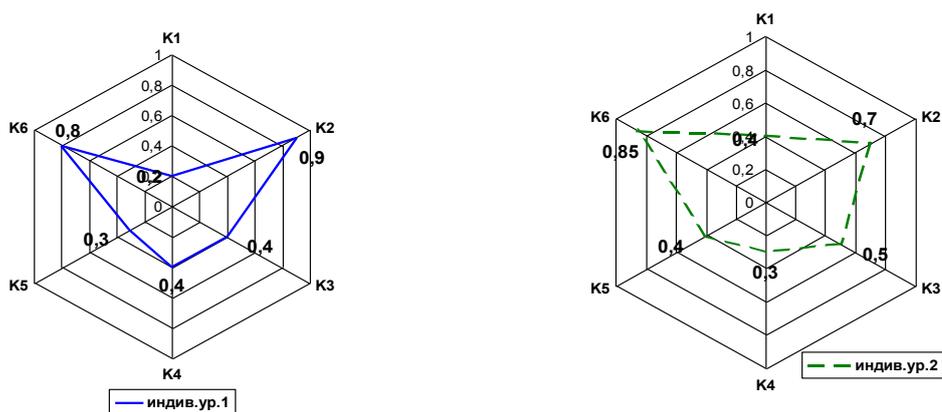
Пусть два молодых специалиста, субъекты рынка труда P_1 и P_2 , системы компетенций которых характеризуются двумя различными вариантами кластерных параметрограмм, получили образование в условиях двух различных вузов, которые по итогам деятельности за θ год имеют коэффициенты ранговой конкурентоспособности вуза k_{v_1} и k_{v_2} . Тогда сравнительный анализ уровней сформированности социально-профессиональной компетентности двух молодых специалистов можно провести по следующей схеме:

- построение индивидуальных кластерных компетенциограмм молодых специалистов, субъектов рынка труда P_1 и P_2 (рис. 1);
- расчет значений Z_{P_1} и Z_{P_2} внутривузовского индивидуального показателя уровня сформированности компетентности молодых специалистов; получим (при использовании данных примера):

$$Z_{P_1} = 0,5 \quad \text{и} \quad Z_{P_2} = 0,525; \quad (5)$$

- определение коэффициента ранговой конкурентоспособности вуза k_{v_1} и k_{v_2} на основании справочных статистических данных [6]; пусть:

$$k_{v_1} = 0,77 \quad \text{и} \quad k_{v_2} = 0,55; \quad (6)$$

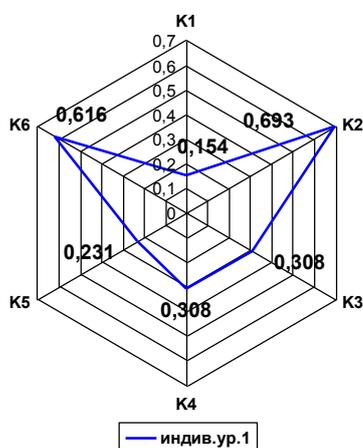
а) P_1 -й субъект рынка труда

б) P_2 -й субъект рынка труда

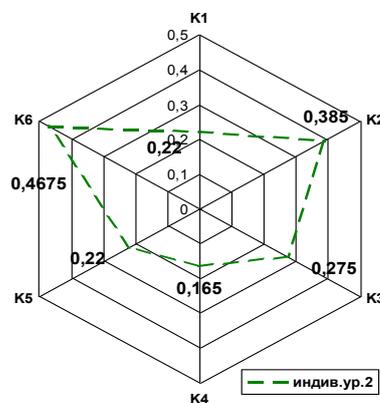
Рис. 1. Индивидуальные кластерные параметрограммы двух МСО (например, компетенциограммы субъектов рынка труда)

– построение приведенных кластерных параметрограмм МСО (молодых специалистов) с учетом ранговых коэффициентов k_{v_1} и k_{v_2} , характеризующих результативность социальных процессов в исследуемой среде (например, ранговые коэффициенты конкурентоспособности вузов, которые окончили молодые специалисты) (рис. 2);

–

а) p_1 -й субъект рынка труда

б) p_2 -й субъект рынка труда

Рис. 2. Приведенные кластерные параметрограммы двух МСО (компетенсиограммы двух субъектов рынка труда)

При этом следует обратить внимание на то, что субъект P_1 вышел из «зоны благополучия» – по одному из кластеров значение уровня его компетентности ниже минимально допустимого, хотя в рамках ООП, реализуемой в данном вузе, он успешно окончил вуз и является дипломированным специалистом.

– расчет приведенных показателей ИПК МСО (например, профессиональной компетентности молодых специалистов на рынке труда) \tilde{Z}_{p_1} и \tilde{Z}_{p_2} проводится по формуле (4) на основе приведенных значений $k_v \cdot T_{p1}$, $k_v \cdot T_{p2}$, ..., $k_v \cdot T_{pl}$, характеризующих для P_1 -го и P_2 -го объектов уровни сформированности кластеров социальных характеристик K_1, K_2, \dots, K_l :

$$\tilde{Z}_{p_1} = 0,30; \quad \tilde{Z}_{p_2} = 0,16;$$

– построение сравнительной приведенной кластерной параметрограммы двух МСО (молодых специалистов), что позволяет в отношении одного из них сделать вывод о приоритетности его уровня сформированности системы социальных характеристик (например, профессиональных компетенций при отборе на замещение вакантной инженерно-технической должности) (рис. 3).

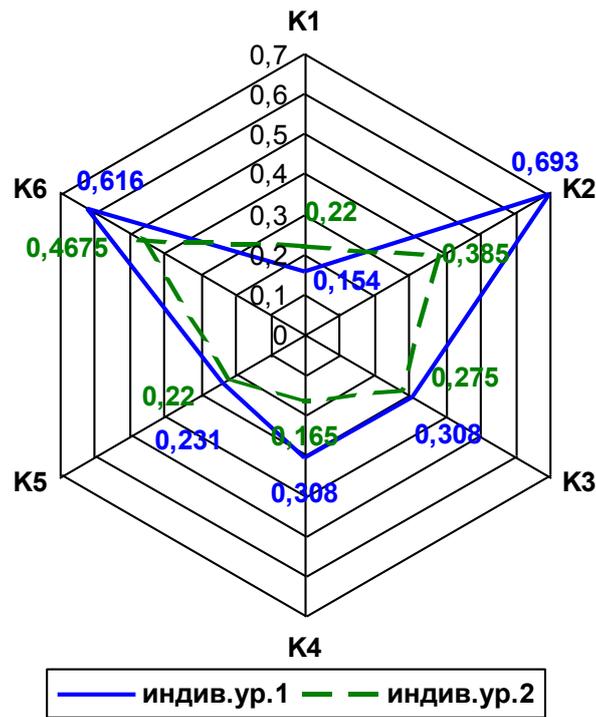

Рис. 3. Сравнительная приведенная кластерная параметрограмма двух МСО (например, компетенциогрмма двух субъектов рынка труда)

Следует при этом обратить внимание на то, что, например, при приеме на работу приоритет следует отдать субъекту p_1 , приведенный индивидуальный показатель уровня сформированности компетентности которого выше, хотя индивидуальные значения внутривузовского индивидуального показателя уровня сформированности компетентности молодых специалистов оставляли приоритет за субъектом p_2 .

Заключение

При отборе объектов для включения их в состав социальной группы применение метода кластерных параметрограмм и интегрального показателя качества многопараметрического социального объекта позволяет оптимизировать обновленный состав групп с учетом специфики среды, в рамках которой реализуется социальное взаимодействие, что значительно снижает уровень конфликтности такой среды. Кроме того, такой подход позволяет интеллектуальным маргиналам интегрироваться в социальную среду, значительно изменив ее характеристики: интеллектуально развитые личности могут повысить результативность социальных процессов в высокоразвитой социальной группе, а социальные объекты, имеющие недостаточный уровень сформированности социальных характеристик, снижают результативность социальных процессов в социальной среде, имеющей негативную динамику процессов.

Литература

1. Морозова А.В. Модель квалиметрии и типизации многопараметрических социальных объектов процесса социализации: Социально-экономические аспекты технологической модернизации современного машиностроительного производства:

коллективная монография / А. В. Морозова, Ю. В. Василенко, А. А. Алисов и др.; Под ред. А. В. Киричека. – М.: Издательский дом «Спектр», 2013. – С. 123 – 147.

2. Морозова А.В. Аксиоматический базис модели квалиметрии и типизации многопараметрического социального объекта в процессе социализации и матрица соответствия ее параметров / А.В. Морозова, Д.Е. Тарасов, А. А. Алисов // *Фундаментальные и прикладные проблемы техники и технологии.* – 2013. – № 4. – С.8-15.

3. Морозова А.В. Математическая модель квалиметрии и типизации объектов процесса социализации в условиях внешней неопределенности и матрица соответствия ее параметров / А.В. Морозова, Ю.В. Василенко, М.В. Алисова // *Фундаментальные и прикладные проблемы техники и технологии.* – 2013. – № 5. – С. 3-12.

4. Морозова А.В. Процедура шкалированная оси линейной модели оценки уровня сформированности компетенции специалиста технического профиля / А.В. Морозова // *Фундаментальные и прикладные проблемы техники и технологии.* – 2013. – № 2. – С.100-105.

5. Морозова А.В. Математические основы квалиметрического моделирования конкурентоспособности инженерно-технических кадров / А.В. Морозова // *Известия ОрелГТУ. Серия Фундаментальные и прикладные проблемы техники и технологии* – 2009. – № 3-2/275(561). – С. 140-150.

6. Рейтинг технических вузов 2011 года Министерства образования и науки Российской Федерации [Электронный ресурс]. URL: <http://e-educ.ru/234-novyuy-reyting-ministerstva-obrazovaniya-i-nauki-rossiyskoy-federacii.html>.

ИНТЕРНЕТ-ТЕХНОЛОГИИ КАК ФАКТОР СНИЖЕНИЯ УРОВНЯ БЕЗРАБОТИЦЫ МОЛОДЕЖИ

Таспаев С.С.,

к. эконом. н., доцент кафедры «организация производства и моделирование экономических систем»,

ФГБОУ ВПО «Оренбургский государственный аграрный университет

Мельникова Д.В.,

Терехина Н.А.,

студентки 43 группы отделения

«Экономика и управление на предприятии АПК»,

ФГБОУ ВПО «Оренбургский государственный аграрный университет»,

г. Оренбург, Россия

Аннотация: Статья посвящена вопросам маргинализации молодежи как источника безработицы. Проводиться сравнительный анализ по возрастным группам на 1 октября 2013 года. Также обозначены проблемные аспекты безработицы среди молодежи, для решения которых планируется создание сайта: «Единый региональный рейтинг студентов высших и среднеспециальных учебных заведений».

Основным социальным источником маргинализации общества является растущая безработица в ее явных и скрытых формах. При допустимой безработице в 5-6 % от трудоспособного населения (пороговая норма) по имеющимся данным реальное число безработных возрастет в ближайшие годы в несколько раз. Конечно, маргинализация общества – это не единственный

фактор усиления девиантного поведения. Но этот фактор становится доминирующим именно в нынешних условиях [1].

Наиболее уязвимыми и одновременно бескомпромиссными относительно ценовых и неценовых характеристик рабочего места при найме оказываются следующие группы работников: женщины, молодежь от 16 до 29 лет, инвалиды. Подобная дискриминация выделенных социально-демографических групп на рынке труда означает неравные возможности при найме и увольнении и определяется в качестве основного метода недобросовестной конкуренции среди работодателей [2].

По данным за 2012 год, Оренбургская Область находится на 30 месте по уровню безработицы, который составил 5.38%, тогда как средний уровень по стране составил 5.46%. Минимальный уровень безработицы 0.81% зафиксирован в городе Москва, а максимальный в 47.68% – в Республике Ингушетия [3].

Наименьшее количество трудоустроенного населения приходится на возрастную группу до 20 лет и от 60-72. Следовательно, молодежь и пенсионеры не востребованы на рынке труда, что повышает социальную напряженность как в Оренбургской области, так и по стране в целом, вследствие безработица. Наличие опыта при устройстве работу в наше время обязательно, что повышает уровень безработных среди молодежи (см. табл.).

Таблица

Распределение численности безработных по возрастным группам по Оренбургу в 2012 году¹⁾
(в процентах к итогу)

	Всего	Мужчины	Женщины
Безработные – всего	100	100	100
в том числе в возрасте, лет:			
до 20	3,2	4,4	1,7
20 – 24	21,1	23,8	17,9
25 – 29	16,6	14,4	19,1
30 – 34	11,9	11,9	11,9
35 – 39	9,7	9,5	9,9
40 – 44	9,6	10,2	9,0
45 – 49	9,6	7,4	12,2
50 – 54	12,0	11,8	12,2
55 – 59	4,4	4,7	4,0
60 – 72	2,0	1,9	2,1
Средний возраст безработных, лет	35,6	34,9	36,3

¹⁾ По материалам выборочного обследования населения по проблемам занятости <http://orenstat.gks.ru/> [4]

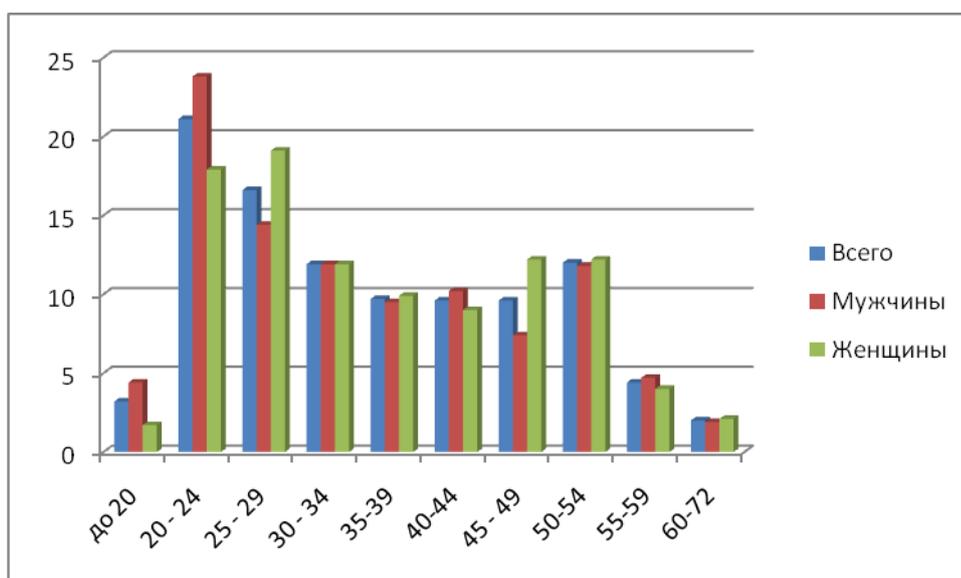

Рис. Уровень безработных по возрастным группам по Оренбургу в 2012 году

Из графика видно, что наибольший процент безработицы приходится на население в возрасте от 20-30 лет. Это обусловлено тем, наличие опыта при устройстве работу в наше время обязательно. Данная возрастная группа в большинстве своем состоит из учащихся и студентов, то совмещение учебы с работой является нерациональным.

Безработица среди молодежи является одним из главных рисков наступившего года. Бездействие в отношении молодежной занятости может привести к всплеску экстремизма, социальным волнениям, а также разрушить надежды на восстановление стабильного роста экономики. Несмотря на стабилизацию регистрируемой безработицы, на деле ситуация ухудшается. Перспектива – маргинализация общества, новая волна увольнений, падение совокупного спроса в экономике и острые кадровые ограничения на будущем витке роста.

В настоящее время процессы выбора мест прохождения практики и трудоустройства являются одной из актуальных проблем для студентов и выпускников высших и средних специальных учебных заведений. Работодатели не имеют необходимой информации о предложении рабочей силы. С этой целью мы планируем создать единый сайт: «Единый региональный рейтинг студентов высших и средне-специальных учебных заведений» для работодателей, студентов и выпускников высших и средних специальных учебных заведений для эффективного функционирования современного рынка труда молодежи, который быстро позволяет трудоустроить выпускника, а работодателю быстро найти себе работоспособных сотрудников.

Создание усовершенствования интернет-технологий является важным фактором снижения уровня безработицы среди молодежи. Именно поэтому мы предлагаем создание единой информационной базы данных студентов, выпускников и потенциальных работодателей для повышения эффективности процесса трудоустройства выпускников высших и средних специальных учебных заведений. Формирование регионального рейтинга студентов,

выпускников и потенциальных работодателей. Для этого мы используем инфокоммуникационные технологии, интернет-технологии, социологические исследования.

Для эффективности сайта: «Единый региональный рейтинг студентов высших и средне-специальных учебных заведений» мы планируем:

- Создание модели оценки эффективности приобретения студентами определенных профессиональных компетенций студентов и выпускников высших и средних специальных учебных заведений;
- Разработку критериев и показателей оценки профессиональных, деловых и личностных качеств студентов и выпускников высших и средних специальных учебных заведений;
- Создание базы данных студентов и выпускников высших и средних специальных учебных заведений;
- Создание единого регионального реестра студентов и выпускников высших и средних специальных учебных заведений с указанием их рейтинга;
- Периодическое обновление реестра;
- Заключение договоров с потенциальными партнерами и клиентами.

Интернет ресурс сайт будет направлен на:

- Повышение эффективности процесса трудоустройства выпускников высших и средних специальных учебных заведений;
- Создание рейтинга студентов и выпускников высших и средних специальных учебных заведений;
- Упрощение поиска мест прохождения производственной, преддипломной практики и трудоустройства;
- Создание электронного портфолио студентов.

В дальнейшем планируется создание региональных реестров в других субъектах федерации и их интеграция в единую федеральную систему. Привлечение кадров из других регионов, что, в конечном счете, повысит эффективность системы образования и функционирования рынка труда.

Литература

1. <http://ipulsar.net/main/pages-view-8.html>
2. <http://www.moluch.ru/archive/55/7598/>
3. http://rus.ruvr.ru/2014_01_20/Opasnost-nomer-odin-v-2014-godu-bezrobotica-sredi-molodezhi-0584/
4. <http://orenstat.gks.ru/>

Масс-медиа пространство и его роль в процессах интеллектуализации и маргинализации

ОСОБЕННОСТИ ВЛИЯНИЯ РЕКЛАМЫ НА ПСИХОЛОГИЧЕСКУЮ БЕЗОПАСНОСТЬ ЛИЧНОСТИ СТАРШИХ ШКОЛЬНИКОВ

О.В. Бубнова,

*кандидат психологических наук,
старший преподаватель кафедры психологии, НИУ «БелГУ»*

В.С. Найденова,

студентка факультета иностранных языков, НИУ «БелГУ»

Приоритетными направлениями внутренней политики России являются развитие гражданского общества, духовно-нравственное становление детей и молодежи, их социализация и адаптация к современным условиям жизни, общественно-государственному укладу. В этих условиях первоочередная задача заключается в создании безопасного пространства, в котором дети могли бы раскрыть свои возможности, подготовиться к жизни в высокотехнологичном конкурентном мире. Особо встает вопрос не о безопасности вообще, а о психологической безопасности, без которой личность не может нормально развиваться. Под психологической безопасностью в науке принято понимать недопустимость ущемления чувства собственного достоинства, личного статуса [5]. Потребность безопасности и защиты включает в себя потребность в организации стабильности, законности, порядка, в предсказуемости событий, в свободе от внешних и внутренних угроз [5]. Современная тенденция гуманизации образовательного пространства способствует обеспечению комфортности существования и развития детей и взрослых, персонализации, созданию «среды для меня», т.е. образовательной среды каждого индивида; обеспечению личностного роста субъектов пространства и его безопасности. При этом большое внимание уделяется развитию личности: «обеспечению внутренних условий (установок, потребностей, способностей) для развития самости (self), для саморазвития (через механизмы самопознания, рефлексии, физическую и психологическую защиту); создание благоприятных внешних условий (среды обитания) для психического и физического существования и развития ребенка (мебель, учебники и т.д.); организации очеловеченной микросоциальной среды (гуманистические отношения, творческая деятельность, психологический климат)» [7, с. 48].

Важно отметить, что юношеский возраст ученые оценивают как один из ключевых периодов «фактического складывания психологических механизмов личности, образующих в совокупности качественно новое, высшее единство субъекта – единство личности» [4, с. 245]. Изменения, которые происходят с человеком в юности, во многом определяют его дальнейшую взрослую жизнь,

успешность адаптации и существования в обществе. В этот период активное половое созревание и физический рост приводят к изменению чувствительности. Старший школьный возраст – период эмансипации ребенка от родителей. Развитие самосознания – центральный психический процесс юности. Юношеская личность всегда противоречива и изменчива. Молодой человек ищет новые формы для самообоснования «Я» в разных видах своей активности, во всей своей жизни. Вопрос психологической безопасности личности старших школьников тесно связан с восприятием существующего у них качества жизни как адекватного, надежного, безопасного, создающего реальные возможности удовлетворения естественных и социальных потребностей в настоящем и будущем, способствующего успешной адаптации в обществе.

В этой связи наибольший интерес для нас представляет влияние рекламы на психологическую безопасность старших школьников. В современном мире реклама стала неотъемлемой частью нашей жизни. Она выполняет важнейшие социально-экономические и общественно-политические задачи. Говоря о рекламе, нельзя не задаться вопросом, как именно происходит этот процесс коммуникации между потребителем и производителем? С помощью, каких приемов и средств оказывается так называемое «давление» на покупателя? Почему детская и юношеская аудитория считается наиболее восприимчивой к рекламе? Какое влияние имеет реклама на личность детей и юношей?

Федеральный закон РФ «О рекламе» определяет рекламу «как информацию, распространенную любым способом, в любой форме и с использованием любых средств, адресованная неопределенному кругу лиц и направленная на привлечение внимания к объекту рекламирования, формирование или поддержание интереса к нему и его продвижение на рынке» [1]. Целью рекламы является донесение информации от рекламодателя до целевой аудитории. Задача рекламы — побудить представителей целевой аудитории к действию [1]. В настоящее время развитие рекламы привело к тому, что рекламная деятельность трансформировалась в особый социальный институт, который обеспечивает общественную потребность в рекламных услугах. Производственную основу этого института составляет комплекс деятельностей, который принято определять понятием «индустрия рекламы». О рекламе снимаются фильмы, пишутся книги, рекламой занимаются ученые из области психологии, социологии, лингвистики и др.

Наиболее распространённым и традиционным видом рекламы является реклама в средствах массовой информации. Печать, радио и телевидение представляют собой своеобразный «триумvirат» средств массовой информации – главный инструмент распространения информации, воздействующей на общественное сознание. Н.С. Леонов справедливо отмечал: «Информация стала инструментом власти. Когда была обнаружена восприимчивость человеческой психики к внушению, информация в форме пропаганды и агитации стала главным рычагом управления людьми. Она постепенно заменила собой грубую силу, насилие, которое долгое время

считалось единственным и неперенным орудием управления. Один доллар, вложенный в информацию и пропаганду, более ценным, чем десять долларов, вложенных в создание систем оружия, ибо последнее вряд ли будет когда-либо употреблено в дело, в то время, как информация работает ежечасно и повсеместно» [2]. Реклама, проникая в СМИ через рекламные видеоролики, рекламные паузы, эпизоды в фильмах, телепередачах, контекстную рекламу и т.п. оперативно доносит словесно-понятийную и эмоционально-образную информацию о товарах до потенциальных потребителей. Поэтому дети и юноши часто становятся жертвами некачественной рекламы, навязывающей фальшивые идеалы.

Являясь одной из форм массовой коммуникации, в которой создаются и распространяются, оплаченные информативно-образные, экспрессивно-суггестивные тексты однонаправленного и неличного характера о товарах (услугах, идеях), реклама оказывает мощное психологическое воздействие на массовое и индивидуальное сознание потребителей с целью побудить их к нужным рекламодателю выбору и поступку. Методами и формами психологического воздействия на личность, используемыми в рекламе, являются:

1) Гипноз. Особенно часто используют эту форму в политической или коммерческой рекламе. Наиболее подходящим условием для гипноза, является телевидение или стадионы, заполненные людьми с «установкой на чудо» [3, с.105-123].

2) Внушение. Суггестия может осуществляться посредством разных приемов, например: вербально или визуально, косвенно или напрямую презентуя тот или иной товар.

3) Заражение. Механизм заражения проявляется в неожиданных, незапланированных ситуациях, например в супермаркете, когда люди толпятся в одном магазине и делают много покупок, тем самым побуждая проходящих мимо людей, не собирающихся делать покупку, на ее совершение и т.д.

4) Убеждение. Убеждение часто основано на преувеличении качеств рекламируемого товара, сравнение его достоинств с недостатками других товаров [3, с. 90-94].

5) Стереотип. Основными, «вечными стереотипами» являются такие, как: «жизнь и смерть», «молодость и старость», «гений и посредственность», «богатство и бедность», «свобода и несвобода». Роль стереотипов в рекламе очень велика. В основном, особо подверженной группой в этом случае являются подростки и юноши, так как их возрасту свойственно примерять на себя чужие модели поведения, следовать моде, быть в тренде всем вопросам [3, с.340-358].

Очевидно, что наиболее уязвимой перед психологическим воздействием рекламы является молодежь в целом и старшие школьники в частности.

При изучении влияния рекламы на психику человека ключевым для нас является понятие «психологической безопасности личности» как интегративного объединения, отражающего физическую и психическую защищенность человека, восприятие существующего у него качества жизни как

адекватного, надежного и безопасного, наличие у него ресурса сопротивляемости внешним и внутренним деструктивным воздействиям.

Основываясь на указанных положениях, мы определили структуру психологической безопасности личности старших школьников, представленную тремя основными компонентами, позволяющими обеспечивать их устойчивость к негативным воздействиям, не производить или минимизировать для себя производимые опасности:

1. Аффективным компонентом – эмоциональной устойчивостью к негативным внутренним и внешним воздействиям.

2. Когнитивным компонентом – осведомленностью воспитанников о понятиях «угроза», «опасность», «насилие» и т.п., а также способах выхода из ситуаций, характеризующихся данными понятиями, особенностями мотивационной сферы воспитанников.

3. Поведенческим компонентом – способностью планировать и осуществлять оградительные меры для самообеспечения психологической безопасности (рис. 1).

Рис. 1. Структура психологической безопасности личности

Социально-психологическими механизмами формирования психологической безопасности личности старших школьников являются: подражание, внушение (суггестия), заражение, убеждение, рефлексия.

Социально-психологическими критериями психологической безопасности личности учащихся являются:

- 1) осведомленность старших школьников о понятиях «угроза», «опасность», «риск», «безопасность» и т.п.;
- 2) удовлетворенность основных базовых потребностей учащихся;
- 3) личностная и социальная зрелость юношей;
- 4) высокий уровень вовлеченности во взаимодействие старших школьников;

5) высокая степень овладения учащимися многообразием навыков взаимодействия и средств решения психологических проблем, а также способность юношей и девушек управлять своими стереотипными реакциями в важных и нестандартных ситуациях;

б) высокий уровень психологической культуры учащихся [5].

В ходе исследования группе старших школьников были продемонстрированы различные рекламные видеоролики, в том числе алкоголя, табака, средств личной гигиены, медицинских препаратов и т.п.

Результаты проведенного исследования показали, что 63% старших школьников считают рекламу недостоверным источником информации, 13% учащихся она вовсе не интересует, а у 24% школьников она вызывает исключительно отрицательные эмоции. Также ученики отмечают, что не всегда понятно, о каком качестве товара идет речь, и что многие из роликов построены на «пустых обещаниях и приукрашивании действительности». 54% учащихся старших классов считают, что в первую очередь необходимо запретить к показу рекламу табачных изделий, 29% – алкогольную продукцию. Следует отметить, что 17% учащихся считают необходимым запретить рекламу, раскрывающую интимные подробности жизни человека, например предметов женской гигиены, препаратов для улучшения мужского здоровья, нормализации пищеварения и т.д.

Показатели эмоциональной реакции на воздействие стимулов окружающей среды по методике В.В. Бойко свидетельствуют об увеличении утомляемости учащихся после воздействия рекламы, а также доминировании дисфорической формулы при которой положительные и отрицательные стимулы сводятся к негативным переживаниям, а эмоциональная система в целом настроена на негативные стимулы (рис. 2).

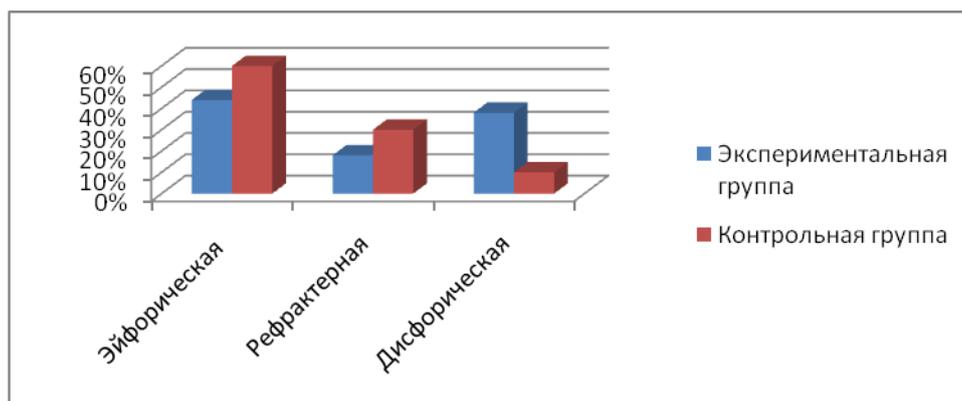

Рис. 2. Диаграмма показателей эмоциональной реакции на стимулы окружающей среды старших школьников

Диагностика уровня тревожности по методике Дж. Тейлора свидетельствуют, что у 41% старших школьников, просмотревших рекламу, высокий уровень тревожности, у 37% школьников средний уровень тревожности. В тоже время у 11% отмечен уровень тревожности выше среднего

и низкий. В контрольной группе высокий уровень – у 23%, средний – 62%, выше среднего 9% и низкий – у 6% соответственно (рис. 3).

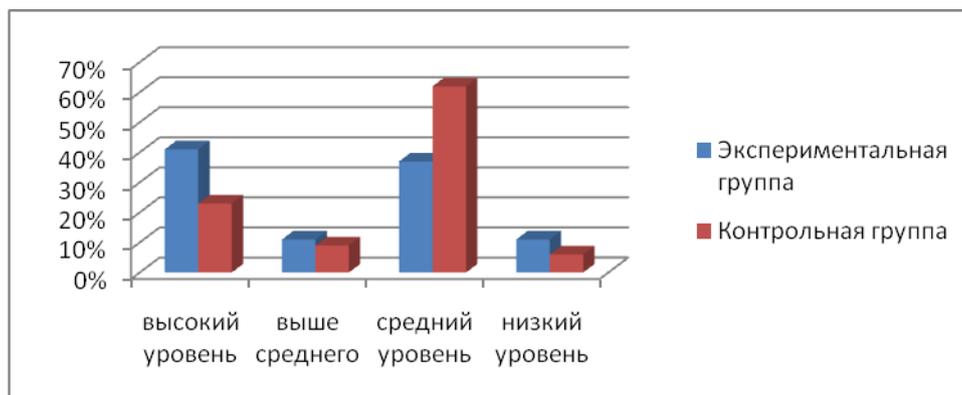

Рис. 3. Диаграмма показателей уровня тревожности старших школьников

Диагностика агрессивных и враждебных реакций учащихся по методике А. Басса и А. Дарки показывает доминирование в экспериментальной группе у старших школьников 55% косвенной агрессии, негативизма у 38%, раздражительности у 32%, подозрительности у 28%, физической агрессии – у 12%, вербальной агрессии – у 11%. В контрольной группе у 24% старших школьников доминирует косвенная агрессия, негативизм – у 21%, раздражительность – у 24%, подозрительность – у 5%, вербальной агрессии – у 8%. В тоже время физическая агрессия отсутствует (рис. 4).

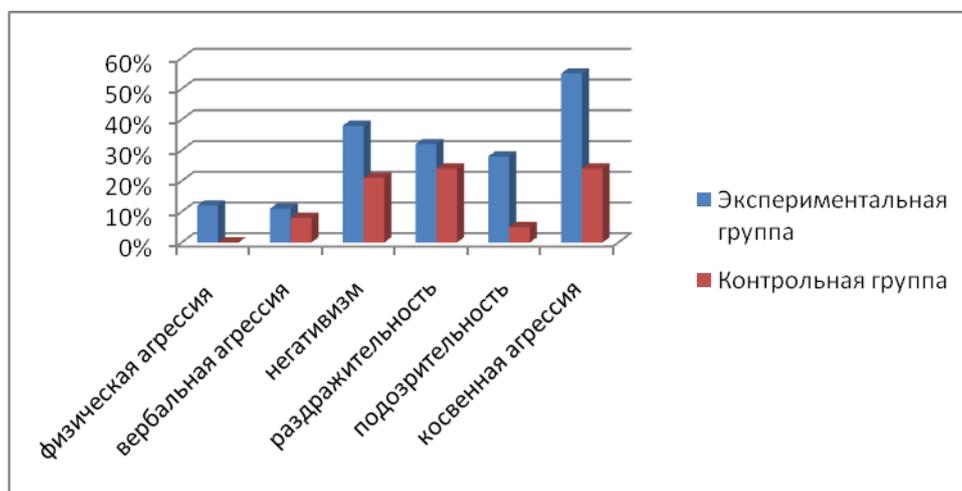

Рис. 4. Диаграмма показателей агрессивных и враждебных реакций старших школьников

Таким образом, полученные результаты свидетельствуют о негативном влиянии рекламы на психологическую безопасность личности старших школьников. Под воздействием рекламы у учащихся наблюдаются повышение эмоциональной напряженности, понижение общего фона настроения, нарушение работоспособности, раздражительность, агрессивность, снижение волевой саморегуляции поведения. У юношей и девушек формируется

искаженное представление о товарах представляющих опасность или даже угрозу их жизни. Старшие школьники зачастую не способны осуществлять оградительные меры для противодействия психологическому «давлению» рекламы.

Литература

1. Федеральный закон РФ «О рекламе» от 13 марта 2006 года №38-ФЗ (в ред. от 27.09.2009 г. № 228-ФЗ) [электронный ресурс]. – Режим доступа: <http://www.consultant.ru/popular/advert/>
2. Гончаров, М.А. Влияние средств массовой информации на социальный статус личности [Электронный ресурс]. URL:<http://www.elitarium.ru/> (дата обращения: 10.04.2014).
3. Кутлалиев, А. Эффективность рекламы / А. Кутлалиев, А. Попов. – М., 2005. – 416 с.
4. Педагогика: личность в гуманистических теориях и системах воспитания. Учеб. пособие / Е.В. Бондаревская, С.В. Кульневич. – М., 1999. – 560 с.
5. Петрушина, О.В. Психологическая безопасность воспитанников интернатного учреждения / О. В. Петрушина // Вестник Вятского государственного гуманитарного университета. Сер. Педагогика и психология. – Киров, 2011. – № 2 (3). – С. 121-125. – Прим.: с. 125.
6. Практикум по возрастной психологии: Учеб. пособие / Под ред. Л.А. Головей, Е.Ф. Рыбалко. – Спб.: Речь, 2006. – 688с.
7. Черноушек, М. Психология жизненной среды / М. Черноушек / Пер. с чешского И.И. Пола. – М.: Мысль, 1989. – 174 с.

РАЗВИТИЕ ФЕНОМЕНА СОЦИАЛЬНОГО КОМПЬЮТИНГА В УСЛОВИЯХ ГЛОБАЛИЗАЦИИ

Варфоломеев М.А.

*к.п.н., ст. преподаватель
кафедры культурологии и политологии,
НИУ «БелГУ»*

Неманихина В.Е.

*студентка 1 курса
Института управления НИУ «БелГУ»,
группа 05001302*

В современном мире, тема повседневности и проблема повседневной жизни обрели широкую популярность. Такой интерес вызван преобразованиями, происходящими в обществе, затронувшими не только техническую, информационную, коммуникативную, но и повседневную область социального бытия, которая из-за стремительного ускорения темпов цивилизационного развития изменяется так быстро, что получила статус научного феномена – социального компьютеринга.

На данный момент, период – когда человечество превратилось в глобальную целостность, повседневность обретает открытый, «ризоморфный» характер, т.е. расширяет направление, «рискуя послужить для новых странных применений» [1] за счет постоянного приращения содержания, которое, к сожалению, не всегда позитивно сказывается на культуре и цивилизации будущего. Дело в том, что человек в своей повседневности стремится к самореализации, определяющей предметно-практическую направленность и

социальную значимость деятельности человека, не нарушающей традиции и внутренние ценностные установки.

Процессы интенсивного формирования мировых идеологий, международных организаций, транснациональных корпораций, массовых коммуникаций и сети Интернет расширяются повседневные взаимодействия, увеличивается доступ к созданным в разные эпохи предметам искусства, образам жизни, технологиям. Это приводит к нарушению привычной стабильности повседневной жизни, к выработке общеутилитарных поведенческих моделей, изменивших механизмы «социального наследования прошлого» (В.Б. Устьянцев) и устоявшихся форм социальных связей. Так, общим для культур многих стран современного мира стало то, что стремление к обретению благ ассоциируется не с национальными традициями и ценностями, а с достижением определенного уровня развития стран Западной Европы и Америки.

Опираясь на техническое преимущество и средства массовой информации, эти страны регулируют ценностные координаты по принципу soft power – «мягкой мощи» (Дж. Наем [2]). Этот принцип состоит в «мягком» давлении и навязывании любому обществу своего пути развития, культурных и политических ценностей посредством передаваемой информации, обосновывает привлекательность аксиологических предпочтений западного мира, вызывая желание большой аудитории следовать предложенному сценарию для достижения того же уровня развития и почитания ими же выработанных образцов. Это приводит к ломке традиционных и повседневно значимых устоев общества, к разрушению национальных культур, к нарастанию хаоса в глобальном масштабе и столкновению цивилизаций.

Концепцию «столкновения цивилизаций» выдвинул Сэмюэль Хантингтон, который полагал, что ее причинами может стать модель современного мирового развития, альтернативная представлениям о «единстве мира» и «единой цивилизации». Американский политолог отмечал, что неудачные «попытки переноса обществ из одной цивилизации в другую» и нежелание определенных цивилизационных обществ признать монистическую ценность культуры Запада могут привести к взаимной отчужденности огромных людских масс, поэтому основными причинами цивилизационных конфликтов в современном мире станут не экономические и идеологические причины, а культурные.

Для достижения цивилизационного миропорядка нам необходимо признать значимость любой культуры, а не стремиться к навязыванию и установлению диктата одной из них. Важно усвоить, что сложившиеся цивилизации не должны вызывать впечатление, что они прошли плавильный тигель или плавильный котел, смешивающий все культуры в единую безликую массу. Каждое общество имеет право на индивидуальность, исключительность и открытость, которая не должна нести безоглядное заимствование чужих традиций, поскольку внедрение иных устоев в повседневную жизнь любого общества приведет к утрате его самобытности, лишению базовых навыков. Поэтому признание и сохранение таких фундаментальных составляющих

любой культуры, как обычаи, язык, религия, традиции, являются не только национальной, но и глобальной проблемой, поскольку нарушение одного из этих звеньев приводит к изменению единого ценностно-смыслового начала, разрушению установленных детерминант социального бытия и сложившейся системы духовных ценностей, оказывающих значительное влияние на повседневное существование.

В современном мире ценностно-смысловому мышлению противопоставлено технологическое и информационное, где погоня за новой информацией и знаниями для обеспечения ею лишает индивида смысловой направленности. Здесь все дело в особенности современной информации, в том, что она утратила функцию определения будущего. Если ранее для выживания необходимо было «предвидеть будущее», т.е. ориентироваться на опыт прошлых поколений (время посева, сбора урожая), то сегодня главным временем является настоящее, и нам необходимы знания только на сейчас (сейчас надо получить, продать, отстоять, выиграть). Далее, когда поступает новая информация, человек не успевает, да в этом уже нет необходимости, проанализировать и сохранить полученные и уже использованные знания – он нацелен на познание нового, будущего, так стремительно надвигающегося на нас потока информации, что в результате он лишает субъекта прошлого, делая основным временем современности – настоящее.

Отрицание прошлого разрушает основы культурного и социокультурного процессов, не дает возможности строить планы на будущее из-за хаотичности и неустойчивости его составляющих, поэтому человек сознательно пытается уйти от какого-либо прогнозирования, отгораживаясь интересами только существующего «сегодня». Как результат этого, «массовая культура и массовые коммуникации изменяют механизмы социального наследования... превращают социальную память в глобальную информационную систему» [3], в которой культурную деятельность общества поглотили новейшие технологии, отчужденные от «жизненного пространства повседневности». Это явление современного общества М.К. Мамардашвили назвал «антропологической катастрофой», поскольку человек утрачивает те базовые навыки, которые он приобрел в процессе многовекового, каждодневного становления, а новые в условиях стремительной смены системы ценностей не успевают сложиться. Опасность такой ситуации в том, что она может привести к утрате части повседневного жизненного мира, понимаемого Э. Гуссерлем как «до-научные» глубины бытия человека, как «до-словное» пространство быта (Ф.И. Гиренок), что может привести к разрушению механизмов регуляции межчеловеческих отношений в обществе. Ведь культура любой цивилизации – это не только общий свод правил и социальных норм, это еще и определение ценностно-смысловой направленности деятельности человека. На протяжении длительного времени человечеством были выработаны повседневные ценности, значимость которых ни у кого не вызывала сомнений, к ним традиционно относили жизнь, любовь, взаимопонимание, признание, т.е. то, что формировало ценностный образ человека, то, в чем он всегда испытывал потребность, что способствовало выживанию. Сегодня, согласно

исследованиям социологов, основой повседневной жизни современного человека «при всей значимости нематериальных аспектов выступают ее экономические предпосылки» [4]. Духовное пространство заполнили навязанные утилитарно-прагматические ценности, что кардинально изменило доминанты аксиологического предпочтения и мировоззрение всего общества. Нас уже не удивляет, что выживание стало ассоциироваться с понятием успешности и богатства, а единой установленной ценностью признается материальное благо.

Получение прибыли также стало доминирующим направлением, смыслом повседневной жизни многих социумов, деньги заслоняют понимание духовных ценностей, утвердив мнение, что все в этом мире можно измерить деньгами. Современный немецкий философ Бенно Хюбнер справедливо полагает, что такая ситуация в обществе спроецирована «упадком метафизических ценностей... Когда нет уже доверия никакому Богу и полагаться больше не на кого и не на что, тогда в обществе, в котором все опосредовано деньгами, полагаются... только на деньги» [5]. Уже никто не назовет больным человека, сознание которого ориентировано только на потребление и жажду денег, но также сложно назвать здоровым то общество, в котором стремление к приобретению становится смыслом жизни.

Во всем мире общество разделилось на два слоя – богатых и бедных. В условиях рыночной идеологии и приоритета материальных ценностей того, кто «не сумел победить» (то есть, не достиг определенных финансовых успехов) и «не приспособился к материальным требованиям», зачисляются в разряд несостоятельных и неприспособленных к жизни. Настораживает, что такой «экономический геноцид», к сожалению, становится обыденным явлением и приводит к тому, что человек «теряет точку опоры», все больше «возрастает беспомощность и обостряется бессмысленность существования» [6], поскольку для общества, в котором наибольшей ценностью являются материальные блага, человек теряет собственную значимость. Кроме этого, ориентир на исповедуемые ценности обеспеченного слоя и страх людей среднего уровня дохода остаться «внутренними эмигрантами» в своем же обществе обусловили проблему ценности потребления и потребительского поведения.

Вирус потребления, используя средства массовой информации, «поразил» развитые общества, т.е. убедил в приоритете «иметь» над «быть», в результате чего современный человек постепенно утрачивает идентичность. В процессе личностного самоопределения он получает статус группового, социального, поскольку в повседневной жизни старается не отходить от мнимой, навязанной реальности, где выход за обозначенные рамки расценивается как глупость, невежество, отсутствие здравого смысла. Так, выбор манеры поведения, мнение при оценке произведения искусства – все это является проявлением сформированных линий поведения, способствующих формированию новых эталонов общения и изменению смысла традиционных ценностей. Осознание ненормальности происходящего, стремление защититься от посягательств и диктата свою национальную культуру выражается в протестах, проявивших

себя в этнических конфликтах, национализме, которые, к сожалению, стали привычными явлениями нашей повседневности.

Изменению сложившихся ценностных установок способствуют также глобальные коммуникационные процессы и возросшие возможности перемещения по миру, ставшие обыденной ситуацией межкультурных контактов, в результате которых, с одной стороны, увеличивается повседневный культурный обмен, способствующий взаимообогащению культур, с другой – идет нарастание напряжения, выбивающего индивида из психического равновесия. Такая дихотомия обусловлена еще и стремлением совместить культурную идентичность с культурной адаптацией, навязывающей в своей повседневности правила различных цивилизационных систем, не совместимых с их прежними традиционными устоями, и потому человек неосознанно стремится к их отрицанию. Кроме того, благодаря техническим нововведениям увеличивается количественный и территориальный круг общения, что способствует росту несогласия и конфликтов по экономическим, культурным, религиозным и другим вопросам. Это приводит к чувству беспокойства и неуверенности, к росту агрессии, проявляющихся как в мелочах обывательского плана, так и в глобальном масштабе, затрагивающих диапазон от международного терроризма до стандартизации культурных ценностей.

Некоторые наблюдатели не понимают всей серьезности глобализации, они усматривают в этом процессе только положительные экономические преимущества, не беря во внимание то, что человек при этом утрачивает внутренние ментальные стереотипы, которые формируют его как полноправного представителя определенной социальной общности. Если мы говорим о глобальной угрозе, то зачастую имеем в виду не военную угрозу, а опасность столкновения моральных принципов, устанавливающих в каждом обществе приемлемые требования к порядку поведения, повседневные способы приспособления к социальной практике и общность мировоззрения.

В процессе глобализации общественная мораль трансформируется, меняются нравственные критерии добра и зла, идет развенчание прежних идеалов и, по мнению А.В. Кукаркина, устанавливаются удобные истины, которым надлежит верить. Мы являемся свидетелями того, что «локальные культуры идентичности утрачивают корни и заменяются символами товарного мира, взятого из рекламного и имиджного дизайна» [7], эстетические и моральные образцы в повседневной жизни, широко пропагандируемые средствами массовой информации, все более обретают стереотипные черты: если одежда – то джинсы и майка, если манеры поведения – то они, как в рекламе, направлены на превосходство над всеми и во всем, если кино – то обязательно фэнтези или боевик. Субъекты подражают тому, что их убедили считать нормальным, поскольку это соответствует стандарту, пропагандируемому общему образцу, к которому относят не только моду на одежду, но и на стандартный стиль жизни, ориентированный на «глянцевый» стереотип.

Вероятно, поэтому сейчас так популярен «гламур» – в данном случае он означает стремление к установленному в обществе образцу понимания роскоши

и направлен на демонстративное убеждение окружающих в своем процветании. «Гламур» заменяет понимание ценности важностью обладания, превращает вещи в предмет страстного желания.

Такое стремление, согласно утверждению Ж. Бодрийара, не является случайностью, поскольку на эту альтернативу духовному работала вся идеологическая машина современного западного общества. Поэтому у современного человека происходит постепенное, незаметное замещение понятия «взаимопонимание» и «ценность» на необходимость следовать установленному образцу. Следование образцу является навязанным и потому характеризуется лишь «похожестью», основанной на «внешнем отождествлении, уподоблении, подражании», нарушающей и разрушающей внутренний «образ себя» [8]. Отсюда и причина конфликта: субъект противится восприятию того, что необходимо просто принять как нормальное явление для другого. Поэтому «универсализация стилей жизни» (У. Бек) и навязанные ценности не могут определить смысл человеческого существования, заменить радости совершенствования после достижения.

При выборе ценностей определяющим должно быть не копирование, а следование внутреннему, «укорененному в недрах личности», априорному их пониманию, т.к. переоценка и выбор ценностей влияют на культурные и ментальные устои общества, формируют «качественно иной, чем прежде, народ» [9]. Чтобы этот выбор не расценивался как сложнейшая задача, он не должен противоречить традиционным предпочтениям социума, должен быть не только рационально и практически обоснованным, но и внутренне необходимым. Таким образом, столкновение цивилизаций может быть вызвано вовсе не угрозой военных действий, а стремлением защитить от посягательств и диктата свои ценности и национальную культуру, сохранить их первоначальную целостность и самобытность. Поэтому так важно избавиться от самонадеянной эгоцентричности некоторых стран, которые не желают осознавать, что эгоистическая природа их стремлений порождает только зло и разрушения, а также приводит к духовному обнищанию общества. Необходим рационалистический подход, который исключит позицию диктатуры сильного по отношению к слабому и сможет использовать столкновение цивилизаций в качестве основы для взаимовыгодного культурного диалога, направленного на понимание значимости любой культуры в сфере познания методом изучения социального компьютинга.

Литература

1. Делез Ж., Гаттари Ф. Ризома / Журнал философских переводов, 2009, № 1, с. 172.
2. Наем Дж. Гибкая власть. Как добиться успеха в мировой политике. – Новосибирск-М.: Тренды, 2014.
3. Устьянцев В.Б. Человек, жизненное пространство, риски: ценностный и институциональный аспекты. – Саратов: Изд-во СГУ, 2014, с. 118.
4. Российская повседневность в условиях кризиса. – М.: Альфа-М, 2014, с. 7.
5. Хюбнер Б. Смысл в бес-СМЫСЛЕННОЕ время: метафизические расчеты, просчеты и сведение счетов / пер. с нем. А.Б. Демидова. – Мн. : Экономэкспресс, 2014, с. 278.

6. Парцвания В.В. Россия и Грузия: диалог и родство культур : сборник материалов симпозиума. Вып. 1. – СПб. : Санкт-Петербургское философское общество, 2013, с. 255.
7. Бек У. Что такое глобализация? – М. : Прогресс-Традиция, 2014, с. 82.
8. Гурин С.П. Мифология и религия в антропологическом контексте. – Саратов: СГЭУ, 2011, с. 16.
9. Кутковец Т., Клямкин И. Нормальные люди в ненормальной стране. Старые мифы о народе отвергаются сегодня самим народом // Московские новости, 2012, 2 авг.

СМИ КАК ФАКТОР ИНФОРМАЦИОННОЙ СРЕДЫ КОМПАРАТИВНЫХ ОТНОШЕНИЙ

С.Н. Питка,

*кандидат социологических наук,
доцент кафедры социологии и организации работы с молодежью,
НИУ «БелГУ»*

Одним из неотъемлемых и значимых элементов социального взаимодействия являются компаративные отношения или отношения социального сравнения. Сравнение является особой операцией сопоставления, познавательным средством, а также обязательной составляющей сознания, самочувствия и реального поведения людей. Сравнение является социальным, когда через него происходит социальная презентация того, кто сравнивает (субъекта сравнения) и того, кого сравнивают (объекта сравнения).

Для раскрытия потенциала компаративных отношений огромное значение приобретает *создание информационной среды*, так как в условиях отсутствия информации было бы проблематично само существование социального сравнения. Без информации не с кем и не с чем сравнивать.

В современном обществе наблюдается нарастание масштабов и интенсивности информационных потоков, и на первый взгляд очевидно, что компаративные отношения имеют достаточное информационное обеспечение. Однако, подача большей части информации производится с некоторой односторонностью, что делает проблематичным процесс формирования благоприятной компаративной информационной среды.

На недостаточный уровень компаративной информированности сотрудников организаций указывают данные некоторых исследователей, в частности И.В. Конева, анализирующего инновационную готовность инженерно-управленческого персонала ОАО «Белэнергомаш» [1]. Им установлены следующие коэффициенты информированности и восприимчивости персонала к нововведениям (максим. значение коэффициента = 1).

Отмечая в целом недостаточный уровень компаративной информированности инженерно-управленческого персонала и, особенно, по позициям 2, 3, укажем также на то, что:

1) информационный уровень руководителей выше, нежели сотрудников отделов;

2) чем выше у отделов внешних функций, скажем, у отделов закупок и продаж, тем выше уровень компаративной информированности их персонала, во всяком случае, у руководителей.

Таблица

Инновационная готовность персонала к инновациям

		Руководители отделов	Сотрудники отделов
1	Информированность о новшествах, внедрение которых содействовало бы успешной работе завода	0,84	0,71
2	Информированность о работе родственных отделов на других предприятиях (отечественных)	0,58	0,48
3	Информированность о работе родственных отделов на других предприятиях (зарубежных)	0,45	0,35
4	Восприимчивость к новшествам, внедрение которых способствовало бы успешной работе отдела	0,84	0,81
5	Заинтересованное отношение к работе родственных отделов других предприятий	0,65	0,64

Каким же образом следует формировать информационную среду компаративных отношений? Формирование информационной среды предполагает решение, по меньшей мере, трех задач:

- 1) сбор информации,
- 2) распространение информации
- 3) использование информации.

Сбор информации о научно-технических, организационно-управленческих и социальных новшествах целесообразно осуществить, на наш взгляд, посредством создания соответствующего банка данных федерального (всероссийского), регионального и, возможно, местного (муниципального) уровней. Руководители организаций могли бы оперативно отбирать для внедрения нужные новшества. Несомненно, значительные возможности открывает при этом Интернет.

Такие центры научно-технической информации могли бы осуществлять распространение информации на федеральном, региональном, муниципальном уровнях, а также службы (бюро) научно-технической информации на предприятиях.

Большая роль в информационном обеспечении компаративных отношений отводится, конечно же, средствам массовой информации (СМИ). Для исправного выполнения этой роли важно соблюдение следующих требований.

Первое требование относится к многообразию и разнообразию социально значимой информации, дифференцированной по определенной тематике (с учетом предметной направленности компаративных отношений, социально-демографическим и социально-профессиональным группам). Школьники должны иметь свое издание, студенты – свое, у пенсионеров тоже есть свои

интересы, которые должны отражаться в их изданиях. Для начала можно готовить эти издания в качестве приложений к региональным и местным газетам (возможно, и к федеральным), как это делается, к примеру, газетой «АиФ».

Второе требование связано с необходимостью более активного развития местных (муниципальных) средств массовой информации (телевидения, прессы, радиовещания), а также локальных СМИ (при учебных заведениях, предприятиях и т.п.). Информация о знакомых людях, местных фактах и проблемах более привлекательна и действенна, нежели информация, отвлекая от повседневных забот и интересов населения. В данной связи хотелось бы отметить распространяемый бесплатно при некоторых учебных заведениях, в частности при НИУ «БелГУ» появившийся недавно журнал «Онанас», который публикует материалы о социальной, учебной и досуговой сферах жизни молодежи.

Третье требование – аккумуляция и распространение социального опыта, т.е. выявление и освещение всего ценного и значимого, что есть и происходит в местном сообществе, регионе. Возможен целый набор тематических передач и публикаций типа «Человек года», «Человек и его дело», «Человек и поступок», «Лучшая семья». Под «социальным опытом» в данном случае понимается не только профессионально-трудовой, организационный и т.п., но и нравственный опыт, т.е. опыт достойного решения человеком непростых нравственных проблем.

Четвертое требование – учет реальных потребностей, притязаний и ценностей людей, их территориальных, возрастных и других групп. Целесообразно проведение постоянного мониторинга по этим аспектам жизни и деятельности людей.

Пятое требование относится к принципиальному расширению круга тех людей, о которых должны писаться очерки, готовиться теле- и радиопередачи. У абсолютного большинства людей есть, на наш взгляд, такие качества, дела и достижения, которые имеют социально значимый смысл и которые должны стать достоянием социума (хотя бы на уровне знакомства с ними). В той мере, в какой лучшие человеческие качества становятся достоянием социума, получая от него соответствующее признание, в такой же мере человек начинает жить и действовать по нормам социума.

Шестое требование – большая активность в подготовке и распространении сравнительной информации о людях, организациях, общностях, городах и т.п. В качестве примера можно привести сравнительные информационные материалы о деятельности сельскохозяйственных предприятий и районов в Белгородской области, которые еженедельно готовит и публикует Мониторинг регионального управления в субъектах Центрального федерального округа. В этих материалах приводятся 1) сравнительные данные по всему 18 районам ЦФО; 2) сравнительные данные результатов нынешнего года и прошлогодних результатов; 3) сравнительные данные областных результатов и средних результатов по области [2].

Седьмое требование – обеспечение баланса между информационными материалами 1) социально-воспитательной, 2) справочно-информационной, 3) рекламной и 4) развлекательной направленности. К сожалению, в настоящее время СМИ делают акцент на размещение информационных материалов рекламного и развлекательного характера.

Восьмое требование – всемерное содействие процессам возрождения и укрепления национальных традиций, более полному представлению национальных достижений как предмета уважения и социального сравнения. В связи с этим хотелось бы привести факты, которые могли бы явиться некоторым примером для россиян. «Угроза макдональдизации» побудила некоторые страны Европы начать разработку на государственном уровне культурно-образовательной политики, поддерживающей стремление к сохранению национальной идентичности. Во Франции, например, были приняты законодательные акты, защищающие французский язык и национальную индустрию развлечений, составлен список англоязычных заимствований, которые не могут употребляться в официальных документах, установлен минимальный порог французского и европейского участия в теле- и радиовещании [3].

Требования, предъявляемые к СМИ, могут, разумеется, уточняться, конкретизироваться и дополняться. В данной статье мы рассмотрели и предложили базовые требования, необходимые для эффективного информационного обеспечения такой значимой операции социального взаимодействия как компаративные отношения.

Литература

1. Конев И.В. Инновационная готовность персонала организации: диагностика и пути повышения. Белгород: Изд-во БелГУ, 2001.
2. Мониторинг регионального управления в субъектах Центрального федерального округа: оценка качества их жизни и социальная эффективность. – М.: Изд-во «Прспект», 2014. – 48 с.
3. Семененко И.С. Трансформация критериев самоидентичности в социокультурном и политическом пространстве: западная парадигма и российский контекст // Полис. – 2000. – № 3. – С. 81.

КОННЫЙ СПОРТ В МАСС-МЕДИЙНОМ ПРОСТРАНСТВЕ

Я.А. Питка,
аспирантка НИУ «БелГУ»

В современном обществе возрастает роль спорта как сферы человеческой деятельности. Являясь значимым компонентом позиционирования для политиков и бизнесменов, заинтересованных в формировании и укреплении позитивной репутации, спорт является универсальной коммуникационной технологией, образующую определенную общественную среду. Среди разнообразных видов спорта особое место занимает конный спорт. Его главной

особенностью является то, что команду образуют двое – спортсмен и лошадь, и успех спортивного выступления в равной степени зависит как от способностей человека, так и от способностей лошади, при этом оба участника команды должны соответствовать друг другу по характеру и темпераменту, быть единым целым.

В истории развития общества лошади играли существенную роль, являясь незаменимым помощником человека и в быту, и на войне. Особый интерес к лошади и ее месту в социально-экономическом развитии общества и государства обусловил развитие научного подхода к их изучению, при этом наука о лошади включала в себя правила разведения, содержания, тренинга, а также искусство верховой езды.

Конный спорт (КС) – собирательное понятие, под которым понимаются спортивные игры с использованием лошадей. При езде верхом всадник активно взаимодействует с движением лошади.

Известный с незапамятных времен, конный спорт прошел сложный путь развития, включая средневековые рыцарские турниры, состязания кавалеристов, а также современные Олимпийские игры. В России первые конные турниры появились в Петербурге в 1766 г., а скачки, носящие характер официальных состязаний – в 1826 [2].

Пристальное внимание человека к конному спорту, возможно, было вызвано тем, что данный вид спорт оказывает на человека многостороннее физиологическое и психологическое влияние. При занятиях конным спортом у человека укрепляется дыхательная, сердечно-сосудистая, мышечная системы, нормализуется кровообращение и работа внутренних органов, улучшается осанка, снижается вес. При общении с лошадью у человека отмечается большой спектр положительных эмоций, который способствует снятию стресса, формируется самосознание и самообладание. Благодаря успешному приобретению навыков управления лошадью повышается уверенность в своих силах и самооценка. Следует также отметить эстетическое сопровождение конноспортивных турниров – тандем человека и лошади завораживают изяществом, грацией, пластичностью, и зритель, вне зависимости от результатов, испытывает мощный заряд положительных эмоций.

Конный спорт – один из самых дорогих привилегированных видов спорта. Затраты складываются из таких компонентов как стоимость лошади, ее содержания и снаряжения, стоимость ветеринарного обслуживания, услуг коваля тренера и спортсмена, стоимости аренды манежа, площадок и различных трасс, оборудованных препятствиями; транспортировки лошади к месту соревнований, оплаты труда юристов при заключении договоров и других затрат.

В советские времена конный спорт находился на государственном финансировании. При распаде СССР блокирование бюджетов привело не только к закрытию спортивных школ и баз, но и к истреблению лошадей. Происходящие в России экономические реформы привели к тому, что изменилась социальная база конного спорта. Всадники самостоятельно искали

возможности для финансирования своих выступлений и в большинстве случаев обращались за поддержкой к спонсорам.

С 1991 по 1993 год в столичном конноспортивном комплексе «Битца» проходили этапы Кубка мира, спонсорами которых был концерн «Volvo» и компания «Dunhill». За международными корпорациями начали осваивать пока неизведанное поле деятельности и российские компании. Первые уверенные шаги были сделаны на Кубке Мэра по конкуру и выездке (1998-2005 гг.). Помимо титульного спонсора этих соревнований, строительной компании «Дон-Строй», в числе спонсоров соревнований значились около десятка крупных московских компаний, помогавших формировать бюджет турнира. По мере появления в конноспортивном календаре событий, интересных не только их участникам-спортсменам, но и широкой публике, рано или поздно каждое мероприятие находило своих спонсоров, многие из которых впоследствии переходили от финансовой помощи отдельным турнирам к поддержке развития конного спорта в целом [4].

В настоящее время поиск спонсоров в сфере конного спорта остается одной из центральных проблем, в связи с чем возникает необходимость привлечения внимания к этому специфичному виду спорта с помощью средств масс-медиа. Популярность конного спорта во многом определяется переходом от элитности к массовости.

В 2003-2004 годах вопросы рекламы и маркетинга всерьез озаботили Международную федерацию конного спорта, и было принято решение обратиться к опыту профессионалов, далеких от конного спорта. К многочисленным департаментам FEI был добавлен еще один – коммерческий.

Спортивные маркетологи уже давно определились, что в современном мире первичен не зрительский интерес, а готовый продукт. Если у организаторов соревнований есть, что предложить зрителям, то для того, чтобы получить отдачу, в рекламу нужно вкладывать очень большие деньги.

Маркетинговые исследования показали, что именно командные соревнования наиболее близки и понятны массовому зрителю. В 2010 году FEI потратила на маркетинг, рекламу и пиар около 8.8 миллионов евро, то есть четверть своего бюджета. Значительная часть от этой суммы ушла на новый проект FEI-TV, интернет-вещание с основных турниров, проходящих под эгидой FEI. С одной стороны, FEI-TV стало естественной реакцией на появление новых информационных каналов, аудитория которых стремительно увеличивается. С другой стороны, федерация уже не может с прежней уверенностью гарантировать своим крупнейшим спонсорам достаточного освещения их вклада в развитие конного спорта через традиционные виды СМИ.

Национальная скаковая ассоциация США, объединяющая в своих рядах владельцев ипподромов и лошадей, а также коннозаводчиков, после долгих обсуждений провела исследование, в результате которого выяснилось, что главное событие сезона в США, Бридерз Кап – восемь очень дорогих скачек, которые разыгрываются в начале ноября или в конце октября на разных ипподромах США и Канады: Distaff, Juvenile Fillies, Male, Sprint, Filly & Mare

Turf, Turf, Classic и Juvenile., – практически неизвестно публике, скачками не увлекающейся. Результаты этого исследования заставили задуматься ассоциацию о выделении отдельного бюджета на рекламу и маркетинг, а также о более плотном сотрудничестве со средствами массовой информации, и в первую очередь с телевидением [4].

Опытные организаторы турниров считают равноценными участниками турнира не только спортсменов, но и судей, спонсоров, публику и журналистов. Следует помнить о том, что доброжелательные публикации в прессе являются одним из самых эффективных методов рекламы.

Любители конного спорта Великобритании с ностальгией вспоминают те времена, когда даже первые шаги человека по лунной поверхности не смогли вытеснить с первых полос газет новости с соревнований по конкуру. В те времена все крупные британские газеты имели собственных корреспондентов, специализировавшихся по конному спорту.

В настоящее время новости конного спорта поглощены информационным потоком прочих спортивных новостей, что во многом определяется заменой ярких, интересных историй на сухие пресс-релизы. Следует указать на некую пассивность конного мира по отношению к СМИ. Когда крупнейшая британская газета «Дейли Телеграф» сократила количество репортажей с Всемирных конных игр в Кентукки, в ее редакцию поступило только два письма по этому поводу – ФКС Великобритании и Ассоциации выездки Великобритании. Потенциальные читатели предпочли выплеснуть свое недовольство в интернете на специализированных конных форумах и в фейсбуке. В связи с этим можно предположить, что ТВ-компании убирают трансляции с конных турниров не по собственной инициативе, а на основании исследований аудитории.

Среди способов привлечения и удержания внимания общественности к конному спорту следует отметить off-лайн технологии. Off-лайн представляет собой продвижение традиционными методами, не имеющими отношение к интернету. В рамках офф-лайн можно выделить соревнования и специальные мероприятия по конному спорту, а также печатные издания, посвященные конному спорту и лошадям.

Среди соревнований и турниров по конному спорту следует отметить Этап Кубка мира в Москве в КСК «Битца» и турнир по конкуру «Хрустальное седло», который из года в год пользуются все большей популярностью среди любителей конного спорта. Кубок Завидово по конкуру – одно из самых известных конных состязаний в дипломатических и деловых кругах, среди элиты политики и шоу-бизнеса. В Санкт-Петербурге традиционным турниром стал Кубок Клубов России по конкуру, уникальность которого в спортивной формуле турнира – клуб представляют спортсмены разного возраста: ребенок, юноша и взрослый.

В качестве специальных мероприятий хотелось бы отметить известную не только в среде профессионалов, но и среди массового зрителя конную выставку «Эквирос», в которой принимают участие конезаводы и частные владельцы, специализированные издания, магазины конной амуниции. Во время выставки

проходят конные шоу, соревнования по конкуру и выездке, чемпионат пони-клубов, ярмарка лошадей и выводки пород. В рамках выставки проходит конный парад «Гордость России», на котором выставляются лучшие представители конских пород, традиционно разводимых в России.

Среди способов привлечения внимания общественности к конному спорту можно отметить Красочно иллюстрированные книги, повествующие об азах верховой езды, а также журналы на конноспортивную тематику, в частности «Конный мир», «Золотой мустанг».

Эффективным способом привлечения внимания общественности к конному спорту являются «он-лайн» технологии, включающие в себя такие виды СМИ, как специализированные интернет-порталы, построенные по схожей схеме: форумы, где гости общаются между собой по интересующим их вопросам, объявления о покупке, продаже лошадей или амуниции, дневники, а также информация о клубах, соревнованиях и прочих новостях в сфере конного спорта. Отметим такие порталы как: www.prokoni.ru, www.horse.ru, www.loshadi.ru, www.horsecity.ru www.equestrian.ru. Следует отметить также сайты конных клубов и официальные сайты Федерации конного спорта России (ФКСР) и Всероссийского научно-исследовательского института коневодства (ВНИИК). На этих сайтах любой желающий может найти интересующую его информацию по соревнованиям всех уровней и испытаниям пород. Та как ФКСР и ВНИИК являются официальными органами в структуре конного спорта, данные источники имеют достаточно весомый авторитет в конной индустрии [3].

Привлечению внимания общественности к конному спорту способствуют также электронные версии журналов «Конный мир» и «Золотой мустанг», о которых мы говорили ранее, а также социальные сети.

На данном этапе развития new media занимает ведущую роль в системе СМИ. Социальные сети – неотъемлемая часть современного онлайн продвижения. В сетях люди обмениваются мнениями об элементах конного спорта, его проблемах и путях их решений.

В конном спорте выделяется несколько групп: классические виды конного спорта, включенные в программу Олимпийских игр: выездка или высшая школа верховой езды, преодоление препятствий, или конкур, и троеборье; национальные конные игры, распространенные у многих народов, особенно на Кавказе и Средней Азии; бега и скачки на ипподроме; скачки с препятствиями, состязания троек, тачанок, конно-лыжный спорт; конная охота(8).

Одним из важных направлений конного спорта является паралимпийский конный спорт, который является новейшей дисциплиной Международной Федерации Конного Спорта. Следует сказать, что конный спорт изначально использовался как реабилитационный вид спорта и отдыха для людей с инвалидностью. Соревнования по паралимпийской выездке начали регулярно проводиться в 1970-х годах в Скандинавии и Великобритании. Первый Чемпионат Мира состоялся в 1987 году в Швеции, а в 1991 паралимпийский конный спорт был официально признан Международным Паралимпийским

Комитетом. В соревнованиях по паралимпийскому конному спорту принимают участие спортсмены с различной степенью и характером физических отклонений.

Основная цель Специальной Олимпиады по конному спорту состоит в том, чтобы помочь людям с отклонениями в умственном развитии стать полноправными членами общества, деятельно участвующими в общественной жизни, предоставить этим людям равные возможности для демонстрации своих навыков и талантов в условиях спортивных соревнований и информировать общественность об их возможностях и потребностях.

Таким образом, влияние конного спорта на жизнь общества обусловлено важнейшими функциями, которые он выполняет в системе социально-экономического развития и воспроизводства. Конный спорт регулирует большую часть социально-экономических процессов и затрагивает практически все слои населения: от детей до пенсионеров, от начинающих до выдающихся спортсменов, инвалидов, людей с умственными отклонениями и других групп населения. Конный спорт является важной сферой общественной жизни, участвуя в формировании воспроизводства здорового, физически активного поколения, подготавливающего спортсменов высокого класса для повышения международного престижа страны.

Литература

1. Белов А.А. Теория и практика связей с общественностью. – Ростов н/Д.: «Феникс», 2005.
2. Калашников В.В., Калашников Р.В. Табунное коневодство России // Коневодство и конный спорт 2011. – № 5.
3. Мясоедова И.Е., Соболева О.О. Теоретико-методологические основы современного конного спорта (сборник лекций). – М.: МГАФК, 2005.
4. Штатнова Е. Продаваем ли конный спорт? / Электронный ресурс. Режим доступа: <http://www.equestrian.ru/sport/>

КОНТЕКСТНАЯ КОММУНИКАЦИЯ МОЛОДЕЖНОЙ ЦЕЛЕВОЙ АУДИТОРИИ СМИ КАК СПОСОБ СОЦИАЛЬНОГО ПОЗНАНИЯ

О.А. Папанова,

*канд. психологических наук, ст. преподаватель
кафедры управления персоналом, НИУ «БелГУ»*

А.А. Шевченко,

*студент
факультета журналистики НИУ «БелГУ»*

Социальное познание – это познание социального мира «обыденным» человеком, познание им повседневной реальности своей собственной жизни. Ориентация в окружающем мире всегда была потребностью человека, но она резко возрастает в новой ситуации: ориентироваться в сложном мире, можно только умея адекватно интерпретировать наблюдаемые факты; без такой интерпретации легко потерять смысл как происходящего, так и своего

собственного места в нем. Бурный темп социальных изменений, развитие средств массовой информации требуют от человека не только большей адаптации к социуму, но и умения «совладать» с новой ситуацией, то есть оптимизировать деятельность в ней, следовательно, лучше понять, как соотносятся наши знания о мире с изменениями в нем.

С конца 20-го столетия в социально-психологической литературе стала заявлять о себе особая область, которая обозначила себя как «психология социального познания». Познавательная активность состоит в конструировании из простых идей сложных и в рефлексии над этим процессом. Преодолеть разрыв между социальным и несоциальным в человеке и тем самым открыть путь к пониманию социальной природы познавательной активности попытался Ш. Блондель. Он отвергает возможность существования действий индивида собственно и чисто индивидуальных. Согласно Блонделю, социальную природу имеет не только наше мышление, но и восприятие, память, воля, эмоции – все психические процессы. Подлинное существо познавательной активности состоит в способности человека строить исходя из широкого контекста индивидуального и усвоенного общественно-исторического опыта прогностическую модель, вернее образ мира.

Важнейшей характеристикой образа мира, обеспечивающей ему возможность функционирования в качестве активного начала отражательного процесса, является его деятельностная и социальная природа. У человека мир приобретает в образе пятое квазиизмерение. Этот переход через чувственность за границы чувственности, через сенсорные модальности к модальному миру. Предметный мир выступает в значении, т.е. картина, мира наполняется значениями [3].

Углубленное познание требует снятия модальности и состоит в таком снятии, поэтому наука не говорит языком модальностей, этот язык в ней изгоняется. В картину мира входят невидимые свойства предметов: а) амодальные – открываемые промышленностью, экспериментом, мышлением; б) «сверх-чувственные» – функциональные свойства, качества, такие, как «стоимость», которые в субстрате объекта не содержатся. Они-то и представлены в значениях! Одной из форм существования следа деятельности является субъективное отношение к объектам, явлениям, ситуациям, связанным с её (деятельности) предметом, допускающее экспериментальную фиксацию в виде оценочного суждения или другой атрибутивной характеристики этих объектов, явлений, ситуаций.

Что же понимается под «социальным познанием» в отличие от вообще «познания», с одной стороны, и от «социального восприятия», с другой: во-первых, признается факт социального происхождения этого познания, в том смысле, что оно возникает и поддерживается социальным взаимодействием, решающую роль в котором играет коммуникация; во-вторых, социальное познание имеет дело с социальными объектами, круг которых значительно расширен (по сравнению с перечнем объектов социального восприятия) и должен быть обсужден специально; в-третьих, социальное познание социально разделено, т.е. его результаты являются общими для членов общества или

группы, «разделяются» ими, в противном случае никакие взаимодействия людей были бы невозможны [1].

С самых первых этапов социализации кто-то «другой» представляет человеку окружающий его мир, следовательно, уже ребенок начинает воспринимать мир в некоторой заданной рамке. В этом смысле человек не просто «фотографирует» мир, но конструирует его. Под «конструированием» понимается приведение в систему информации о мире, организация этой информации в связные структуры, с целью постижения ее смысла. Именно это и позволяет построить «картину» объективной реальности, важность которой едва ли не значимее для человека, чем реальность объективная.

Группа факторов, участвующих в социально-познавательном процессе и лежащих «за пределами когниций», это – социальные факторы. Два из них явились предметом особенно популярных сегодня исследований: социальный консенсус и роль ценностей в познании.

Социальный консенсус трактуется как влияние на процесс индивидуального познания социальных явлений принятых образцов их толкования в той или иной культуре, в том или ином типе общества или его части. Эти принятые образцы суть определенные конвенциональные значения, то есть своего рода договоренности относительно того, как будут интерпретироваться те или иные данные, полученные в процессе познания социальных явлений. Такие «договоренности» существуют в каждой культуре и касаются прежде всего достаточно универсальных характеристик мира: времени, пространства, изменения, причины, судьбы, числа, отношения частей к целому и прочее. Общепринятые трактовки этих характеристик образуют своеобразную «модель мира», сетку координат, которой пользуются люди при восприятии мира и построении его образа

Другой важный фактор, детерминирующий когнитивную работу с информацией – социальные ценности. По сравнению с теми искажениями информации, которые связаны с индивидуальными психологическими особенностями познающего, «субъективность» оценок под влиянием социальных ценностей значительно больше. Индивид неизбежно «смотрит» на социальный мир через призму определенной системы ценностей. Они могут быть разного уровня: глобальные (добро, красота, свобода и прочее) или приближенные к обыденной жизни (хорошая семья, благополучие, дети и пр.). Пока они неизменны, новая информация отбирается так, чтобы «подтвердить» структуру ценностно-нагруженных категорий.

Ещё один блок проблем в названной области – анализ «продуктов» социального познания, иными словами, описание элементов социального мира, как они предстают перед глазами познающего субъекта. Спектр этих элементов весьма широк: образ-Я, образ Другого, образ Группы (Организации), образ Времени, образ Среды, образы других, не столь поддающихся определению социальных явлений и, наконец, образ Общества.

Предложенная палитра проблем психологии социального познания была бы не завершённой без выяснения роли социальных институтов в построении образа социального мира. Семья и школа, средства массовой информации и

церковь на протяжении всего процесса социализации «организуют» формы и способы постижения человеком социального пространства [2].

СМИ сегодня дают возможность передавать большой объем информации на большие расстояния и за короткий промежуток времени. Так же существуют колоссальные возможности в отношении охвата аудитории – от отдельного человека до больших социальных групп. Поэтому так велика роль влияния СМИ на массы, в которой информация определенной заряженности может вызвать эффекты эмоционального заражения и реверберации эмоциональной реакции. С этой позиции мы можем рассматривать СМИ как канал через который формируется массовое сознание. Как раз через этот канал и осуществляется переход от социального познания индивида к социальному познанию группы в целом. Ведь СМИ практически не знают границ действия (демографических, социальных, политических).

Еще в 20-е годы прошлого века была сформулирована концепция средств массовой информации, которая затем получила более четкое воплощение в теории Г. Лассуэла – так называемой «пятичленной формуле». В ней перечислены 5 элементов, входящих в процесс коммуникации СМИ: коммуникатор, сообщение, аудитория, канал, эффективность. Одна из особенностей информации в СМИ – она организованная. То есть человек получает не саму первичную информацию в чистом виде, а информацию как результат интерпретации фактов.

Вторая особенность СМИ в том, что они обеспечивают не только информирование, но и служат средством массовой коммуникации. Только в этом варианте коммуникации теряется эффект обратной связи в его привычном понимании. Своеобразие заключается в том, что обратная связь носит отсроченный характер. Развитие индивида, его социализация и формирование образа мира происходит через «вычерпывание» и «кристаллизацию» информации в СМИ, ее обсуждение с другими людьми, знакомством с мнением других людей по поводу информации и сравнением этого мнения со своим собственным.

Еще одна особенность СМИ заключается в том, что подача информации через эти каналы в большей степени подчиняется нормам общения, чем даже это бывает при обычном межличностном общении. С этих позиций как раз остро выступает роль СМИ в распространении культурных ценностей и обеспечении интеллектуализации общества.

Для того, чтобы получить данные о том, как молодежь воспринимает СМИ и как видит их роль в обществе и своей жизни в частности, нами было проведено социально-психологическое исследование. Мы остановили свой выбор преимущественно на методиках, широко применяемых в психолингвистике и психосемантике [5].

В нашем случае это тест «Завершение предложений», чрезвычайно распространенная ассоциативная методика. Применение теста «Завершение предложений» как инструмента специалистов, которые имеют дело с проблемами молодежи и хотят познакомиться поближе с их потребностями, внутренними конфликтами, фантазиями, чувствами, отношениями,

стремлениями и адаптационными проблемами, давно получило широкое признание [4].

Для исследования восприятия молодежью СМИ нами был выбран вариант теста «Завершение предложений», представляющий собой одно предложение, которое необходимо дополнить различными фразами. При формулировании основной части предложения мы ориентировались на следующие критерии:

- 1) наиболее удачная интеграция ключевого слова-стимула в основную часть предложения;
- 2) ответ должен контролироваться как можно меньше первоначальной фразой, чтобы субъект имел свободу выражения;
- 3) общее время, выделяемое на тест, не должно превышать оптимально короткий период для обеспечения спонтанности ответов.

Критерии анализа полученных результатов.

1. Частота и редкость ответов, относящихся к данной содержательной области.
2. Исправления и упущения.
3. Эмоциональная насыщенность языка ответов.

При помощи данных критериев производится количественный и качественный анализ полученных результатов.

Выборка респондентов была сформирована случайным образом посетителей крупного торгово-развлекательного центра в возрастном диапазоне от 17 до 25 лет. Им предлагалось закончить фразу «СМИ сегодня (в наше время) – это ...». В итоге все ответы испытуемых были сгруппированы в 5 смысловых категорий. Далее мы проранжировали категории в зависимости от вклада этой категории в общую сумму всех ответов. Ведущей стала категория «Источник информации», набравшая 40% от общего числа перечисленных характеристик СМИ. На втором месте была категория «Освещение событий» – 30% характеристик. Почти 1/10 часть респондентов ассоциирует СМИ с такой характеристикой как «Референтность» (популярность СМИ в обществе, их значимая роль). Примерно такой же вес имеет и категория «Общественное мнение» («СМИ позволяет нам видеть мнения других людей и анализировать их»).

При подсчете количества ассоциаций нами был вычислен не только суммарный показатель ассоциаций в каждой из категорий, но и отдельно фиксировались утверждения с положительной и отрицательной эмоциональной окраской. Все выше перечисленные категории включали утверждения, говорящие о том, что молодежь положительно воспринимает СМИ. Однако, 10% из общего числа ассоциаций несли отрицательный эмоциональный заряд, и были объединены нами в категорию «Серый пиар» («размытые сведения», «информацию подают так, как надо, а не так, как есть»). Превосходство ассоциаций с положительной эмоциональной окраской говорит о том, что в целом отношение к СМИ доверительное и позитивное, то есть молодежь слушает и прислушивается. Но в этом есть и опасность! И великая моральная ответственность лежит на тех, кто сегодня «делает новости». В эпоху нестабильности и социальных изменений государству как нельзя больше

нужны сильные личности, интеллигентные и умные молодые люди. Воспитать такие личности, которые могут сделать правильный выбор поведения в ситуациях резких социально-политических изменений, могут только те, кто сами живут, мыслят и действуют в координатах общечеловеческих ценностей, свободны от стереотипов и ответственны за каждое свое Слово.

Литература

1. Бергер П., Лукман Т. Социальное конструирование реальности. – М., 2005.
2. Брунер Дж. Психология познания. – М., 2007.
3. Леонтьев А.А. Основы психолингвистики. – М.: Смысл, 1999.
4. Найссер У. Познание и реальность. Смысл и принципы когнитивной психологии. – М.: Прогресс, 1981.
5. Смирнов С.Д. Мир образов и образ мира. // Вестник МГУ. – Серия 14. – Психология. – 1981. – № 2. – С. 15-22.

СОДЕРЖАНИЕ

Интеллектуальная маргинализация как социокультурный феномен современного общества

Аматова Н.Е. Интеллектуальная маргинализация молодежи как проблема внедрения конвергентных технологий	9
Антоненко Н.В. Мотив престижа в выборе студентами будущей профессиональной деятельности	9
Апалькова О.В. Социальная ценность бренда «Россия» в современных условиях интеллектуальной маргинализации молодежи	17
Бессонова М.В. Социальный институт семьи как инструмент противодействия маргинализации молодежи	21
Вангородская С.А. Аксиологические аспекты самосохранительного поведения студенческой молодежи (по результатам эмпирического исследования)	28
Городова Т.В. Формирование реабилитационного пространства как элемент противодействия интеллектуальной маргинализации молодежи с ограниченными возможностями в белгородской области	34
Кисиленко А.В. Молодежное волонтерство как перспективное моделирование социальной реальности и фактор противодействия интеллектуальной маргинализации молодежи	41
Куликова О.В. Маргинализация молодежи как актуальная проблема социальной работы	47
Лебедев С.Д. К проблеме дефрагментации сознания: системность рефлексии versus интеллектуальная маргинализация	50
Реутова М.Н., Шавырина И.В. Потенциал молодежных общественных организаций как фактор снижения маргинализации молодежи.....	57
Семченко И.В. Формирование интеллектуального капитала социальных ресурсов в модернизационном обществе	60
Трофименко Е.Н. Анализ процесса «маргинальности» в современном российском обществе	63
Целютина Т.В. Молодежный консалтинг как ресурс социальной регуляции процессов маргинализации российской молодежи	68
Шаповалова И.С. Возможности краудсорсинговых технологий в развитии интеллектуального потенциала общества: проблемы внедрения	75
Шмигирилова Л.Н. Технология краудсорсинга в системе управления интеллектуальным потенциалом региона	79

Роль высшей школы в противодействии интеллектуальной маргинализации молодежи

Астахов Ю.В., Коломыцева М.А. Некоторые аспекты выявления лидерских способностей учащейся и студенческой молодежи	85
Бурова Е.В. Анализ рефлексивно-конативного компонента в структуре личностно-социальной подсистемы социально-технологической культуры будущих специалистов в сфере государственного и муниципального управления	92
Гулей И.А. Проблематизация интернализации организационной культуры студентами вуза	99
Гуляев И.И. Некоторые особенности маргинализации и социальной мобильности современной молодежи в контексте высшего образования	102

Каменский Е.Г. Проблема трансляции культурно-цивилизационных социокодов в системе высшего образования	105
Крисковец Т.Н., Желудкова А.П. Молодежные общественные организации как средство противодействия интеллектуальной маргинализации молодежи	110
Папанова О.А. Развитие когнитивных потребностей студентов как фактор успешного овладения профессией системы «человек-человек»	115
Субботина Е.В. Интеллектуальная маргинализация личности в российском образовании	118

Экономика знаний и интеллектуальный труд: декларация и риски

Гурбанов А.Р. Становление экономики знаний в России	125
Морозова А.В., Крючков А.Г., Садоков В.О. Применение интегративного показателя качества многопараметрических социальных объектов при отборе выпускников технических вузов на вакантные инженерно-технические должности	129
Таспаев С.С., Мельникова Д.В., Терехина Н.А. Интернет-технологии как фактор снижения уровня безработицы молодежи	136

Масс-медиа пространство и его роль в процессах интеллектуализации и маргинализации

Бубнова О.В., Найденова В.С. Особенности влияния рекламы на психологическую безопасность личности старших школьников	140
Варфоломеев М.А., Неманихина В.Е. Развитие феномена социального компьютеринга в условиях глобализации	146
Питка С.Н. СМИ как фактор информационной среды компаративных отношений	152
Питка Я.А. Конный спорт в масс-медийном пространстве	155
Папанова О.А., Шевченко А.А. Контекстная коммуникация молодежной целевой аудитории СМИ как способ социального познания	160

Научное издание

ИНТЕЛЛЕКТУАЛЬНАЯ МАРГИНАЛИЗАЦИЯ МОЛОДЕЖИ
КАК ФЕНОМЕН ОБЩЕСТВА ПОТРЕБЛЕНИЯ XXI ВЕКА

Материалы Всероссийской
научно-практической конференции

г. Белгород, 26-30 мая 2014 г.

Все статьи печатаются в авторской редакции
Оригинал-макет *Н.А. Гапоненко*

Подписано в печать 21.05.2014. Гарнитура Times New Roman.
Формат 60×84/16. Усл. п. л. 9,76. Тираж 40 экз. Заказ 132.
Оригинал-макет подготовлен и тиражирован в ИД «Белгород» НИУ «БелГУ»
308015, г. Белгород, ул. Победы, 85